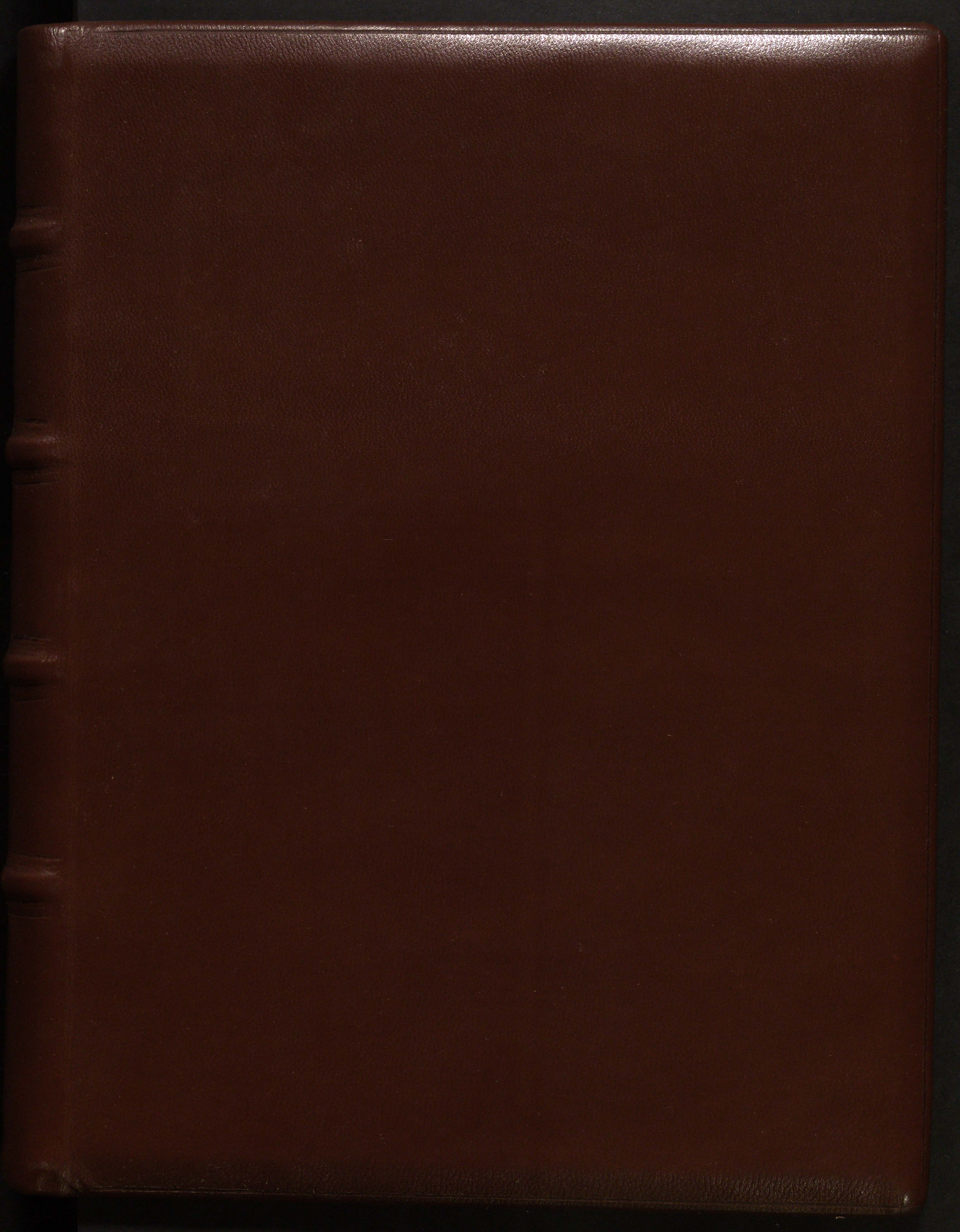

ІОАННА АДОЛЬФА ГОФМАНА

о

СПОКОЙСТВѢ

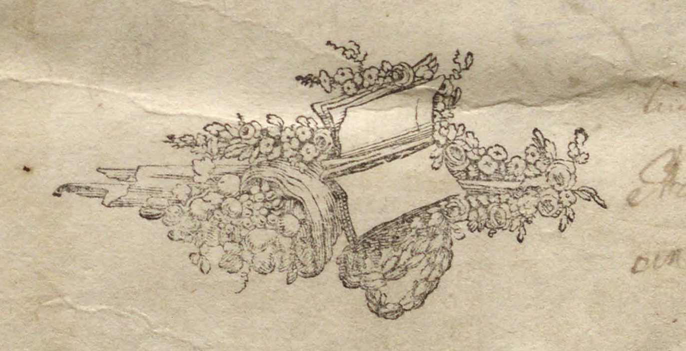
и

УДОВОЛЬСТВІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

съ Нѣмецкаго языка переведена

Г. Сергѣемъ Волчковымъ.

Печатана въ Сенатской Типографіи, у содержателя

Ф. Гиппіуса 1780 года.

1
15р

Сія книга взятая ученикомъ
философіи Кондратомъ Яновскимъ у
Діякона Кондратовича для чтенія. —
1823 года року 24 дня

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

Пункты. Страницы.

ПЕРВАЯ КНИГА,
О
СПОКОЙСТВѢ
И
УДОВОЛЬСТВІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

ПУНКТЪ 1.
Вступленїе.

Въ непогоду и въ ненастливое время увидалъ я прохожаго. Холодной вѣтеръ сквозь все тѣло его проходилъ, а сильной дождь въ Октябрѣ сухой нитки на человѣкѣ не оставилъ. Ноги его по грязи такъ кользятъ, что безъ страха ни одинождьі шагнуть не можетъ; а всѣ члены его отъ стужи дрожатъ. Хотя прохожїй съ одной стороны отъ мокроты, а съ другой отъ холоду и закрывается, однако напрасно. Епанчу его дождемъ такъ пробило, что бѣдной человѣкъ на силу ноги волочетъ. Смотря на сїе самъ я себѣ подумалъ, какъ изрядно и спокойно человѣку въ теплой избѣ дома сидѣть, а какому безпокойству всѣ путешествующїе подвержены. Я сїе пишу въ пользу спокойства, и къ большей хвалѣ удовольствїя. Совѣтъ сей, вся земля, жизнь наша, путешествїе, человѣкъ, прохожїй, а благополучїе и нещастїе есть погода съ тою дорогою, по которой меня судьба Божїя ведетъ. Я уже на свѣтѣ больше сорока лѣтъ странствую. Временемъ дорога суха и хороша, а по большей части худа и непроходима была. Въ товарищахъ никогда я недостатка не имѣлъ, а всѣ они свѣтскїе люди были. Эти прїятели звали меня на пространные луга. Они же хотѣли меня вести въ изрядные

сады и въ бесѣдки съ такимъ внушенїемъ, будто эти мѣста рай и Елисейскїя поля. Но какъ процвѣтающая, и еще не много зеленѣющаяся лѣтняя радость стала увядать, а намъ надобно было въ путь свой ѣхать, то товарищи мои увидѣли, что отъ праваго пути удалились, а эти луга не рай, да такїя мѣста были, кудаословъ и другую скотину на пасству гоняютъ. Нечаянной случай всю нашу компанїю разлучивши, одного позвалъ туда, другаго въ другую сторону, а я какъ въ пустынѣ одинъ остался. Необыкновенное мнѣ одиначество привело меня въ страхъ, а великой шумъ летящаго съ деревья и грудами около меня падающаго листу то въ память мою привелъ, что и мнѣ смерти не миновать. Туманная осень всѣ лѣтнїя прїятности и забавы помрачила. Я было хотѣлъ далѣе итти, но темнота долгихъ ночей путь мой мракомъ закрыла. Въ такихъ обстоятельствахъ платье мое стало за терновникъ зацѣпляться, ноги мои въ лужи и въ болота пошли, а глаза мракомъ покрылись. Взошедшая на небѣ туча громомъ и бурею грозитъ. Не истинное ль сїе подобїе бѣднаго житїя нашего, въ которомъ человѣкъ за одну радость тысячу печалей терпитъ? Тѣ-то напасти, какъ студеной вѣтръ сквозь тѣло человѣческое проходя, судно надежды нашей туда и сюда бросаютъ. Онѣ какъ полая вода до души человѣческой проходятъ. Удовольствїе наше скоро пропадаетъ. Послѣ весны юношества, и по прошествїи жару лѣтъ мужескихъ, и страшитъ насъ осень и зима старости, жестокою бурею болѣзней прискорбностей. Это мнѣ для того скучно показалось, что я по розоновымъ цвѣтамъ ходить обыкъ, а ни одна терновая спица отъ роду меня не укалывала. Прискорбная перемѣна! Какъ скоро можетъ послѣ радости печаль наступить? Я живалъ съ Береницою въ палатахъ, а теперь очутился съ Агарью въ пустынѣ. Ежелибъ Ангелъ и меня также какъ Агарь спросилъ, откуда ты пришелъ, и куда идешь? тобъ я ему такой горестной отвѣтъ сказалъ: изъ прекраснаго Едема, въ эту юдоль плачевную. Отъ радости въ печаль, отъ здоровья въ болѣзнь, изъ довольства въ скудость, отъ веселья въ туженїе, отъ солнца благополучїя подъ темную тучу бѣдъ и нещастїя. Печаль не только ближе ко мнѣ, но уже и до души моей проходитъ. Прохожїй по тому щастливѣе меня, что его только до тѣла промочило, а мое сердце въ пучинѣ бѣдъ и печалей утопаетъ. По се время страхъ съ надеждою равной во мнѣ вѣсъ имѣли, а нынѣ уже надежда страхомъ поглотилась. Душа моя подобна птицѣ отъ гнѣзда свое-

своего удалившейся. Минувшее меня мучитъ, настоящее безпокоитъ, а будущаго сильно боюсь. Такимъ-то образомъ сердце мое въ печалѣхъ, какъ корабль въ волнахъ безпрестанно погружается, и на подобіе отъ Ноя изъ ковчега выпущеннаго голубя, къ отдохновенію своему сухаго мѣста не находитъ. Тѣло мое печаль душевную чувствуетъ, болѣзни его напоминаютъ мнѣ то, какъ жестокая печаль моя. Нѣтъ ли безопаснаго убѣжища, и такой крѣпкой пристани, куда бы сердцу моему отъ толь сильной бури уйти? Есть тебѣ великое спасеніе печальная душа моя! Есть такое безопасное мѣсто, куда тебѣ какъ въ непреоборимую крѣпость отъ всѣхъ твоихъ печалей удаляться надлежитъ. Хотя болѣзнь твоя и велика, однако съ помощію Божіею я тебѣ сильное на то лекарство обѣщаю, ежели только сама тѣ способы употребить похочешь, которыми ты желаемое тобою спокойство такъ надежно получить можешь, какъ то безпокойство подлинно слышишь, которое тебя мучитъ. Однако я не такой тиранъ, которой бы тебѣ о бѣдахъ и напастяхъ твоихъ также запрещалъ печалиться, какъ Римской Цесарь Адріянъ, подъ державою своею въ крайнихъ горестяхъ находившимся Жидамъ ни о чемъ тужить не велѣлъ. Сіе подаетъ облегченіе такому въ прискорбностяхъ живущему человѣку, которой о печаляхъ своихъ умѣренно жалуется. Печаль жалобными словами изъ сердца помалу выходитъ, а умѣренныя слезы тугу и скорбь сердечную исподоволь омываютъ. Сего въ печаляхъ облегченія никто у тебя ни перебиваетъ, только тебѣ надобно того смотрѣть, чтобы слезныя рѣки сердца твоего не потопили. Въ самыхъ слезахъ и печаляхъ не забывай того, что печаль твоя временна, а ты смерти подверженъ. Сердечныя раны жестокую печаль причиняютъ, а та надежда должна твоимъ исцѣленіемъ быть, что на сію рану лекарство есть. Когда люди такое художество изобрѣли, которое тѣлесныя болѣзни цѣлитъ, тобъ уже Богу, и здравому разуму противно было, ежелибъ печальные люди никакой пользы и утѣхи себѣ найти не могли. Тѣло человѣческое земля, а болѣзни его тѣми же травами и вещьми исцѣлаются, которыя земля производитъ, только все эти лекарства къ исцѣленію душевной болѣзни не годятся. Что болѣе человѣкъ старанія прилагаетъ душевную печаль земными веселіями исцѣлить, тѣмъ сильнѣе печаль свою отягчитъ. А что больше ты пользованіе сей болѣзни день за день отсрочивать станешь, тѣмъ неисцѣльнѣе оную здѣлаешь.

2.

Раздѣленіе.

Когда уже душа наша образъ и подобіе Всемогущаго Творца своего будучи, отъ самаго Бога произошла, то оную, кромѣ Божественнаго и духовнаго, ничто другое пользоватъ не можетъ. Но какъ тѣлеснымъ болѣзнямъ силою натуры и дѣйствомъ лекарствъ желанная помощь чинится, такъ и Господь Богъ въ печаляхъ погруженнымъ сердцамъ сугубое основаніе пользы даровалъ 1. Святое слово свое, 2. а потомъ употребленіе здраваго разума. Оба эти духовные способы къ поспѣшествованію тишины и спокойства душамъ нашимъ толь удивительнымъ образомъ соединяются, что къ тѣлесному здоровью душевное исцѣленіе человѣку приносятъ. Ты отъ недостатка сего здоровья часто охаешь и мечешься по примѣру такихъ больныхъ, которые немочь свою чувствуютъ, а что у нихъ подлинно болитъ, того сами не знаютъ. Душа главнѣйшая твоя часть, а тѣло безъ души ничто. Ежели душа больна, то и во всемъ человѣкѣ ничего здороваго нѣтъ. Буде она не довольна и безпокойна, то и человѣку во всей своей жизни также мало вкусу будетъ, какъ лихорадкою болящему въ ѣствахъ. Задумчивость съ сумнѣніемъ, а больше всего печаль съ нетерпѣливостію, всѣ твои безгрѣшныя забавы, власно какъ сладкое питье, желчью огорчитъ. Самая пріятность со всѣмъ тѣмъ омерзѣетъ, а легкая печаль несносною покажется. Лучшій твой другъ подозрителенъ, а непорочное увеселеніе противно тебѣ будетъ. Страхъ тобою такъ обладаетъ, что не только тѣнь опасности ужасъ тебѣ причинитъ, да самъ всегда и всего бояться, а притомъ безпрестанно печаленъ и задумчивъ будешь. Такой-то туманъ на печальное сердце упадаючи, препятствуетъ тому, что солнце радости и удовольствія осіять его не можетъ. Премногія мысли и сущія мечты помрачаютъ въ человѣкѣ день веселости, а ночной покой сладкой сонъ нашъ тужебною безсонницею пресѣкаетъ. Ѣствы наши въ печаль, а напитки въ слезы претворяются. Ничто такому человѣку не мило, которой въ себѣ недоволенъ, и такъ безпокоится.

3.

Есть спокойные люди.

Не достойно ли жалости такъ бѣдное состояніе душъ сею печалью разболѣвшихся? Однако гдѣ болѣзнь, тамъ и исцѣленіе, пока только жизнь въ человѣкѣ есть. Хотябы свѣтъ сей все-

общїй моровой домъ былъ, однако моровое повѣтрїе не вездѣ, и не у всѣхъ въ одномъ градусѣ. Хотябъ уже и отчаянїе близко было, такъ еще надежда съ животомъ осталась. Которой больной облегченїя себѣ не желаетъ? а кто изъ насъ здоровью не радъ? Сїе всѣмъ намъ (любезный читатель) общеусердное желанїе ясно кажетъ, что ко исцѣленїю поврежденнаго здоровья человѣческаго способъ и лекарство есть. Правда, что всѣ мы въ грѣшномъ несовершенствѣ пресмыкаемся. Жизнь наша подобна непрестанной войнѣ и вседневнымъ трудамъ бѣднаго работника. Ежели работнику не отдохнуть, а солдату въ непрестанной войнѣ, во всегдашнихъ трудахъ, въ походахъ и въ работѣ быть, то можетъ ли жизнь ихъ продлиться? Ежели мы сами себя безвременно погубить не хотимъ, то и намъ такого себѣ покоя искать надобно, которой бы труды наши облегчать, а войну окончать намъ помогъ. По сему не надобно уже того говорить, будто мнѣнїя о спокойствѣ суетны, и на семъ свѣтѣ ненадобны. Никакъ: они для того весьма нужны, что человѣкъ также равно къ тихому и спокойному житью, какъ на вседневные труды и на обыкновенную работу родился. Хотя тѣлесныя нужды много труда, заботы и безпокойства человѣку причиняютъ, однако естественное состоянїе души всякаго человѣка къ тихому размышленїю и къ спокойству всѣхъ насъ равно склоняетъ. Въ семъ-то главному и лучшему упражненїю нашему состоять надлежало. Богъ ни одной склонности въ душу нашу даромъ не вложилъ. Ежели у всѣхъ людей одно желанїе щастливыми себя учинить, то всѣмъ намъ благополучнымъ быть можно. Когда всѣ мы отъ естества равно удѣленную намъ склонность къ спокойству и къ тихой жизни имѣемъ, то для чего бы всякому человѣку этой склонности не понять, а ей напрасно въ насъ быть? Человѣку можно спокойнымъ и собою довольну быть съ такою умѣренностью, какъ мы дѣйству благодати Божїя и здравому разуму повинемся. Иное во временной жизни совершенно, а иное дѣло по-человѣчески довольну и спокойну быть. Ангели и живущїе въ небѣ святые сего наставленїя не требуютъ, да однимъ только на землѣ сущимъ грѣшнымъ людямъ весьма оно надобно. Но понеже представленїе мое далѣе сего не простирается, то я никакихъ басенъ не пишу, да о томъ только говорю, чего на семъ свѣтѣ искать надлежитъ, и что получить можно. Ежелибъ сею книгою предлагаемое спокойство единой пунктъ было, то хотябъ всѣ души около его лежали, однако бы не многїе въ самой пунктъ тра-

фили. Но понеже оно какъ пространное поле всѣмъ открыто, а притомъ многія раздѣленія въ себѣ имѣетъ: то видно, что всякому человѣку въ этомъ спокойствѣ предовольно мѣста, и еще больше возможности къ тому есть, чтобы разныя степени сего спокойства получить. Человѣку на сіе больше того труда не надобно, какъ только собственной своей разумной натурѣ послѣдовать; а душу, какъ по существу ея духовную и безсмертную вещь, отъ земли и отъ всѣхъ оныя тлѣнностей отводя къ небеси, и къ превѣчному ея началу, то есть, къ Богу возводить. Чѣмъ больше мы сіе дѣлать, тѣмъ болѣе въ себѣ спокойства имѣть будемъ, а что меньше о семъ старанія приложимъ, тѣмъ тяжелѣ и въ себѣ безпокойнѣе остаемся по точному примѣру тягости той земли, изъ которой человѣкъ сотворенъ, или какъ тѣ корабли со множествомъ желѣзныхъ гвоздей, о которыхъ Палладій пишетъ, будто въ Індіи лежащій магнитовой островъ такъ крѣпко ихъ держитъ, что корабли отъ сего острова отойти не могутъ. Подобное во всей твари (натура) равное и подобное ему естественно къ себѣ влечетъ, а земной умъ земное и думаетъ. Тутъ кромѣ безпокойства и жалобы никакого добра нѣтъ; а просвѣщенныя души въ такое спокойное и вышшее мѣсто удаляются, о которомъ низкостоящіе разсуждать не могши, весьма напрасно того спокойства не признаваютъ, котораго еще сами не вкусили, а о чувствованіи онаго никогда не старались. По сему мы въ неудовольствіи своемъ сами виноваты, а на то ни мало не смотримъ, что сама разумная природа къ спокойству насъ ведетъ. Философы отъ начала свѣта о многихъ дѣлахъ спорывались; но о семъ дѣлѣ мнѣнія ихъ удивительное между собою согласіе имѣли, чтобы всякому человѣку того блаженнаго спокойства искать, къ которому всѣ мы родились, и онаго весьма легко достигнуть можемъ. Хотя помянутые мудрецы о разныхъ къ достиженію сего спокойства дорогахъ многіе между собою споры имѣли, но о самомъ дѣлѣ никто и никогда еще изъ нихъ не сумнѣвался, что спокойное состояніе души человѣческой безъ болѣзни и безъ печалей, не только за крайнее благополучіе почитать, но онаго всею возможностію искать надлежитъ. Сего-то удовольствія всѣ разумные язычники ревностно искали, и нѣкоторые изъ нихъ сами признались, что сіе всего на свѣтѣ дражайшее сокровище дѣйствительно нашли. Для чегожъ Христіянамъ онаго не найти? Или одни Христіяне такъ жестоки, чтобъ у человѣка всю надежду отнять? Развѣ мы себѣ сами того

го не хотимЪ, чего варвары другЪ другу желаютЪ? Ежели ТурокЪ, ЖидЪ, или ИндѢецЪ знакомаго увидитЪ, то его симЪ обыкновеннымЪ у нихЪ привѢтствіемЪ поздравляетЪ, мирЪ! Когда праотецЪ ІяковЪ кЪ дядѢ и тестю своему Лавану итти хотѢлЪ, то прежде всего спросилЪ, имать ли мирЪ? Сіе-то есть всеобщее намѢреніе, котораго цѢлой свѢтЪ достигнуть желаетЪ. По семубЪ разумное созданіе человѢкЪ безумнѢе всѢхЪ тварей былЪ, ежелибЪ такого способа не нашелЪ, которымЪ бы самЪ вЪ себѢ доволенЪ и спокоенЪ быть, или бы душевному миру препятства, то есть, печали, облегчить могЪ. КакЪ бы тому статься, что люди о достиженіи такого мира сумнѢваются, или Христіянами называющіеся противЪ его спорятЪ; а самая благодать Божія, разумная природа, времена ветхаго и новаго завѢта, свѢтЪ Евангелія святаго, и просвѢщенной разумЪ, такихЪ великихЪ мужей намЪ представляетЪ, которые вЪ наибольшихЪ злополучіяхЪ своихЪ спокойны были? ТерпѢніе Іовле, Давидовы искушенія сЪ бодрственнымЪ ношеніемЪ оныхЪ, Павловы гоненія, бѢды и печали сЪ радостнымЪ духомЪ и веселымЪ сердцемЪ оставили вЪ родѢ человѢческомЪ вѢчной тому примѢрЪ, какЪ много здравой разумЪ, а особливо благодать Божія кЪ истинному спокойству руководженія и помощи подаетЪ? Только надобно отдать истиннымЪ ХристіянамЪ преимущество, а святому Евангелію власть и силу вЪ превосходящей всякЪ умЪ утѢхѢ душЪ скорбящихЪ. Истинные исповѢдники и послѢдователи Христовы во всемЪ скорбяще, но нестужающе си, нечаеми, но не отчаеваеми, гоними, но не оставляеми, низлагаеми, но не погибающе, яко скорбяще, присно же радующеся. КтобЪ подумалЪ усумнѢться о исповѢданіи толь великаго Апостола, и такого самимЪ БогомЪ избраннаго сосуда, которой за Христа и за проповѢдь Божественнаго слова его столь много зла и бѢдЪ самоизвольно претерпѢлЪ, сколько злой свѢтЪ сей вымыслить могЪ. Но всѢ эти горести спокойству души его такЪ мало вреда и препятства нанесть могли, что сей языковЪ учитель и во узахЪ сидя слѢдующее пишетЪ: АзЪ бо навыкохЪ, вЪ нихЪ же есмь доволенЪ быти. ВѢмЪ, и смирятися; вѢмЪ и избыточествовати. НавыкохЪ бо и насыщатися; избыточествовати, и лишатися. Вся могу о укрѢпляющемЪ мя ХристѢ ІисусѢ. Кто сего не признаваетЪ, что спокойные Христіяне есть, тотЪ (какЪ видно) словамЪ АпостольскимЪ не вѢритЪ, или уже все святое писаніе сЪ церковными преданіями отмещетЪ, которое намЪ не только радостныхЪ мучениковЪ, но и тысячу такихЪ кроткихЪ, а

КЪ Коринѳян. гл. 4.

КЪ Филиппис. гл. 4.

 вЪ

въ себѣ спокойныхъ добродѣтельныхъ мужей представляетъ. Развѣ эти новомодные критики по высокоумію, или лучше сказать, по безумію своему такъ скажутъ: Павелъ былъ Апостолъ, и отъ самаго Бога просвѣщенной человѣкъ, а намъ уже такого спокойства и ждать нечего, какое онъ имѣлъ. Развѣ милость ваша не такой же человѣкъ, каковъ онъ былъ? Или нынѣ благодать Божія передъ тогдашнимъ умалилась? Или уже не посредственное Божіе просвѣщеніе къ тому надобно, чтобы человѣку разумъ свой на успокоеніе себя прямо употреблять. Положимъ же, (напримѣръ) будто ты сего спокойства въ такой высокой степени получить не можешь, какое Апостолъ Павелъ имѣлъ; однако ты безъ сумнѣнія такъ спокоенъ быть въ состояніи, какъ Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека, Эпиктетъ и Плютархъ со многими языческими философами; не только о удовольствіи много писали, но и въ тяжчайшихъ бѣдахъ своихъ самымъ дѣломъ показали, что они спокойные люди были. Весьма разумна сія безчувственность, которая ихъ въ терпѣніи такъ великодушными и толь спокойными творитъ. А стоическая крѣпость сихъ мужей еще большей хвалы за то достойна, что въ терпѣніи напастей отъ часу болѣе ихъ ожесточала. Напротивъ того думаю, что особливая отъ спокойства къ хвастовству ведущая гордость сихъ философовъ истиннаго удовольствія вкусить никогда не допускала. Предложенныя отъ нихъ къ собственному утѣшенію доказательства такъ изрядны и сильны, а наставленія ихъ столь разумны и важны, что и самаго тебя въ томъ увѣрятъ, будто оныя отъ добраго намѣренія самоизвольно произошли. Всѣхъ тѣхъ людей хвалить будешь, которые стопамъ сихъ славныхъ мужей до нынѣ послѣдуютъ. Хотя высокой и маловиданной разумъ ихъ главное руководство къ тому подалъ, однакожъ бы намъ очень стыдно было, ежелибъ язычники умнѣе Христіанъ поступили. Это также будетъ глупо, какъ бы кто сказалъ, будто человѣкъ въ сумерки лучше, нежели въ полдни видѣть можетъ. Сами вы, благосклонный читатель, увидите, сколько здравой разумъ къ человѣческому спокойству способствуетъ, ежели добрыя мнѣнія предъ симъ объявленныхъ язычниковъ противъ печальныхъ обстоятельствъ жизни ихъ здраво разсудите. Что можетъ чувствительнѣе сего быть, какъ бѣды и нещастія за то терпѣть, что человѣкъ добро дѣлаетъ? Что болѣзненнѣе сего, какъ отъ тѣхъ людей гониму, поругану и ненавидиму быть, которымъ человѣкъ истинной пользы ищетъ? Что сего

сего печальнѣе, какъ за истинную ревность о всеобщемъ благополучіи изъ отечества своего выгнану быть, которому человѣкъ многіе годы крайнею ревностію служивши, за его пользу, не только всего имѣнія лишился, но и здоровье свое потерялъ? Притомъ же съ крайнею болѣзнію сердца своего видѣлъ, какъ надъ нимъ враги его смѣются, а друзья всю вѣрность нарушили. Не назовешь ли и ты сихъ обстоятельствъ, съ помянутыми предъ симъ мужами, злымъ и великимъ нещастьемъ? Хотя такое, и еще большее злоключеніе, многимъ добродѣтельнымъ язычникамъ случилось, только они всякимъ бѣдамъ супротивляясь на нїѣ поры весьма бодрствовали, какъ здравой разумъ имъ присовѣтовалъ Божественныя заповѣди твердо наблюдать. Сократъ всѣ свои труды въ то полагалъ, чтобъ ему молодыхъ людей добродѣтельными, а старыхъ благополучными учинить. Злоба грубыхъ невѣждъ, и корысть свою безмѣрно любящихъ людей, Сократовой добродѣтели терпѣть не могла. Знатной у Аѳинянъ Анитъ ложными обвиненіями Сократа озлобляетъ. Комедіанты были къ тому подкуплены, чтобы сего добродѣтельнаго мужа на театрахъ публично ругать; а наконецъ, по многихъ ложныхъ свидѣтельствахъ приговорили сего великаго мужа къ смерти, въ сущей его неповинности. Во всѣхъ сихъ бѣдахъ неунывающій Сократъ на слезы друзей, жены и дѣтей своихъ спокойно смотрѣлъ. На враговъ своихъ не жалуется, да только Бога пѣніемъ хвалитъ, а предстоящимъ полезное наставленіе даетъ. Утѣшается разговорами о благости Божіей, а скорбь съ болѣзнію сердца своего услаждаетъ мудрымъ разсужденіемъ о блаженной и вѣчной жизни. Напоминаніе о воздаяніи праведнѣйшаго Бога возбуждаетъ его къ непоколебимому терпѣнію. Поднесенную ему съ ядомъ чашу за здоровье враговъ своихъ безбоязненно выпиваетъ. Наконецъ уснулъ Сократъ сномъ вѣчнымъ въ мудрыхъ разговорахъ о безсмертіи души. Безчеловѣчіе Цесаря Нерона дядькѣ и первому его Министру Сенекѣ подало причину ко утѣшенію себя о неблагодарности ученика своего. Изъ Сенекиныхъ писемъ можно лучше усмотрѣть, какъ велика кротость его была. Цицеронова печаль тѣмъ мучительнѣе ему казалась, чѣмъ долговременнѣе сей славной человѣкъ отечеству своему полезнымъ себя учинить крайнія силы прилагалъ, а надъ всѣ свои бѣды единой дочери Тулліи лишился. Послѣ ея смерти сѣдинами украшенной старикъ, не только отъ враговъ своихъ гонимъ, но отъ всѣхъ друзей хотя и оставленъ,

однако въ такихъ бѣдахъ не унывая, къ прïятелю своему такъ пишетъ: Какъ намъ отъ змѣинаго угрызенïя разныя лекарства даны, какъ труды съ прилѣжанïемъ бѣднаго человѣка отъ убожества охраняютъ. Какъ мы стыдѣнïе вмѣсто ружья и обороны отъ безчестной роскоши изъ рукъ разумной природы получили, такъ власно премудрость вмѣсто лекарства роду человѣчу на всякое зло отъ безсмертнаго Бога дарована. Отъ ея десницы преодолѣнïе самаго себя, спокойство и удовольствïе сердца моего, а притомъ не только власть надъ всѣми вожделѣнïями, но все мое нынѣшнее терпѣнïе и кротость въ бѣдахъ горестной Цицеронъ получилъ. Никогдабъ я при изгнанïи изъ отечества моего такъ спокоенъ, а посреди сïянïя всей чести своей такъ воздерженъ, или въ нынѣшней печали столь разуменъ и крѣпокъ быть не могъ, сжелибъ ты, о блаженная и великая премудрость! вразумительница честныхъ и добрыхъ нравовъ, мнѣ въ немощахъ моихъ силы и возможности къ тому не даровала. Я сюда Цицерона за тѣмъ привожу, что нѣкоторые буйственники сего славнаго мужа робкимъ человѣкомъ весьма напрасно звали. Хотя онъ сперва о нещастьѣ своемъ много жаловался, и никакой помощи съ утѣхою найти себѣ не могъ: но какъ полезныя книги читать, отъ себя новыя издавать, и умными разсужденïями ободряться началъ, то весьма, и такъ въ себѣ перемѣнился, что суету и ничтожество всего свѣтскаго здраво разсудя, и ни о какихъ своихъ бѣдахъ не печаляся, къ другу своему Аттику такъ пишетъ: Нынѣ уже я на свѣтѣ ничего выше доброй совѣсти не почитаю, а другое все того не стоитъ, чтобы человѣкъ о чемъ нибудь печалился. И я не хочу въ печаль вдаваться, которая человѣка умертвить можетъ, буде ей не попротивиться. Ни къ роскоши въ подданство за тѣмъ не пойду, что она умному человѣку непристойна. Вмѣсто обѣихъ стану себѣ облегченïя искать въ наукахъ. Мнѣ въ нынѣшней горести моей то лучшая отрада, что я время получилъ двѣ книги о должности человѣческой написать. Буде и ты желаешь отъ своихъ напастей свободиться, то сего утѣшенïя у одной мудрости ищи. Хотя въ злостяхъ утопающïй Антонïй сего добродѣтельнаго мужа отъ часу жесточѣе гонитъ, однако Цицеронъ мудрыми разсужденïи укрѣпясь изъ ссылки своей къ тому же Аттику слѣдующее пишетъ: И за это я Божественной премудрости благодарить долженъ, что она не только отъ всякой печали меня удалила, но и противъ жесточайшихъ нападковъ крѣпко

ко вооружила. И тебѣ, дорогой мой Аттикъ, дружески совѣтую, тожъ самое дѣлать. Бѣдной и хромой Эпиктетъ такое увѣщанїе намъ далъ: Хотя хроманїе ногѣ и препятствуетъ, только доброй волѣ ни малаго помѣшательства здѣлать не можетъ. Великой въ Римскихъ Цесаряхъ Императоръ Маркъ Аврелїй Антонинъ, по прозванїю философъ, при всѣхъ дѣлахъ монарша правленїя своего спокойное сердце имѣя, мало на то смотрѣлъ, знаютъ ли про то другїе люди. Для того въ концѣ третей своей книги такъ о семъ пишетъ: Хотябъ никто тебѣ въ томъ не вѣрилъ, что ты непорочно, праведно, честно, спокойно, постоянно и Богу угодно живешь; однако ты ни на кого не смотря и не сердясь тоюжъ прямою дорогою по прежнему поди, которая тебя въ покоѣ къ концу дней твоихъ ведетъ. Только сїе безъ принужденїя, безъ насильства, безъ притвору, во всякой кротости и отъ всего сердца своего дѣлай. Подитежъ безпокойные люди, и не говорите того, будто спокойства на свѣтѣ нѣтъ. Подите маловѣрные Христїяне, научитесь премудрости у невѣровавшихъ во Христа. Подите буїи и туманныя головы, стыдитесь о нетерпѣливости вашей. Бѣгите неразумные и научитесь разума у язычниковъ. Не думайте того, будто эти добродѣтельные люди васъ обманули. Они больше того претерпѣли, нежели я здѣсь описать могу. А о томъ дѣла и книги ихъ твердо насъ увѣряютъ, что они въ себѣ совершенное спокойство имѣли. Всѣ сїи славные люди какъ объ одномъ, такъ и о другомъ довольно разсуждали, но спокойство въ сердцахъ ихъ всѣ болѣзни преодолѣло. Эти славные мужи такъ великїе люди были, которые въ самомъ дѣлѣ искусясь, сущую истинну написали. Для того мы имъ безъ всякаго сумнительства и прекословїя вѣрить должны. Когда уже язычникамъ при свѣчѣ естественнаго разума удалось сквозь темноту печалей пройти, то какъ Христїянамъ въ полномъ свѣтѣ святаго евангелїя большаго и лучшаго не уповать? Мы, слава Богу, несравненно величайшїя передъ язычниками пользы имѣемъ. Основанїя нашего утѣшенїя тѣмъ сильнѣе языческихъ утѣхъ, что благодать и милость Божїя съ преестественнымъ дѣйствїемъ Духа Святаго всякъ умъ превосходитъ. Разумнаго служенїя отъ Христїянъ требующїй Богъ отнюдь того не желаетъ, чтобъ они въ печалѣхъ своихъ безумны были. Христїянинъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни такой причины къ печали не имѣетъ, какъ язычникъ. Святая вѣра и здравой разумъ желаемые Христїянамъ

 спо-

способы къ тому подаетъ, дабы они во всякихъ злоключенiяхъ своихъ скорѣе опамятоваться и утѣшенiе себѣ найти могли. Многiе добродѣтельные Христiяне сугубою помощiю благодати Божiя и разумной природы такъ укрѣпились, что къ собственному утѣшенiю и къ наставленiю другихъ людей цѣлыя книги написали, которыя тѣмъ сильнѣе, что издатели ихъ сами во всемъ искусились. Славной дю Муленъ, (издатель книги Миръ Душевной), не послѣднiй изъ нихъ. Многiя нещастiя научили его терпѣнiю и утѣшенiю въ печаляхъ, о которыхъ онъ въ предисловiи на помянутую книгу слѣдующее пишетъ: Предъ нѣсколько лѣтами ѣхалъ я моремъ, какъ жестокою бурею по разбитiи нашего корабля бывшихъ со мною людей въ неизвѣстныя мнѣ мѣста разсѣяло, а меня одного на берегъ выбросило, то я сѣвши у берегу на волнующееся море спокойно смотрѣлъ. Прежнее мое состоянiе съ житьемъ къ нынѣшнему спокойству за тѣмъ прилично и весьма способно было, чѣмъ меньше оно мнѣ къ печали о томъ причины оставило, что уже прошло, или еще впредь будетъ. Я чувствовалъ такое желанiе, какъ бы сей настоящiй часъ покоя къ будущему утѣшенiю моему со всякимъ успѣхомъ употребить. Притомъ хотѣлъ отвѣдать, не можноль мнѣ будетъ успокоенiемъ самаго себя спокойство и утѣшенiе другихъ людей поспѣшествовать. Та половина пустой земли, гдѣ я былъ, подала мнѣ къ симъ разсужденiямъ только четыре книги: Библiю, натуру, провидѣнiе Божiе и человѣка. Его-то мнѣ изъ сихъ трехъ книгъ исправлять и успокоивать надлежало. Хотя человѣческой разумъ къ тому и способенъ, однако Божiей мудрости и силѣ въ этомъ великомъ дѣлѣ наиболѣе дѣйствовать должно. На двухъ колесахъ гораздо лучше ѣхать, нежели на одномъ. Одна Харронова кривая философiя конечно того не здѣлаетъ. А дабы чего не упустить, что къ сильному утѣшенiю печальныхъ сердецъ служить можетъ, то я правила вѣры и здраваго разума такъ соединю, чтобы всякъ разсудить могъ, какъ мало человѣкъ причины имѣетъ печалиться. Самъ Богъ и собственная природа наша всечасно насъ утѣшаетъ. Но понеже люди разсужденiемъ больше и скорѣе всего побуждаются, то я не столько разумныя, но больше Христiянскiя разсужденiя о спокойствѣ человѣчскомъ употреблю, а Господа Бога о благословенiи и о помощи на сiе дѣло молить буду.

4.

4.

Причины безпокойства нашего.

Мнѣ въ начало сего дѣла должно поступить по примѣру лекарей, которые у болящихъ прежде пользованія спрашиваютъ о причинѣ болѣзни ихъ. А понеже я ко успокоенію человѣческому руководство дать намѣренъ, то мнѣ прежде всего причины неудовольства изслѣдовать надлежитъ. Только неспокойствъ всякаго человѣка порознь за тѣмъ разсматривать не буду, чтобъ письму моему также бы конца не было, какъ жалобамъ всякаго человѣка окончанія не будетъ. Хотябы я и все описалъ, такъ бы по довольномъ разсмотреніи нашлось, что лучшее изъ того ни малаго труда не стоило. И тобъ напрасная работа была, ежелибъ дражайшее спокойство такимъ строптивымъ людямъ надъ мѣру выхвалять, которые по вздорному нраву своему всякой день изъ малѣйшихъ припадковъ новыхъ причинъ къ ссорамъ и къ безпокойству сами ищутъ. Строптивой нравъ сихъ вздорныхъ людей никакихъ умныхъ представленій слушать не хочетъ. Отъ сихъ строптивцовъ власно того же ждать и надѣяться должно, что отъ молодаго пива, или отъ винограднаго вина, которое въ тѣ поры устоявшись чисто будетъ, какъ перебродитъ, а дрожжи его на низъ опадутъ.

5.

А потерпыхъ грѣшныя пожделѣнія.

У всякаго безпокойства весьма горькой корень. Человѣкъ въ беззаконіи зачатъ, а во грѣсѣхъ рожденъ. Симъ удаленіемъ отъ Бога наполнился онъ [по точному примѣру, изъ тѣла вывихнутыхъ членовъ] всякаго безпокойства и болѣзней. Человѣкъ имѣетъ душу и тѣло. Душевныя силы грѣхомъ умалились, а тѣлесная въ немъ мочь сильнѣе стала. Въ тѣлѣ пять чувствъ, а всякое изъ нихъ разные случаи и особливые припадки съ поощреніями въ себѣ имѣетъ. Чрезъ сіе и отъ того-то страсти съ вожделѣніями въ человѣкѣ родятся, какъ воздухъ и вѣтръ съ погодою къ плодородію и къ неплодству земли естественно способствуетъ, такъ тѣлесныя чувства къ продолженію и къ пресѣканію жизни нашей отъ природы устроены. Сожалѣнія достойное дѣло было, что эти Аммореи въ обѣтованной землѣ власть и верьхъ взявши, самаго Израиля, какъ врага своего, беззаконно утѣсняли. Въ то время бѣдная душа разными способы искушаема, а сердце человѣческое безчисленными страстьми терзано и раздираемо было. Иногда любовь, или ненависть, вре-

менемъ омерзѣнie, или желанie, однимъ часомъ смѣльство, или робость, а другою порою гнѣвъ, или жалѣнie, страхъ, или надежда, увеселенie, или скука, печаль, или радость, упованie, или отчаянie, упрямство, или стыдъ, роскошь, или болѣзнь, ревность, или мщенie, сердце наше попеременно терзаетъ. Всѣ эти страсти душу человѣчу власно какъ сильные вѣтры лодку съ одной волны на другую безпрестанно бросали. Естественное души нашей желанie вѣчнаго блага честью, роскошьми, или богатствомъ непрерывно пресѣкали. Сими-то страшными орудiями душу съ высоты спокойства и удовольствiя въ ровъ печалей и безпокойства низвергнуть старались. Неразсужденie отъ поощренiя сихъ страстей умножилось чувствами. Чувства жестокими страстьми обманулись, а обое не только сильную помочь къ непорядкамъ подало, но одно мечтанie на самой престолъ разума взошедши, хотѣло жизнь человѣческую ложно, затвердѣлымъ мнѣнiемъ, заблужденiемъ, прелестными новыми модами, неправдою старыхъ обычаевъ, развращеннымъ мнѣнiемъ и пагубнымъ самолюбiемъ въ совершенное смятенie привесть. Чрезъ сie-то человѣкъ отъ первозданной природы своей день за день больше удалился. Разумная природа его чиста, проста, праведна, непорочна, кротка, любовна, тиха и спокойна была. Человѣческое спокойство тѣмъ болѣе потерялось, чѣмъ больше человѣкъ разумное созданie отъ премудрѣйшаго Создателя, а за тѣмъ уже и отъ своей разумной природы къ собственному нещастью отвратился. Цесарь Маркъ Аврелiй въ 20 главѣ девятой книги нравоучительныхъ разсужденiй своихъ многiя изъ тѣхъ вещей объявляетъ, которыя къ человѣческому безпокойству причину и поводъ подаютъ: 1. мечтанie; 2. безумное самолюбie; 3. отъ него происходящее скрыванie грѣховъ и неправдъ своихъ ложью и притворствомъ; а 4. вожделѣнiя, то есть похоти плотскiя. Хотя у души разумныя силы и есть, только

Мечтанie.

душа тѣснымъ соединенiемъ съ тѣломъ своимъ сплочена; а сie тѣло такiя скотскiя дѣйства свои имѣетъ, которыя всегда на душу воюютъ и ей безпрестанно противятся. Пока душа собственныя силы и преимущества свои употребляетъ, или только безпрестанно объ нихъ помнитъ: то хотя она сie и чувствуетъ, что плотскiя страсти ее поощряя искушаютъ и сильно борютъ, однако душѣ немедлѣнно въ память то приходитъ, что эти плотскiя страсти скотамъ сродны, и имъ однимъ приличны, а разумной душѣ весьма не пристойны, и слѣдственно вредны.

Бу-

Буде же душа сего не помня, въ чувственныя вещи такъ углубится, что сама себя забудетъ, то мнѣніе вмѣсто разума на престолъ его сядетъ. Сія мысль строитъ въ головѣ у человѣка разные и ему пріятные образы съ ложнымъ представленіемъ о земныхъ вещахъ, смотря по тому, какъ оно чувствами и страстьми ихъ чрезъ скорость жизненныхъ духовъ поощряется и движимо бываетъ. Оно-то человѣку всякое своевольное представленіе за самую правду насильно внушая, не велитъ тому вѣрить, что собственное тѣло его чувствуетъ, а здравой разумъ сущею истинною кажетъ. Это жестокое и свирѣпое мнѣніе призываетъ къ себѣ въ помочь старой обычай, а природную у души склонность къ спокойству шумомъ многихъ, только все ложныхъ свидѣтелей и примѣровъ очень хитро заглушаетъ. Оно же человѣка почти отъ самаго младенчества развращеннымъ мечтаніемъ прельщая, ко всякому злу влечетъ. Такимъ-то образомъ во нравѣ и въ сердцѣ у человѣка, вмѣсто природной искренности и чистоты, злыя и развращенныя мысли насаждаются, а изъ нихъ уже пагубныя мечты съ безпокойствомъ сердца родятся. Всякое время человѣческаго возраста (младенчество, юношество, или молодость, лѣта мужескія и старость) мнѣніе по новой модѣ и по указанію пяти чувствъ принимать хочетъ, а разумъ и здравое разсужденіе, самолюбіе славнѣйшихъ на свѣтѣ, такія ложныя мнѣнія всегда при себѣ держитъ, питаетъ и нѣжитъ. Почитаетъ ихъ за изрядные способы къ закруженію головы и къ приведенію людей въ покорность себѣ. Все сіе для того дѣлаютъ, что къ мудрому обладанію собою крайне нужной разумъ головою потеряли. Въ такихъ-то вещахъ и дѣлахъ мечта съ ложнымъ мнѣніемъ гораздо больше, нежели разумъ участія имѣетъ. Они-то жизнь человѣческую наиболѣе мучатъ. Разумъ отъ мечты малоуміемъ затмѣвается. Разумная и добрая воля отъ послѣдованія истинному благу зажженными мечтами о ложныхъ, а не о истинныхъ благихъ сильное препятствіе терпитъ. Тожъ мечтаніе человѣку внушаетъ, будто намъ ничто такъ не сродно, какъ болѣзни тѣла нашего. Тутъ уже бѣдная душа мѣры свои по тѣлу беретъ, а жизнь уподобится тому, будто весь человѣкъ только одно тѣло, а души въ немъ нѣтъ, чему статься не возможно. Временемъ тѣлесныя мудрованія верьхъ надъ душею взявши, такія ложныя мысли изыскиваютъ, которыми бы тѣлу непорядки и погрѣшности свои какъ и чѣмъ можно скрѣе замазать. Человѣкъ самъ себя безпокоитъ и обма-

Развращенныя мнѣнія.

ны-

зываетъ вымышленнымъ различїемъ между правдою и между пользою. Сверьхъ того въ разсужденїяхъ о самомъ себѣ такъ далеко идетъ, что ничего полезнымъ не признаваетъ, кромѣ такихъ вещей, которыя только могутъ чувства удовольствовать, и до одного тѣла касаются. Тогда вожделѣнїя наши столько воюютъ, сколько гражданскїе законы дозволяютъ. Это они для того дѣлаютъ, что уже совершенно ослѣпшее самолюбїе между добромъ и зломъ никакого различїя больше здѣлать не можетъ. Что ему понравится, то онъ добромъ и называетъ, а что здѣлать можетъ, то его и право. Молодые получаютъ сїю бѣдность въ наслѣдство отъ старыхъ, а малые отъ большихъ. Развращенное воспитанїе затмѣваетъ разумъ, а худой обычай подкрѣпляетъ у человѣка злую волю. Темнота столь больше и гуще становится, чѣмъ болѣе душа наша отъ превѣчнаго свѣта и Бога своего удаляется, а сїянїе отъ самаго Творца дарованнаго ей луча, чувственностьми и вожделѣнїями бреннаго тѣла своего совершенно помрачаетъ. Такимъ образомъ родится то заблужденїе, которымъ человѣческое безпокойство весьма поспѣшествуется; а состоитъ сїе заблужденїе въ неправедномъ разсужденїи о добрѣ и о злѣ, или уже въ томъ, что человѣкъ на душевныя стяжанїя свои не смотритъ; но внѣшнїя, то есть, тѣлесныя, какъ самыя посторроннїя и душѣ непринадлежащїя имѣнїя, за свои собственныя ложно признавая, временное выше вѣчнаго весьма не праведно почитаетъ. Душа наша имѣетъ природную склонность къ такому благу, которое самой ей подобно, то есть, праведно, непремѣнно, духовно и вѣчно. Сей лучь Божественной правды супротивленїемъ мѣшающихся между имъ тѣлесныхъ вещей весьма часто пресѣкается. Чувственность родитъ такое ложное мнѣнїе, которое мечтательнымъ видомъ тѣлеснаго подкрѣпляючись, въ тѣлѣ волнующуюся душу на тлѣнномъ основанїи утвердивши, спокойною учинить думаетъ. Но вѣчная склонность ея къ нетлѣнному весьма сему противится. Природное души нашей желанїе простирается далѣ. Чѣмъ больше тѣлесное мнѣнїе душу на низъ влечетъ, тѣмъ сильнѣе безпокойство душевное для того умножается, что все видимое на свѣтѣ тлѣнное и временное, будучи нетлѣннаго и вѣчнаго существа, то есть, души, насытить и удовольствовать не можетъ. За сїе - то начинается междоусобная брань, или домашняя война у здраваго разума съ ложнымъ мнѣнїемъ, а у доброй совѣсти съ тѣлесными страстьми и похотьми. Хотя мы на семъ свѣтѣ и временно живемъ, одна-

Заблужденїе.

однако къ другому вѣчному свѣту и къ безконечной жизни сотворены. Для сей причины должно удовольствїю нашему въ наслажденїи настоящимъ весьма несовершенну быть, за тѣмъ что человѣкъ естественнымъ образомъ всегда будущаго желаетъ. Главное его увеселенїе въ томъ, чего еще нѣтъ, а лучшее благополучїе утверждается на отсутствующемъ. Сей-то ради важной причины человѣкъ настоящею и маловременною тлѣнностїю доволенъ быть не можетъ, ежели души своей будущимъ вѣчнымъ и нетлѣннымъ еще на семъ свѣтѣ живучи заранѣе не насытитъ. Которые люди къ сему великому дѣлу несклонны, и заблаговременно себя ко оному не прїучаютъ, тѣ настоящимъ житьемъ и состоянїемъ своимъ довольствоваться не могутъ, каковобъ оное изрядно ни было. Много уже видано, что эти люди дѣйствительную честь свою съ настоящимъ имѣнїемъ, на полученїе такой суетной чести, мечтательныхъ чиновъ и ложныхъ стяжанїй отваживаютъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, но въ одномъ только мнѣнїи стоятъ. Жизнь отъ Бога удаляющихся людей страхомъ и надеждою, вожделѣнїями и попеченїемъ, чаянїемъ и сумнительствомъ безпрестанно раздирается. А понеже человѣкъ таковъ родился, что всегда желать долженъ, то ему до тѣхъ поръ спокойну быть не льзя, пока развращеннаго мнѣнїя о ложномъ изрядствѣ всего плотскаго совершенно не отложитъ, а вмѣсто ихъ вѣчнымъ благомъ веселиться не начнетъ.

6.

Удаленїе отъ Бога.

Сїе непремѣнно вѣчное и дражайшее благо есть Богъ, отъ котораго человѣкъ грѣховнымъ паденїемъ своимъ удалившись, на себя самаго, а особливо на тлѣнную часть человѣчества, то есть, на бренное тѣло свое, выше всѣхъ мѣръ крѣпко положился. Чрезъ сей-то способъ и человѣкъ, также власно, какъ гнилое тѣло его, не постояненъ, злобенъ, безпокоенъ, и многими болѣзньми наполненъ учинился. Хотя у него та изрядная склонность и осталась, чтобъ ему благополучнымъ, то есть, въ себѣ спокойнымъ, и собою довольну быть, только чувственныя вожделѣнїя, а яснѣе сказать, плотскїя похоти, такое заблужденїе въ человѣкѣ причинили, чтобъ ему спокойства своего внѣ, и кромѣ Бога, въ самомъ себѣ и въ собственной тлѣнности, то есть, въ гниломъ тѣлѣ его, или въ подобной ему видимой твари безразсудно искать. Тѣмъ-то безпокойство человѣческое для того больше умножилось, что нетлѣнной духъ въ человѣкѣ тлѣно-

Неразумное желаніе.

ностью насытиться, и удовольствовать себя не могъ. Безъ желанія бѣдному человѣку не льзя было жить, а природа его научила самаго себя любить. Но понеже самолюбіе человѣческое послѣ паденія его отъ прихотей такъ непорядочнымъ здѣлалось, что человѣкъ не столько Бога, яко верьховнѣйшее благо свое, да больше самаго себя и тлѣнное тѣло свое любить сталъ, то какъ природное недостаточество, такъ и безмѣрное самолюбіе долженствовало человѣка мучить. Онъ искалъ такого блага, которое бы также вѣчно было, каковъ самъ человѣкъ, только сего добра въ гниломъ тѣлѣ своемъ и въ видимой твари найти не могъ. Но понеже сіе не подлинное мѣсто спокойства и удовольствія человѣческаго было, то безразсудной человѣкъ въ великое неспокойство пришелъ, наподобіе такихъ прохожихъ, которые при нощной темнотѣ отъ большой дороги удалясь, въ болота и въ боераки забредутъ. Человѣкъ желаемаго себѣ всегда искалъ, а найти не могъ, то есть, удовольствія въ наслажденіи вещьми свѣта сего. Чѣмъ болѣе духъ и умъ человѣческій отъ чувствъ заглушенъ, мечтаніемъ настращенъ, вожделѣніями подавленъ, а отъ злаго обычая утѣсненъ быть сталъ, тѣмъ меньше силы и возможности у человѣка на то осталось, чтобы душевную любовь къ превѣчному благу, то есть, ко Творцу и Богу своему по должности устремлять, а сердце и умъ по естественному долгу къ нему же Господу своему непрестанно возводить. Для сего-то бѣдной человѣкъ безпокойными мыслями весьма долго мучился. Пагубное самолюбіе его побуждало человѣка къ тому, чтобы онъ однимъ собою довольствовался. Но отъ сего ложнаго внушенія и само за тѣмъ въ великой страхъ пришло, что самолюбіе изъ средины удовольства бѣжавши, къ ужасному рву крайней погибели приступило. Мечтаніе человѣческое въ движеніе приведенными чувствами такъ возбуждается, что всякому изъ насъ ложно внушаетъ, будто человѣкъ много такихъ припадковъ внутрь себя чувствуетъ, которые только тѣ люди внѣ человѣка находятъ, съ коими онъ любовію и желаніемъ соединился.

7.

А особлипо скулость.

Котораго человѣка природа, склонность, обычай и прихоть къ любленію денегъ влечетъ, тотъ никакой вещи выше золота да серебра не ставитъ, и ничего больше того не желаетъ, какъ и чѣмъ бы ему ненасытство свое удовольствовать. Какъ такой

скупецЪ не разумно себя любитЪ, такЪ безумно о себѢ и печется буйственнымЪ хватанїемЪ того, что кЪ его мнимому содержанїю надобно. Но понеже онЪ у Творца всего мїра честь, попеченїя и промысла его, не только обо всемЪ родѢ человѢческомЪ вообще, но о малѢйшей птицѢ и о послѢдней твари порознь юродственно отнимаетЪ, то и БогЪ вЪ такое порабощенїе скупого предалЪ, чтобы ему надежду свою на золотые, на серебреные, да еще на мѢдные слитки положить. Сїе злое вожделѢнїе толь ядовитѢе и тѢмЪ неисцѢльнѢе, чѢмЪ больше сЪ невѢрїемЪ соединено. Роскошной утрудясь, со временемЪ устанетЪ. Честолюбивой по довольномЪ времени безумїе свое узнавши, все люблѢнїе суетной чести ставитЪ. Одна только скупость со временемЪ умножается, старостью подкрѢпляется, и часЪ отЪ часу бѢшенѢе бываетЪ. Чувства силу свою сЪ тѢмЪ же временемЪ теряютЪ. Ухо наслушается, а желудокЪ скоро наѢстся. Руки устаютЪ, а ноги притупляются. ОдинЪ только глазЪ у человѢка никогда зрѢнїемЪ не насыщается. Сей ради причины скупость во святомЪ писанїи похотью очей для того названа, что скупой человѢкЪ все передЪ глазами и вЪ рукахЪ у себя имѢть желаетЪ, а тому вѢрить не хочетЪ, чего не видитЪ. ТотЪ же скупякЪ другимЪ людямЪ никогда и ничего удѢлить не хочетЪ. ОнЪ и собственныя желанїя власно также непостоянными дѢлаетЪ, какЪ глаза свои, которые ежеминутно что нибудь новаго увидѢть желаютЪ, а никогда наглядѢться и ни чѢмЪ себя насытить не могутЪ. Едва только скупой кЪ разграбленїю богатства руку протянетЪ, а уже скупости его серебренныхЪ кучь и мало кажется. Еще мѢшокЪ не полонЪ, и кЪ совершенному вороху серебреной пыли многаго не достаетЪ. ИзЪ остатковЪ надобно новому капиталу быть. ОтЪ всякой трети года надобно знатное число денегЪ вЪ особливой сундукЪ положить. Для сихЪ причинЪ скупякЪ у собственнаго рта и отЪ вседневнаго содержанїя домашнихЪ своихЪ многое вЪ такомЪ безчеловѢчномЪ мнѢнїи отымаетЪ, дабы деньгамЪ лишняго росходу не было, а ему бы процентной суммы не тронуть: да [по его варварскому слову] чѢмЪ нибудь, и хотя сЪ голодомЪ пополамЪ, нищетски пробавляться. То уже горше всего, что скупой во всякомЪ довольствѢ и вЪ великомЪ изобилїи своемЪ всегда нищЪ и безпрестанно алченЪ, а по лживому мнѢнїю его во всемЪ недостатокЪ терпитЪ. СоломонЪ уподобляетЪ сїе ни чѢмЪ ненаполнимое желанїе скупыхЪ несытому аду, а служителей этой страсти

слѢ-

слѣдующими словами описываетъ. Адъ и погибель не насыщаются, такожде и очи человѣческiи не сыты. [Притчи Соломон. гл. 20.] Какъ тамъ спокойству быть, гдѣ сердце человѣческое никогда того не подумаетъ, и само въ себѣ не скажетъ, полно мнѣ. Возможноль тамъ удовольствiе и внутреннюю тишину найти, гдѣ ненасытное желанiе отъ одной погибели къ другой бѣжитъ? Вѣтромъ торгующiе Агличане да французы отъ того скоро въ бѣдность приходятъ, что за пустою и вѣтренною прибылью бѣгаютъ. Одинъ другаго сею язвою заражаетъ, а потомъ уже взапуски вѣшаются, и другъ передъ другомъ на перерывъ стрѣляются. Въ такое точно безумiе впадаетъ скупой силою страстей и вожделѣнiй его. Онъ сердцемъ своимъ отъ Всемогущаго отступилъ, а Божiю любовь его съ бездушнымъ богатствомъ такъ соединилъ, что скупость глаза его совсѣмъ ослѣпивши, умъ и чувства скупаго совершенно помрачила. Ежели у него денегъ мало, то скупякъ о томъ крушится, что дражайшаго идола своего не имѣетъ. Это безумное попеченiе такiя безпокойства въ человѣкѣ раждаетъ, какъ бы ему денегъ промыслить, которыхъ всякими неправдами и крайнею возможностью ищетъ. Буде же у него денегъ много, то опять двойное безпокойство скупаго мучитъ. Сребролюбiе возрастаетъ съ богатствомъ, а сребролюбецъ печалится о томъ, что у него не столько богатства, сколько онъ желаетъ. Больше того боится, чтобы въ рукахъ находящагося не потерять. Сiе безпокойство наполняетъ скупаго невѣроятностью и подозрѣнiемъ. Обѣ эти страсти бѣдную душу его какъ вихремъ вертятъ, а сердце у скупаго такъ власно, какъ черви дерево точатъ. Ежели у него деньги какимъ нибудь способомъ пропадутъ, то страхъ съ ненасытствомъ да съ отчаянiемъ совокупясь, сердце и мысль его непрестанно терзаютъ. Основанiе всей надежды его въ землю уходитъ, а любовь къ серебру за нимъ же обваливается. Скупой внѣ себя будучи, весьма ложно думаетъ, будто совсѣмъ пропалъ. Погибшее богатство сердце его укравши съ собою унесло. Мука его тѣмъ больше умножается, чѣмъ меньше надежды къ возвращенiю потеряннаго остается. Наконецъ страхъ, печаль, болѣзнь и отчаянiе такъ человѣка одолѣетъ, что бѣдной скупецъ къ освобожденiю себя отъ такого ежеминутнаго мученiя лучше того способа не находитъ, какъ веревкою, пистолью, ножемъ, шпагою, или другимъ ужаснымъ способомъ самому себя убивши, душу свою на вѣчное мученiе въ адъ поскорѣе къ дiяволу отправить. Небо и земля по старому стоитъ. Учрежденныя

отъ

отъ Бога времена и лѣта по прежнему текутъ. Стужа и жаръ, сѣвъ и жатва до нынѣ продолжается. Земля всѣ тѣ же плоды приноситъ, а вода тѣмъ же множествомъ рыбъ кипитъ, какъ въ старину бывало. Одно только человѣческое ненасытство ни чѣмъ не довольствуючись, всю землю узкою и тѣсною намъ кажетъ. Что же мнѣ дѣлать, дабы я всегда спокоенъ и въ себѣ доволенъ былъ? Неимѣнiе свое умножай, да страстей и прихотей твоихъ убавляй.

8.

Роскошь.

Которые люди безумнымъ страстямъ и прихотямъ своимъ поддавшись такъ неразсудно себя любятъ, что безпрестанно веселиться и во вседневныхъ роскошахъ жить хотятъ, тѣ самолюбiемъ своимъ въ страшную глубину забавъ погружаются, а душевное спокойство посреди радостей для того теряютъ, что всѣ тѣлесныя чувства у такихъ людей нарочно ко обезпокоиванiю ихъ востаютъ. Чѣмъ ближе сiя склонность къ плотскому человѣку, тѣмъ жесточѣе и безпокойнѣе. Она живетъ у человѣка въ тѣлѣ и въ крови. Внутренню его къ его же собственному мученiю сильно волнуетъ, а человѣка такими вожделѣнiями, или похотьми терзаетъ, которыя плоть веселятъ. Сiе вожделѣнiе тѣмъ невоздержнѣе становится, чѣмъ больше скотскаго въ себѣ имѣетъ. Потомъ часъ отъ часу больше насъ мучитъ, чѣмъ больше и горячѣе человѣкъ къ нему пристанетъ. Эта устремительная похоть уподобляетъ человѣка такимъ пьянымъ людямъ, которые, что больше пьютъ, то чаще пить просятъ, и всякой часъ кричатъ подноси. Отъ умноженiя сего огня испотворованное желанiе всю натуру ко услуженiю вожделѣнiямъ сильно возбуждаетъ. Не великаль сiя пагуба съ безпокойствомъ? когда глаза, уши, ротъ, носъ, гортань и желудокъ со всею внутреннею чрезъ разные способы хотятъ услаждены, насыщены, увеселены и успокоены быть. Воистинну эти идолы больше тѣхъ съѣстныхъ и питейныхъ жертвъ на всякой день сожрутъ, которые древнимъ языческимъ божкамъ приносились. А всего при сихъ обстоятельствахъ то хуже, что это ежедневное расточенiе новыхъ иждивенiй и великихъ росходовъ требуетъ. За тѣмъ у роскошныхъ людей до новаго о томъ безпокойства доходитъ, какъ бы имъ всѣми неправдами столько собрать, сколько роскошное повѣтрiе собраннаго промотать и развѣять можетъ. Сiе всего удивительнѣе

нѣе, что съ роскошными людьми власно какъ съ лежащими при смерти дѣлается, а на смертной постелѣ лежащіе тогда меньше другихъ поръ болѣзни чувствуютъ, когда болѣзнь ихъ не исцѣльною здѣлавшись и смерть за собою преведетъ. Въ то время они о безпокойствѣ такъ мало слышать и вѣдать хотятъ, что развращенную забаву съ заповѣднымъ весельемъ вмѣсто лекарства отъ болѣзни своей признаваютъ. Эта сонная болѣзнь человѣка на малое время нечувствительнымъ здѣлать можетъ. Надъ многими въ непотребное житье вдавшимися людьми часто сіе примѣчено, что роскошной четырежды печаленъ бываетъ: 1. передъ лишеніемъ; 2. послѣ оставленія роскоши; 3. по истощеніи всего имѣнія; а 4. въ тѣ поры, когда совѣсть возбудится, или смерть къ нему придетъ. Сколь часто такія перемѣны бѣшенство его пресѣкаютъ, такъ часто роскошной человѣкъ весьма печаленъ, скучливъ и для того безпокоенъ бываетъ, что отъ огня роскошей и забавъ вся сила у него истощится. Старое обыкновеніе сильно его побуждаетъ, а отнятой случай, или въ совѣсти у него болящія раны, великое безпокойство роскошному человѣку причиняютъ. Желаніе мучитъ его напоминаніемъ прошлой роскоши, и всякое мгновеніе ока настоящаго времени страшною ему пустынею творитъ. Добродѣтель съ честью, а порядочная жизнь съ набожностію, роскошнымъ да невоздержнымъ людямъ такимижъ жестокими вещьми кажется, какъ прихотливому и домясъ охочему израилю въ непроходной пустынѣ манна. Это роскошному также скучно и противно, какъ лѣнивому да упрямому робенку наука и труды. У него любимыя игрушки отымаючи, вмѣсто ихъ велятъ робенку грамотѣ учиться. Тутъ-то надобно ему до тѣхъ поръ жестокіе бои выдерживать, пока духъ тѣло одолѣетъ.

9.

Честь.

Неразумное честолюбіе, или яснѣе сказать, безмѣрное любленіе свѣтской чести, не меньшимъ безпокойствомъ человѣческія серьца надымаетъ. Гордость ничто иное, какъ опухоль, или такой вредъ души, которой отъ самолюбія зачинается, а желаніемъ суетной чести и славы помалу назрѣваючи, къ погибельному совершенству исподоволь приходитъ. Высокоуміе съ подозрѣніемъ, упрямство и гнѣвъ, зависть и огорченіе, ненависть и мщеніе, злоба и роптаніе, нетерпѣливость и жалобы, суть такія фуріи,

то

то есть мучительницы, которыя гордыхъ людей непрестанно терзаютъ. Ежели своенравію ихъ хотя мало попротивиться, то имъ также власно какъ древнему Аману, ни ѣства, ни питье на умъ не пойдетъ. А буде кто намѣреніе ихъ пересѣкши уничтожать станетъ, то сохрани Боже, какое ужасное волненіе въ душахъ ихъ здѣлается. Тогда симъ надмѣннымъ подло, а гордости ихъ предосудительно покажется, чтобъ въ смиренномъ себя уничтоженіи на Творца и Бога своего воззрѣть. Они при безпрестанной клятвѣ и брани такъ кричатъ: Дьяволъ это здѣлалъ, хотябъ уже чортъ меня побралъ. Ихъ на ту пору вмѣстѣ съ Сауломъ нечистой и злобной духъ безмѣрною яростью о томъ мучитъ, что кроткому и неповинному Давиду никакого зла здѣлать не могутъ. Горесть съ нетерпѣливостью, а злоба съ высокоуміемъ надмѣнное у гордаго сердце отъ часу больше возбуждаютъ, а мысль человѣческую вѣтру уподобивши, на разныя мѣста и во многія намѣренія бросаютъ. Ежели имъ нигдѣ не удастся, то по крайней мѣрѣ хотя языкомъ сердце свое вымѣщаютъ. Безумное люббленіе себя наполняетъ человѣческія сердца властолюбіемъ; а которые люди съ природы умны, тѣ прежде и больше другихъ въ сіе искушеніе впадаютъ. Безпокойство природнаго грѣха человѣча въ томъ состоитъ, что гордой человѣкъ ни Богу, ни людямъ покориться не хочетъ, но еще самаго Бога съ престола свесть, а свое мерзское высокоуміе на Его святое мѣсто возвести думаетъ. Сей безумецъ въ буйственной злобѣ и въ несносной гордости своей такія глумленія говоритъ: это было Богу такъ, а то иначе здѣлать надлежало. Чего гордой желаетъ, то суетному мнѣнію его и праведно кажется; а что скажетъ, то бы такъ и было. Какъ онъ птицъ на воздухѣ, а рыбу въ водѣ разными способы ловитъ, такъ власно и разумныхъ тварей покорить себѣ хочетъ. Изъ того послѣдуютъ разныя безпокойства и труды. Другихъ людей супротивленіе причиною тому бываетъ, что гордой на исполненіе упрямства своего небо и землю въ суетное движеніе приводитъ. Тогда премудрость Божія должна будетъ отъ него оправдаться, а тѣмъ людямъ за щасливыхъ себя почитать надлежитъ, кого горделивецъ въ комары да въ мухи, также сверчками, или тараканами не оборотитъ. Такіе люди причины своему неудовольству въ самихъ себѣ для того не ищутъ, что имъ безчестно кажется въ погрѣшеніяхъ своихъ признаться, или бы въ Христіанскомъ смиреніи сказать: я за свои грѣхи еще боль-

больше сего наказанія достоитъ. Отъ сего родится новое замѣшательство въ сердцѣ и въ умѣ гордыхъ. Хотя совѣсть имъ и сказываетъ, что они никуда и ни къ чему не годятся; однако безмѣрное самолюбіе поощряетъ ихъ къ тому, чтобы лучше самимъ себя обманывать, нежели грѣхъ свой признать, а особливо то стерпѣть, чтобы другой кто погрѣшеніе ихъ видѣлъ, или бы ихъ явно въ томъ обличилъ. Сія то Богу противная ненависть правды раждаетъ въ нихъ сугубой трудъ. Первое, чтобъ себя извинивши чѣмъ нибудь оправдать, а затѣмъ уже притворясь пороки и погрѣшности свои отъ очей смотрящихъ какъ можно скрыть. Первое уподобляетъ ихъ такимъ бродягамъ, которые почти никогда въ домахъ своихъ не живутъ. Для того безпокойное самолюбіе ихъ въ непрестанномъ волненіи, а они только о томъ и думаютъ, чтобы имъ скуку свою съ безпокойствомъ чѣмъ нибудь прогнать. По другому пункту походятъ они на обрѣтающихся въ непотребныхъ мѣстахъ скверныхъ женщинъ, которыя, желая обмануть мужескъ полъ, надѣваютъ себѣ прекрасную маску. Но потомъ больше стыдиться принуждены, когда смѣлой человѣкъ эту накладную харю съ нихъ сорвавши, отъ природы мерзскую рожу ихъ увидитъ. Но кому сіе не явно, какому душевному безпокойству эти бѣдные люди сами себя единственно за тѣмъ подвергаютъ, дабы имъ въ умѣ и въ мысляхъ своихъ отъ часу болѣе возвышаться. Иногда они какъ черви ползаютъ, и для того извиваются, дабы имъ толь нечувствительнѣе къ верьху подняться. Временемъ отъ дверей къ дверямъ ходя чести себѣ просятъ, а разсужденію другихъ людей за тѣмъ себя подвергаютъ, чтобъ отъ нихъ мнимое себѣ почтеніе получить. Они же притворяютъ себя бѣднѣйшими тѣхъ нищихъ, которые подъ окнами ходя милостины просятъ, дабы чрезъ сей способъ чужому добру господами, а имѣнію ближняго владѣтельми учиниться. Безмѣрное любленіе чести заставливаетъ человѣка другимъ людямъ безмѣрную и неподлежащую честь для того дѣлать, дабы отъ нихъ обратно такое же чрезвычайное почтеніе себѣ власно какъ силою взять, котораго честолюбивой же бракъ не заслужилъ и отнюдь не достоинъ. Какъ великія и тайно волнующіяся печали съ безчисленными горестьми, а притомъ сумнѣніе съ подозрительною невѣроятностію и съ пронзательнымъ страхомъ до тѣхъ поръ ихъ терзаютъ, пока оно само себя такимъ пузыремъ на водѣ здѣлаетъ, которой отъ собственнаго распространенія, или растягиванія самъ прорвавшись ис-

исчезнетъ. Хотя изслѣдованїе причинъ человѣческаго неудовольства не такъ пространно, какъ самое безпокойство; однакожъ оно отъ обрѣтенїя того главнаго мѣста очень не далеко, откуда эти ядовитые и такъ заразительные ручьи вышли. Помянутое разсмотренїе даетъ намъ знать, какъ мало тѣ люди къ своему спокойству надежды имѣютъ, которые симъ грѣшнымъ склонностямъ глубоко въ себѣ укорениться допускаютъ, или уже чрезъ соблазнительное обхожденїе, да худыми обычаи эти свои склонности отъ часу больше укрѣпляютъ, по примѣру большаго дуба, котораго уже ни сто человѣкъ не вырвутъ; а когда еще онъ малымъ прутикомъ стоялъ, тогда его и одною рукою весьма легко было вырвать. Но понеже всякому изъ насъ великая притомъ опасность, когда человѣкъ тѣлеснымъ и скотскимъ страстямъ своимъ безмѣрную волю даетъ, то должны мы ревностное о томъ старанїе прилагать, дабы ихъ заблаговременно укрощая переламывать, ежели всей надежды къ спокойству душевному лишиться не хочемъ. Кто не старается сихъ ужей заранѣе давить, тотъ на всю жизнь свою безщастнымъ здѣлается. Сердце его никогда не свободно, но безперерывными цѣпьми всечаснаго неспокойства сковано будетъ. Такой человѣкъ останется вѣчнымъ рабомъ безумїя, плѣнникомъ собственнаго нещастїя, холопомъ чувствъ своихъ, подданнымъ другихъ людей и бездушныхъ тварей. Онъ того желаетъ, что въ рукахъ имѣетъ, наслаждается, а сытъ не бываетъ, всегда надѣется, а исполненїя надежды своей не видитъ. Теряючи роскошь, безразсудно объ ней жалѣетъ, а ему было радоваться надлежало. Чего вчера желалъ, то сего дня проклинаетъ. Во всемъ подобенъ сонному. Ѣстъ, а самъ не насыщается; пьетъ, а жажда его мучитъ. Таково-то не совершенно желанное, а столь тлѣнно обладаемое имъ! Тогда удовольства надѣется, когда его ищетъ, а какъ получитъ, то еще безпокойнѣе прежняго здѣлается. Сїе-то есть оное праведнѣйшее проклятїе Божїе, которое по святой волѣ и по истинному допущенїю Всемогущаго Творца тѣ люди вѣчно чувствовать должны, которые за чужимъ бѣгаютъ, а собственнымъ сердцемъ отъ Всемогущаго Создателя и отъ верьховнѣйшаго блага своего беззаконно удаляются. Въ то время болѣзнующїй духъ ихъ сильно разнемогшись, изъ природнаго мѣста своего выходитъ на подобїе магнитной стрѣлы, которая себя до тѣхъ поръ уставить и успокоиться не можетъ, пока на сѣверъ по прежнему не оборотится. Ежелибъ на сїе безпокойство духа и сердца человѣческаго никогда ле-

лекарства не нашлось, то бЪ люди не только безщастнЂе всЂхЪ тварей на свЂтЂ были, но металлы и камни по тому бы совершеннЂе человЂка здЂлались, что они безчувственны и страстей вЪ себЂ не имЂютЪ.

10.

Возможность кЪ освобожденїю себя отЪ безпокойства.

Высокое преимущество разумнаго человЂка надЪ скотами и надЪ безумными тварьми состоитЪ вЪ томЪ, что человЂкЪ страсти и вожделЂнїя свои познавши укротить можетЪ, а скотЪ одними чувствами безумно влечется. Хотя и человЂкЪ естественно чувствуетЪ, что плоть и кровь имЂетЪ, однако и то вЪ себЂ слышитЪ, что на обладанїе тЂломЪ да кровью данЪ ему отЪ Бога разумЪ. Буде страсти его весьма жестоки, то человЂкЪ ощущаетЪ вЪ себЂ напоминанїе совЂсти, которая ему не только различїе между добрымЪ и злымЪ ясно кажетЪ, но и то оружїе разума подаетЪ, которымЪ премудрЂйшїй ТворецЪ разумное созданїе рукЪ своихЪ, то есть, человЂка, на внутреннихЪ враговЪ его непреоборимо вооружилЪ. КакЪ ВсемудрЂйшїй Создатель другимЪ тварямЪ зубы, ногти, рога и другую природную оборону отЪ всякихЪ вредныхЪ имЪ случаевЪ нарочно даровалЪ, а кЪ собственному ихЪ же содержанїю во всЂ твари по роду ихЪ особливую склонность вложилЪ, такЪ власно и человЂку, не только глаза, руки, ноги и другїе члены далЪ, но ко обращенїю и оборонЂ тЂла его внутренними силами и свЂтомЪ разума на то одарилЪ, дабы человЂкЪ все то видЂть и отЪ себя отвращать могЪ, что душевному его спокойству вредЪ, или препятство нанесть можетЪ. Я о томЪ спорить не хочу, какЪ много разумЪ человЂческїй во укрощенїи страстей силы имЂетЪ, только то подлинно, что Христїянину страсти и вожделЂнїя свои не токмо воздержавши обуздать, но и одолЂть можно, ежели силы естественнаго разума силою благодати Божїя и содЂйствомЪ Святаго Духа его освятитЪ и укрЂпитЪ. Но при одолЂванїи страстей нашихЪ должно ту пользу примЂчать, дабы человЂку самому и прежде того кЪ симЪ бунтовщикамЪ на встрЂчу итти, нежели они привычкою и обычаемЪ укрЂпятся, ежели мы подЪ тяжкое иго и вЪ страшное порабощенїе имЪ отдаться не хочемЪ. ПиѳагорЪ, ферєсидЪ, Аполлонїй, ЭликтенЪ, ПлютархЪ, СократЪ, ПлатонЪ, фокїонЪ, СципїонЪ, а по его увЂщанїю Царь Масиниса, ЦицеронЪ, КатонЪ, Царь Юба, Сенека, ВеспасїанЪ, ТитЪ, ТраянЪ, АнтонинЪ Кроткой и МаркЪ Аврелїй сЪ премно-

многими язычниками, не только мудрыя намъ къ сему дѣлу руководства и наставленія подаютъ, но самыми дѣлы своими цѣлому свѣту показали, какую силу ревностной трудъ со усерднымъ стараніемъ въ этомъ великомъ дѣлѣ имѣетъ. Развѣ Христіянамъ труднѣе язычниковъ будетъ страсти свои съ похотьми укрощать, когда мы въ этой войнѣ противу насъ самихъ Божію благодать и силу помощникомъ, а Сына Божія и воплощеннаго Бога нашего начальникомъ, руководцомъ и совершителемъ вѣры всегда передъ собою имѣть будемъ? Или намъ передъ язычниками меньше стыда будетъ, когда плоть наша безсмертнымъ духомъ и нетлѣнною душею, а чувства разумомъ и слѣдственно скоты людьми овладѣютъ? Или уже однимъ Христіянамъ власть на то дана, чтобы особливо и собственно намъ данныя узаконенія по своей волѣ преступать? А они всему Христіянству именно повелѣваютъ: Не бывайте побѣждени отъ зла, но побѣждайте благимъ злое. Хотя злыя страсти и свирѣпыя похоти столь глубоко въ сердцѣ человѣческомъ укоренились, что лучшаго на нихъ лекарства, кромѣ одной смерти, нѣтъ; однако мы помощію Божіею и употребленіемъ здраваго разума то здѣлать можемъ, что поврежденную природу не только укротить, но и на подобіе стараго платья скинуть въ состояніи будемъ. Я о томъ не говорю, чтобы человѣкъ безъ вожделѣній жить могъ, да только сіе подтверждаю, что прямое искусство (практика) разумнаго житья въ такомъ учрежденіи страстей нашихъ стоитъ, дабы разумъ во всемъ домѣ тѣла человѣческаго владыкою и господиномъ учинившись, не воздержныя страсти всегда обуздовалъ, или бы на правой путь также скоро обращалъ, какъ возница, или верьхомъ на конѣ сидящій человѣкъ, непокоривую и въ головѣ упрямую лошадь свою разумно, поспѣшно и мужественною рукою правитъ. Плодъ сего дражайшаго труда будетъ спокойствомъ душъ нашихъ, а руководство къ такому самаго себя правленію, или ко одолѣнію страстей своихъ, можетъ благосклонный читатель изъ слѣдующаго извѣстія усмотрѣть, которое для того сюда внесено, что развращенный свѣтъ сей лучше примѣровъ слушается, нежели по правиламъ поступаетъ. Августинъ, преждебывшій участникъ Манихейской ереси, а потомъ учинившійся ревностной исповѣдникъ Христовъ и великой учитель западной церкви, примѣромъ своимъ то покажетъ, какъ Христіянину жестокія страсти и вожделѣнія свои одолѣвши, великаго удовольствія и спокойства душевнаго достигнуть. Августинъ родился въ Африкѣ. По природной высотѣ раз-

Къ Римлянам. гл. 12

ума своего отъ младенчества склонность къ лучшему на свѣтѣ, то есть, къ наукамъ и ко всякимъ вѣдѣнiямъ имѣлъ. Во оныхъ къ общему благу и къ народному удовольствiю до двадесятаго лѣта возраста своего весьма преуспѣвалъ. На двадесятомъ году почувствовалъ Августинъ, что онъ въ такой землѣ родился, гдѣ жаркой воздухъ и злой обычай ко всякимъ невоздержностямъ человѣка побуждаетъ. Злое вожделѣнiе тѣмъ съ большею жестокостiю Августиномъ обладало, чѣмъ неспособнѣе молодость его была, такъ сильному непрiятелю заблаговременно противиться. Сiя злая склонность привела Августина въ такую худую компанiю, которая развращенному нраву его весьма прилична была. Тогожъ часа появилась цѣлая стая, и страшная Христiянину артель, въ пьянствѣ и въ плотскихъ мерзостяхъ утопающихъ Манихеевъ, для принятiя такого новичка въ товарищество свое, которой цѣлое отрочество и всю юность свою въ цѣломудрiи препроводилъ. Эти беззаконники добродѣтельнаго Августина въ сѣти прелести своей тѣмъ скорѣе привлекли, что онъ въ короткое время не только исповѣдникомъ богопротивной Манихейской ереси и беззаконнаго ученiя сего, но и рачительнымъ исполнителемъ сквернъ ихъ очень скоро здѣлался. Бѣдные родители печалились о прельщенiи рожденiя ихъ, а мать его Моника твердое намѣренiе приняла въ ровъ погибели впадшаго сына своего слезами и молитвою избавлять. Только не можно было надѣяться, что бы въ роскошахъ утопающiй Августинъ на печаль родителей своихъ много смотрѣлъ, или бы добродѣтельнаго увѣщанiя ихъ скоро послушалъ. Безпокойныя вожделѣнiя къ полученiю желаемаго столько же скуки и печали ему причинили, сколько онъ отъ дѣйствительнаго наслажденiя роскошью удовольствiя имѣлъ. Что больше Августинъ чувствамъ своимъ воли далъ, тѣмъ свирѣпѣе, а страсти и похоти его отъ часу ненасытнѣйшими здѣлались. Когда онъ ихъ больше исполнялъ, въ то уже время никакою мутною водою не брезгивалъ, а самую подлѣйшую къ роскошамъ своимъ бесѣду отнюдь не презиралъ. Въ пагубныхъ роскошахъ одичавши, непотребные виды и безчестные манеры на себя принялъ. Но милосердый Богъ такую еще въ немъ надежду ко исправленiю оставилъ, что онъ стыдливъ былъ. Какъ часто Августинъ мать свою видѣлъ, то всегда отъ нее бѣгалъ, а при вступленiи въ разговоръ съ честными людьми всегда онъ стыдливости краснѣлся, и присутствiя ихъ какъ можно убѣгая, всегда съ равными себѣ дружился. Хотя онъ отъ всѣхъ добрыхъ людей

и

и бѣгалъ, только отъ самаго себя уйти и никуда скрыться не могъ. Какъ ни хитровалъ, только совѣсти своей обмануть не въ состоянiи былъ. Она его и въ самомъ наслажденiи роскошьми, тайнымъ обличенiемъ устрашая, грозила грѣшащему неизбѣжнымъ судомъ и мщенiемъ Божiимъ. Тогда увидѣлъ Августинъ, что молодость его не только непорочнѣе совершенства лѣтъ мужескихъ была: но при семъ и то еще вспомнилъ, какъ онъ отъ исполненiя прежней добродѣтели во нравѣ свободнѣе, а въ совѣсти своей несравненно спокойнѣе того былъ, нежели въ самой срединѣ перемѣнъ прелестной и пагубной роскоши. Между тѣмъ радостное напоминанiе непорочно провожденной молодости, а особливо ревностное желанiе къ возвращенiю на прежнюю честную жизнь безпрестанно его къ добродѣтели побуждало. Искусивши сердце свое, началъ Августинъ той мерзости страшиться, которую тлетворная роскошь въ него вложила. Главнѣйшее его дѣло въ томъ состояло, что о исправленiи своемъ съ искренною ревностью рачить сталъ. За тѣмъ пожелалъ силу и слабость владѣющихъ имъ страстей, и жестокое подстреканiе похотей своихъ въ тонкость узнать, дабы симъ внутреннимъ врагамъ съ надлежащею силою противиться могъ. Хотя доброе произволенiе при всякомъ случаѣ въ немъ оказывалось, только трудно Августину было отъ толь сильнаго, а въ сердцѣ его такъ глубоко укоренившагося раболѣпства вдругъ свободиться. Моровой язвѣ равная роскошь сему блаженному намѣренiю съ такою силою противилась, что Августинъ отъ сего внутренняго безпокойства утрудясь, и одинъ въ саду гуляя, самъ къ себѣ говорить сталъ: Долго ли мнѣ въ такихъ грѣхахъ жить? За чѣмъ стало, что я оковъ пагубной роскоши сего часа не разрываю? Эти сатанинскiя узы такъ сильно меня сковали, что я ко святой свободѣ чадъ твоихъ, о милосердый Боже! достигнуть не могу. Поистиннѣ въ пребѣдномъ я состоянiи! Воля моя повелѣваетъ глазамъ моимъ открыться, и они уже отворяются на ясное смотренiе душевныхъ ранъ моихъ; рука моя по приказу и велѣнiю сей доброй воли на исполненiе добродѣтели движется, а нога по указанiю злой воли въ прежнюю пагубу тайно ходитъ. Когда добрая воля къ воспитанiю изъ нечистоты роскошей ясно меня зоветъ, и въ путь добродѣтели итти мнѣ повелѣваетъ, то она во мнѣ великое сему благу супротивленiе находитъ. Что мнѣ здѣлалось? Хочуль я это, или нѣтъ? Когда не хочу, то для чего и говорю? А буде искренно желаю, то за чѣмъ доброй волѣ не повинуюсь?

 Весь-

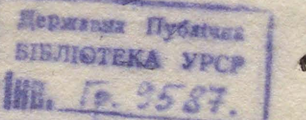
Весьма далеко я во глубину грѣховной бездны зашелъ. Теперь вижу, что мнѣ къ избавленію себя отъ сей пропасти особливую ревность приложить надобно. Чувствуешь ли бѣдной Августинъ сугубое къ тебѣ посольство Божіе? Благодать его влечетъ тебя къ себѣ, а гнѣвъ Божій угрожаетъ. Возвратись же на путь правый, и разорви отъ сего времени всѣ узы безчестной роскоши. Нынѣ разсѣкаю оковы мои. Съ сего часа свобожусь отъ работы вражія. Что я это говорю? Самъ бѣдной человѣкъ себя обманываю, Однако еще отвѣдаю. Прелестная роскошь! теперь уже я подстреканіямъ твоимъ послѣдовать не стану! Что надо мною дѣлается? Я то исполняю, чего не хочу. Сей часъ укрѣплюсь! Сей день не отпаду! Нынѣ приближаюсь ко удовольству моему! Пойду, побѣгу на гору. Отъ сего времени протяну руки мои на обьятіе дражайшаго спокойства. Самъ слышу, какъ душа моя вкушать его начинаетъ, и почти уже имъ наслаждается. Только къ сему великому дѣлу многаго не достаетъ, и я еще ничего не имѣю. Помози мнѣ Всещедрый и Всемогущій Боже! Вижу, какъ силенъ грѣхъ, и какъ меня къ тому не допускаетъ, чтобы я безпокойныхъ вожделѣній отрекшись на семъ свѣтѣ хотя малые годы спокойно, а въ будущемъ безконечномъ вѣкѣ съ тобою, Творцомъ моимъ, вѣчно жить могъ. Августинъ тяжкаго начала не убоясь, но набожными размышленіями самъ съ собою борьбу начавши къ молитвѣ и воздержанію прибѣгъ. Отъ злаго содружества безчестныхъ товарищей своихъ совсѣмъ удалился. Къ трудамъ и чтенію книгъ тѣмъ болѣе прилѣпился, что сперва лѣностью и гуляніемъ многому злу навыкъ. Судьба и рука Божія привела Августина въ городъ Медіоланъ. Тамошній Архіепископъ Святый Амвросій, обратя его на путь истинны, и науча добродѣтели, къ продолженію непорочной жизни собственнымъ примѣромъ побудилъ. Тутъ увидѣлъ Августинъ великую мерзость грѣховъ, а у чувствъ своихъ всякіе способы къ дальнему возмущенію рачительно пресѣкъ. Къ сей доброй осторожности и къ рачительному самаго себя познанію присовокупилъ обновившійся Августинъ неутомленное чтеніе книгъ и всегдашнее разсужденіе слова Божія. Силою сихъ цѣлительныхъ ароматъ грѣховная чешуя отъ глазъ его такъ отпала, что между угожденіемъ тѣлу и между веселіемъ духовнымъ превеликую разнь узналъ. Отъ разговоровъ съ добродѣтельными людьми возгорѣлась у него набожность. Притомъ Августинъ ежедневно себя искушалъ, пріобрѣлъ ли успѣхъ въ исправленіи своемъ? Добродѣтельная

жизнь набожныхъ Христіянъ стала уже ему быть не только примѣромъ къ ободренію, но и къ наставленію. Такимъ образомъ сталъ уже Августинъ самъ за собою смотрѣть. Отъ сего надзиранія ту пользу получилъ, что мятежныя вожделѣнія его часъ отъ часу умалялись, а душевное спокойство до тѣхъ поръ умножалось, пока милосердый Богъ сіе орудіе благодати и милости своей такимъ свѣтиломъ и столпомъ церкви Христовой учинить благоволилъ, что его ученіемъ, книгами и блаженнымъ житіемъ несравненно множайшее число людей исправя на путь истинны привелъ, нежели тѣхъ было, которыхъ Августинъ Манихейскимъ заблужденіемъ своимъ соблазнилъ. Я это подлинно вѣдаю, что нехотящіе исправиться, все особливой благодати и той милости Божіей приписывать станутъ, которую они нѣсколько разъ отъ себя отбрасывали. Для того внесу сюда такой примѣръ изъ языческихъ книгъ, которой намъ ясно покажетъ, какъ великую силу, совѣсть и здравой разумъ въ побѣжденіи злыхъ обычаевъ и пагубныхъ похотей имѣетъ. Изъ славнѣйшихъ философовъ, или изъ добродѣтельныхъ язычниковъ ниодного человѣка за тѣмъ искать не стану, дабы развращенные рты и злые языки опять того не сказали, будто эти славные въ добродѣтеляхъ мужи особливыми талантами одаренные люди были, да такого развращенной жизни урода въ примѣръ здѣсь представлю, о которомъ рѣдко кто и подумаетъ. Горькой пьяница, блудникъ, великой мотъ, бродяга, драчъ, крайней сварливецъ и грубой Эпикуръ собою то покажетъ, что разумъ и совѣсть посреди огня тѣлесныхъ роскошей къ одоленію страстей великую силу въ себѣ содержитъ, ежели человѣкъ къ обращенію на истинной путь твердое намѣреніе взявши, усердное о томъ стараніе приложитъ. Полемономъ того блуднаго сына звали, которой почти всякую ночь насквозь пробродивши изъ корчмъ и шинковъ на солнечномъ всходѣ домой приходилъ. Въ одно утро изъ такой непотребной бесѣды идучи увидѣлъ онъ, что у дому славнаго философа Ксенократа двери отворены, и много молодыхъ людей къ слушанью ученія сего славнаго мужа въ домъ къ нему собралось. Полемонъ разсмѣявшись подумалъ. Пойти было и мнѣ тудажъ, чтобъ этого школьнаго враля разсердивши чѣмъ нибудь соблазнить. Какъ я съ товарищами сей вечеръ сойдусь, то вмѣстѣ съ ними посмѣемся, когда имъ про то раскажу, какое я смятеніе зеленымъ моимъ вѣнкомъ и хорошимъ платьемъ между школьными шалунами здѣлалъ. Съ такими буйственными мысльми вошедши Полемонъ въ

Ксенократову школу, и сѣвши подлѣ учениковъ, разными смѣхотворствы сему мудрому мужу и здравому ученїю его явно ругаться началъ. Ученики и слушатели такъ на него осердились, чтобы конечно Полемона публично бить стали, ежелибы Ксенократъ начатой рѣчи своей для великаго шуму не прекратилъ. Потомъ закричавши приказалъ, чтобъ отнюдь не шумѣли. Какъ сей мятежъ утишился, то разумной Ксенократъ пресѣченную рѣчь свою прямо на Полемона обративши, о укрощенїи гнѣва, о стыдѣ, о благоприличности, о чести, о воздержанїи, о благонравїи и отрезвости такъ сильно говорить началъ, что не глупой Полемонъ замолчавъ и своею рукою съ головы сорванной вѣнокъ на землю бросивъ, а руку подъ епанчу положа, потупленными глазами далъ знать, что ему стыдно стало. Съ этимъ стыдѣнїемъ домой пошедши, Ксенократово ученїе о воздержанїи страстей въ толь глубокое разсужденїе взялъ, что вмѣсто соблазна и привожденїя людей къ роскоши, началъ Полемонъ сперва самъ исправляться, а за тѣмъ и побратениковъ своихъ ко исполненїю добродѣтелей ревностно приводить. Кто въ одолѣнїи страстей своихъ успѣхъ видѣть желаетъ, тому должно съ Августиномъ прилѣжно на себя смотрѣть, дабы никакой страсти за мало не ставить, а ниодной прихоти своей отнюдь не пренебрегать. Кто отъ жестокихъ страстей своихъ желаетъ свободенъ быть, тотъ долженъ заранѣе къ тому привыкать, чтобы малымъ вожделѣнїямъ благовременно противиться. Пиѳагорцы начинали учениковъ своихъ обладанїю собою, воздержанїемъ языка и молчаливостїю обучать. Кто имѣнїя своего также отрещись не можетъ, какъ славной философъ Кратесъ здѣлалъ, тому надобно привыкать къ терпѣливости и къ незлобїю въ тѣ поры, когда у него нѣсколько рублевъ денегъ украдутъ. Ежели за то осердишься, что посторроннїе люди твоей волѣ противятся, то прикажи своему человѣку что нибудь, а самъ думай, будто ты на него въ ту пору сердиться не станешь, когда онъ тебя не послушается, или все не то здѣлаетъ, какъ ты ему приказалъ. Сперва Iовъ, а по немъ Царь Давидъ, съ очами своими такой договоръ поставилъ, чтобы имъ въ то время ни на какую красоту не смотрѣть, когда онъ пожелаетъ роскошь преодолѣть. Кто малаго непрїятеля презритъ, тотъ большаго врага не побѣдитъ. Львовъ надобно въ тѣ поры укрощать, когда они еще молоды, а крапиву и злыя травы до большаго росту не допуская съ корнемъ вырывать. Послушай увѣщанїе язычника, и постыдись.

До-

Долголь тебѣ исправленїе свое отлагать? (Пишетъ Эпиктетъ.) Когда ты перестанешь противъ разума своего дѣлать? Ты уже позналъ что худо, и что добро. Въ чемъ истинна, и въ чемъ неправда. Развѣ ты думаешь покаянїе свое до прибытїя другаго учителя отсрочить? Не только очень худо, но горе тебѣ въ тѣ поры будетъ, когда сей строгой Наставникъ и страшной Судїя нечаянно придетъ. Ты уже робячьи башмаки давно износивши мужескихъ лѣтъ дожилъ. Ежели исправленїе свое часъ за часъ откладывать начнешь, то ничего инаго дѣлать не станешь, какъ одно доброе намѣренїе къ другому прибавлять, а о исполненїи онаго дѣломъ и подумать тебѣ не досугъ будетъ. Потомъ искусясь на дѣлѣ увидишь, что эта ежедневная отсрочка такое въ тебѣ самаго себя забвенїе произведетъ, и до тѣхъ поръ тебя обманывать станетъ, пока ты не опамятовавшись безчувственнымъ дуракомъ умрешь. Пожалуй же исправленїя своего до завтрѣ не откладывай, а истинной своей пользы всечасно смотри. Ежели тебѣ такое препятство здѣлается, которое тебя прелестною роскошью, суетною честью, или неправедною корыстью отъ добраго твоего намѣренїя удержать, или отвратить покусится, такъ вспомни, что нынѣ и сей часъ самое время къ подвигу твоему пришло. Эти здравыя разсужденїя Сократа для того премудрымъ учинили, что онъ никому и ничему кромѣ здраваго разума повиноваться не хотѣлъ. Хотя ты не Сократъ, однако и тебѣ надобно такъ дѣлать, чтобы ты не хуже его былъ. Я бы еще и больше доказательствъ нашелъ, ежелибы предъ симъ объявленныхъ доводовъ не довольно было, какъ на показанїе возможности самоодолѣнїя нашего, такъ и на поданїе способа къ тому, какъ человѣку сїе самаго себя побѣжденїе сперва начинать. Ежелибъ Августинъ и Полемонъ первому возбужденїю совѣсти своей не послѣдовали, тобъ никогда спокойными не учинились. Сколько бы человѣкъ внѣ себя увеселенія и причины ко удовольствїю своему до тѣхъ поръ ни искалъ, пока страсти имъ обладаютъ; однако все сїе собственной самаго себя обманъ, и такое маловременное притворство, которое только до той поры устоитъ, пока усыпленная совѣсть наконецъ проснувшись жесточайшимъ угрызенїемъ человѣку знать дастъ, какъ обманчиво это мнимое спокойство его было, а святое слово Богоотца и царствующаго Пророка на безконечные вѣки истинно. Нѣсть мира грѣшному.

II.

А именно укрощенїемъ страстей, отъ котораго истинное спокойство происходитъ.

Единое на цѣломъ свѣтѣ Христїянство имѣетъ сїе великое право съ преимуществомъ, что истинныхъ исповѣдниковъ своихъ къ совершенному спокойству приводитъ. Оно показываетъ намъ того великаго Ходатая и Святѣйшаго Посредника, которой грѣшными вожделѣнїи оскверненную душу человѣческую въ пречистой крови своей омывая, оправдая и освящая, съ Богомъ Отцемъ своимъ и со Святымъ Духомъ примиривши вѣчно соединяетъ. Отъ сего родится въ совѣсти человѣческой такъ великое спокойство, которое всякъ умъ человѣчъ превышаетъ. Сей воплощенный Богъ и Ходатай спасенїя нашего вооружаетъ насъ вѣрою, любовїю, кротостью, смиренїемъ, молитвами, святыми словами и таинствы своими, которыя мы въ супротивленїе самимъ себѣ и на одолѣнїе себя употребляемъ; а притомъ повелѣнное намъ по возможности исправляя, видимыхъ, а особливо невидимыхъ враговъ своихъ Его всемогущею силою и божественною помощїю одолѣваемъ. Сїя то есть оная превеликая польза съ верховнѣйшимъ въ Дусѣ Святѣ преимуществомъ Христїянъ православныхъ, которые мы надъ всѣми разумными язычниками имѣя, говоримъ и вѣруемъ. Вся намъ возможна суть о укрѣпляющемъ насъ Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Симъ разумѣю я то отверженїе себя, которое Спаситель нашъ у Евангелиста Матѳея въ главѣ 16 узаконяетъ. Оно то есть самаго себя побѣжденїе, или оное укрощенїе страстей, о чемъ здѣсь по се время писано. Ежели мы сїе отверженїе въ дѣйство произведемъ, то сами свое спокойство поспѣшествовать будемъ. Вожделѣнїя со страстьми подобны такимъ терновнымъ спицамъ вонзеннымъ въ тѣло человѣческое, которыя, не только тѣлу, но и душѣ безпрестанную болѣзнь причиняютъ. А отверженїе себя есть та рука, которая эти вострыя спицы изъ насъ вынимаетъ. За тѣмъ приходитъ облегченїе. Какъ скоро здравой разумъ страсти человѣческїя утолитъ, тотъ же часъ въ сердцѣ нашемъ такаяжъ великая тишина здѣлается, какъ на морѣ послѣ бури и по окончанїи жестокаго волненїя. Разумнѣйшїе язычники единогласно сїе признали. Для того они къ естественному нравоученїю своему прибавя особливую добродѣтель, назвали тѣмъ великодушїемъ, которому въ презрѣнїи и во отверженїи отъ себя всякихъ тлѣнныхъ вещей состоять должно. Награду съ воздаянїемъ за добродѣтель именовали они тѣмъ душевнымъ спокой-

койствомъ, о которомъ сія книга пишетъ. Сему спокойству должно заключаться въ мирномъ и безмятежномъ житьѣ, удаленномъ отъ всякихъ ссоръ и отъ тяжебъ. Спокойному человѣку надлежитъ малымъ, и то еще не только своимъ, да праведнымъ, и отъ собственноручнаго труда нажитымъ имѣніемъ довольствоваться. Это свое праведное имѣніе воздержно употреблять на нужное и на полезное себѣ. Знать людей, и все то, съ чѣмъ мы на семъ свѣтѣ обходимся. Имѣть всегдашнее намѣреніе ко исполненію добрыхъ дѣлъ и всякой правды, а чтобы на тебя во временной жизни твоей ни пришло, то все спокойно и терпѣливо нести. Хотя сей вѣнецъ для подлыхъ людей весьма высоко поставленъ, однако весь родъ человѣческой отъ начала свѣта сію корону ищетъ, и всякими трудами достать старается. Субботный покой искони вѣка былъ предзнаменованіемъ того спокойства, котораго всякой человѣкъ естественно жаждетъ. Мнѣбъ надлежало со всякою сектою многихъ философовъ особливой разговоръ имѣть, ежелибы все то описывать, въ чемъ сіе удовольство подлинно состоитъ. Но сіе несравненно полезнѣе, дабы намъ душевное спокойство въ сердцахъ своихъ дѣйствительно чувствовать, нежели объ немъ по пустому споровашься. Съ насъ довольно того, что всѣ древніе философы и разумнѣйшіе люди признаннаго отъ нихъ спокойства однимъ усердіемъ искали, а нѣкоторые изъ нихъ и въ самомъ дѣлѣ оное вкусили. Душевное спокойство есть истинное и единое благополучіе на земли. Все свѣтское къ нему, какъ всѣмъ намъ къ общей цѣли и примѣтѣ бѣжитъ. Спроси безпокойныхъ. Для чего вы къ страстямъ своимъ такъ сильно прилѣпляетесь? Они тебѣ скажутъ, для того, чтобы намъ въ себѣ спокойнымъ и довольнымъ быть. А буде и разумныхъ спросишь. На что вы страсти свои укрощаете? И они тебѣ тѣмъ же подобіемъ отвѣчаютъ. На то, что мы себѣ спокойства больше другихъ людей желаемъ. Видишь ли, какъ всякъ человѣкъ спокойства жаждетъ? Вся на свѣтѣ къ сему дражайшему благу клонится. Злой человѣкъ въ раченіи злостей и грѣховъ, а доброй во исполненіи добродѣтелей своихъ, только съ такимъ различіемъ спокойства желаютъ, что злой мнимымъ своимъ удовольствіемъ на время себя прельщаетъ, а доброй человѣкъ симъ спокойствомъ подлинно и вѣчно наслаждается. Ихъ удовольствіе также различно, какъ тѣ вещи отнюдь между собою несходны, въ которыхъ спокойство того и другаго человѣка дѣйствительно состоитъ. Мудрой Христіянинъ находитъ свое спокойство въ чистомъ

стомъ сердцѣ, въ непорочной совѣсти и въ дѣйствительномъ исполненіи блаженныхъ добродѣтелей. А безумной человѣкъ и не прямой Христіянинъ ищетъ сего же спокойства въ мятежахъ и замѣшательствахъ безпокойнаго свѣта. Сей суетной человѣкъ веселится тѣми ложными красотами, которыя воздухъ, земля, плоть и кровь подъ пріятными краски и цвѣтами мутнымъ глазамъ его представляетъ. Напротиву того православной Христіянинъ выше красоты непорочной совѣсти, безсмертной добродѣтели, безгрѣшной жизни и выше героичнаго великодушія ничего на свѣтѣ не почитаетъ. Одинъ ищетъ спокойства внѣ себя, и думаетъ сіе дражайшее сокровище въ безумныхъ, или въ бездушныхъ тваряхъ найти, а другой веселится Богомъ и вещьми духовными. Одинъ рыбу ловитъ на воздухѣ, а въ Океанѣ для того рвы копаетъ, чтобы посреди сего моря порцелинную себѣ бесѣдку на стеклянныхъ столбахъ поставить. А другой вопреки тому испытуетъ глубину разума, науки, мудрости, правды и неправды. Ищетъ справедливости въ законахъ естественныхъ и въ усердномъ храненіи заповѣдей Божіихъ. По сему видно, что одинъ изъ нихъ спокойства ищетъ, а другой оное нашедши дѣйствительно имъ наслаждается. Одинъ суетится на малое время въ скоропреходящемъ и тлѣнномъ, а другой веселится постояннымъ и вѣчнымъ. Тотъ довольствуетъ чувства, а сей питаетъ душу. Одинъ забавляетъ тѣло, а другой веселитъ духъ свой. Одинъ прельщаетъ себя мечтаніемъ, а другой увеселяетъ разумъ свой сущею истинною. Тотъ на время веселъ, а сей на вѣки спокоенъ. Коротко сказать: Страстьми обладанной человѣкъ спокойство себѣ притворяя, мечтою питается; а разумной симъ истиннымъ спокойствомъ дѣйствительно владѣетъ. Здѣсь радуется сердце, а тамъ одни уды веселятся. Мудрой Христіянинъ подобенъ чистотекучей водѣ, а юродивой полухристіянинъ съ помоями равенъ. Сей уподобился соломѣ, или травѣ, которая отъ малаго вѣтра колеблется, а другой подобенъ пальмовому дереву, которое отъ бури не ломится и подъ тягостью ростетъ. Одинъ равенъ съ такою хороминою, которая на пескѣ построена, а другой подобенъ крѣпости стоящей на горѣ каменной. Блаженное спокойство! Какъ велико происходящее отъ тебя удовольствіе! Ты веселишь сердце, и радостнымъ творишь лице человѣческое. Ты поспѣшествуешь дѣла, и услаждаешь горкіе дни наши. Ты благо и кротко, спокойно и весело, тихо и бодрственно, равнодушно и милостиво. Ты смиренно въ чести, терпѣливо въ страданіяхъ, ще-

щедро во изобиліи, довольно въ недостаткѣ, воздержно въ радости, великодушно въ страхѣ, осторожно въ щастіи, и благодушно во всѣхъ злоключеніяхъ человѣческихъ. Истинное спокойство на всякую вещь прямую цѣну кладетъ. Больше всѣхъ тварей ко Творцу прилѣпляется, и Его надъ вся въ свѣтѣ всѣмъ сердцемъ и всею душею любитъ. Свою любовь отъ всего тлѣннаго заранѣе отвлекая, и въ то время не обезпокоивается, когда цѣлой свѣтъ кругомъ его исчезаетъ. Оно вѣдая различіе между временнымъ и между вѣчнымъ, съ Пророкомъ Аввакумомъ (глава 3) къ Богу взываетъ. Егда смокви плода не сотворятъ и не будетъ плода въ виноградѣхъ; егда солжетъ древо масличное, и поля не сотворятъ яди, егда оскудѣютъ овцы отъ пищи и не будетъ воловъ при яслѣхъ: азъ же возвеселюся о Господѣ и возрадуюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Понеже сіе дражайшее спокойство удовольствія своего въ вещахъ божественныхъ ищетъ, то спокойство небесное или миръ Божій душу человѣчу такъ наполняетъ, что истинной Христіянинъ въ восторгъ пришедши, не только духа Божія исполняется, но въ ту самую любовь себя претворяетъ, о которой Апостолъ Павелъ пишетъ. Любы долго терпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своя си, не раздражается, не вмѣняетъ злое, не радуется о неправдѣ, радуется же о истиннѣ. Вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, любы николиже отпадаетъ. Сіе блаженное спокойство гораздо легче духомъ чувствовать, нежели слабымъ перомъ описать, или плотскимъ языкомъ изрещи. Сему душевному спокойству лучше самымъ исполненіемъ добродѣтелей, или дѣйствительнымъ искусствомъ, (практика) нежели изъ книгъ научиться можно.

Посл. къ Коринѳ. гл. 13.

12.

Другое препятствіе спокойствію.

Еще выискивается роптательной врагъ спокойству человѣческому, а я благосклоннымъ читателямъ долженъ сего непріятеля показать прежде представленія мудрыхъ и здравыхъ разсужденій о неудовольствѣ нашемъ. Многіе люди съ печальнымъ и смутнымъ нравомъ родились. У нихъ около сердца такой густой туманъ, котораго солнце спокойствія едва прогнать можетъ. Сихъ людей Меланхоликами (унылые) по тому праведно зовутъ, что кровь ихъ медлѣннымъ обращеніемъ густа и черна будучи, много худыхъ паровъ испускаетъ, а мечтаніе чрезъ сей с особъ печальными образы и ужасными привидѣніями весьма часто ихъ

спра-

стращаетЪ. ЕжелибЪ эти люди праздныя и пустыя мысли свои на вседневное трудолюбіе промѣнявши; а вмѣсто того что имЪ подгорюнившись охать; ежелибЪ руки свои на работу, а мысль на ободреніе сердца и духа своего употребляли, тобЪ они при обыкновенной молитвѣ своей несравненно веселѣе были, а притомЪ бы ни о какой напрасно и только мнимой бѣдѣ никогдабЪ не жаловались. Но мнѣ до нихЪ не столько нужды, какЪ до тѣхЪ людей, кои наималѣйшіе случаи вЪ жизни своей чрезЪ микроскопЪ (стекло, которое малѣйшія вещи безмѣрно великими кажетЪ.) Смотря то собою, то людьми, а иногда самимЪ БогомЪ не довольны бываютЪ. Мнѣнію и мыслямЪ сихЪ людей все таковожЪ черно кажется, какова кровь ихЪ темна. Хотя ты на освобожденіе ихЪ изЪ лужи руку имЪ подашь, однако боязливое ихЪ подозрѣніе такія слова на ухо имЪ шепчетЪ. Не вѣрь ему, онЪ тебя утопить хочетЪ. Иные болящіе весьма тому ради, ежели случай получатЪ болѣзнь свою добрымЪ совѣтомЪ, или сказаннымЪ отЪ друзей лекарствомЪ облегчить, а Меланхолики болѣзнь свою покоятЪ и нѣжатЪ. Они горкія пилюли печалей своихЪ во рту языкомЪ безпрестанно повертывая, только о томЪ и мыслятЪ, что ихЪ мучитЪ. Надлежало бы думать, что они сами себѣ такоежЪ мученіе дѣлаютЪ, какЪ Цесарь Калигула другихЪ людей для того больше мучилЪ, чтобы имЪ смерть свою тѣмЪ больше слышатЪ и крѣпче чувствовать. Эти люди не только что другое, но и самую жизнь свою за опасность признаваютЪ. ИхЪ можно уподобить страждущему желчью, или желчною болѣзнью. Сему человѣку все желто кажется, на что ни взглянетЪ. Жестокой страхЪ пригоняетЪ ихЪ вЪ такую узкость, что имЪ уединеніе спокойнѣе всего видится. Во ономЪ стѣны и живописныя картины, или тканыя обои сЪ личными фигурами таковы же страшны имЪ кажутся, какЪ тѣ люди, отЪ которыхЪ они по напрасному страху и подозрѣнію бѣгаютЪ. Это я говорю не о такомЪ разумномЪ уединеніи, когда человѣкЪ отЪ злобы, или отЪ гоненія враговЪ своихЪ удалиться принужденЪ, дабы ему время собственной жизни кЪ славѣ Божіей и кЪ пользѣ души своей вЪ тихости и во удаленіи гораздо лучше, нежели вЪ прескучномЪ шуму безпокойной компаніи провождать; но на тѣхЪ людей намѣреніе мое клоню, которыхЪ чудному нраву никто и ни чѣмЪ угодить не можетЪ. ИмЪ и разговоры отЪ людей скучны, и молчаніе досадно. ВЪ такихЪ людей нечистота различныхЪ страстей собирается. За тѣмЪ и не дивно, что вЪ жизни

ихЪ

ихъ ни малой прїятности нѣтъ, и все житье сихъ людей никуда не годится. Есели къ роскошамъ склонная природа, злой обычай, или худая бесѣда съ такимъ нравомъ соединится, то эти люди злыхъ увѣщанїй послушавъ, въ глубочайшїй ровъ всякихъ нечистотъ забрести готовы. Они въ довольствѣ разслабнувъ скоро лѣнивыми дѣлаются, въ чести бѣсятся, въ малой печали отчаеваются, а при забавахъ внѣ себя приходятъ. Въ какой бы чести эти люди ни были, только при всемъ томъ бѣдны и ничѣмъ не наслаждаются. Безпокойной Аммоновъ духъ непрестанно ихъ мучитъ. Для того они сего дня то проклинаютъ, чего вчера желали. Душевная скорбь ненасытнаго желанїя ихъ такъ распространяется, какъ болѣзнь называемая ракъ. Страхъ, нетерпѣливость, ропщанїе, непостоянство, горесть, упрямство и гордость, суть тѣ жестокїя бури, которыми душа ихъ непрестанно волнуется. Многїе изъ нихъ съ отчаянїя и отъ жестокой печали сами себя до смерти убиваютъ. Сїя болѣзнь тѣхъ людей жесточѣе мучитъ, которые въ познанїи правды, также въ разумѣнїи добра и зла ни мало не обучены. Когда скорбь до души ихъ дойдетъ, то эти люди сами себя съѣдать начнутъ. Слабость съ печальнымъ сердцемъ сїе повѣтрїе возбуждаетъ. Жизненные духи отъ того изсыхаютъ, разумъ притупляется, а природная горячесть угасаетъ сею печалью, которая наконецъ раждаетъ смерть. Около ихъ летаетъ цѣлой рой печальныхъ и скорбныхъ мыслей, неудовольства, страху и смятенїя. Сердце такого Меланхолика наполненно тайными вожделѣнїями, которыя толь чувствительнѣйшею болѣзнью волнуются, чѣмъ меньше надежды къ исполненїю сихъ прихотей, или къ полученїю тайныхъ умысловъ и желанїй его. Хотя они перемѣны вмѣсто лекарства ищутъ, однако печаль въ слѣдъ за ними по пятамъ бѣжитъ. Горесть неудовольства не дастъ имъ наслаждаться настоящимъ благомъ. Иногда они потупя глаза и дугою согнувшись на подобїе бѣдной смерти ходятъ, а иногда ревностью и гнѣвомъ пылаютъ. Чрезъ сїе оказывается двоякой родъ неудовольства. У однихъ молчанїемъ и внутреннимъ угрызенїемъ сердца, такъ власно, какъ у лошадей грызенїемъ мушпука и удилъ, когда имъ другаго укусить нѣчего, или не льля. Другїе жестокостью внутренней болѣзни къ оборонѣ, или ко избавленїю себя непрестанно побуждаются. Потомъ загарается въ нихъ гнѣвъ и нетерпѣливость, бѣшенство и отчаянїе, съ такимъ безумнымъ намѣренїемъ, дабы всѣ препятства и помѣшательства спокойству

ихъ

ихъ всякими возможными насильствы разсѣявъ, какъ можно скорѣе уничтожить. Въ этомъ числѣ цѣлой полкъ людей. Одинъ жалуется на безщастную долю свою; другой кленетъ обманъ и злость лукаваго свѣта сего; третій приноситъ жалобу на неблагодарныхъ людей; четвертой на непостоянство щастія; пятой безразсудно печалится о смерти друзей, или сродниковъ своихъ. Иногда презрѣніе, или порицаніе, временемъ неблагодарность съ боязностью, или страхъ съ болѣзнію, а иногда уже одиначество, или многолюдство? безпокойныхъ людей мучитъ. Сими-то способы печаль челововѣка истончеваетъ, а сердце его внутренними угрызеніями какъ червь дерево точитъ. Хотябъ и никто не думалъ, что люди безмѣрнымъ самолюбіемъ сами себя мучить могутъ, однако сія душевная болѣзнь другагo себѣ начала не имѣетъ, и лекарства инаго на нее нѣтъ, кромѣ того, чтобы человѣку умѣренно себя любить, а къ помянутой болѣзни за тѣмъ не прилѣпляться, что печальная душа со временемъ и тѣло не чувствительно заразить можетъ. Сею язвою поврежденные въ тѣлѣ нашемъ жизненные соки обратно платятъ душѣ пустыми и вредными парами. Отъ сихъ злыхъ паровъ приходитъ тѣлу человѣческому жестокая болѣзнь. Въ то уже время пользованіе тѣмъ опаснѣе становится, что прилѣпленіе къ Меланхоліи всю кровь у человѣка желчью повредило. При сихъ опасныхъ обстоятельствахъ добрымъ лекарствомъ и сильнымъ сопротивленіемъ отнюдь не надобно медлить. Болѣе всего молить Всещедраго Бога о милосердомъ низпосланіи пресвятаго Утѣшителя и радостнаго Духа, а самому страждущему здравымъ разсужденіемъ и умными разговорами добродѣтельныхъ людей какъ можно себя ободрять. Поистиннѣ! Кто состояніе людей свѣтскихъ прямо разсмотритъ, тотъ больше причины къ печали, нежели къ радости найдетъ. Никакая тварь подъ солнцемъ столько бѣдъ и печалей за собою не влечетъ, какъ человѣкъ. Зачатіе его беззаконіе, рожденіе грѣхъ, происхожденіе на свѣтъ бѣдность и нагота. Жизнь его всегдашній трудъ, болѣзнь, печаль и суета. Смерть человѣческая страхъ и мерзость. Сію плачевную долину поздравляетъ человѣкъ слезами. Кой часъ отъ утробы матерни выдетъ, ту же минуту уста свои обыкновеннымъ у младенцовъ крикомъ (уа) на плачъ и жалобу, на алчбу и жажду по неволѣ отворяетъ. Нагой младенецъ на свѣтъ, какъ бѣдной невольникъ изъ темницы выходитъ ко вступленію на театръ суетнаго міра сего, гдѣ ему трагедію (печальное дѣйство) самому играть, или на другихъ дѣй-

дѣйствующихъ, (актеры, или игроки) съ печалью и жалостью смотрѣть. На свѣтъ съ собою выноситъ суровой, непокоривой и окаменѣлой духъ. Слабые члены и нагое тѣло, наполненное болѣзньми и безпокойными вожделѣнiи, съ премногими способами къ дѣйствительному безпокойству и неудовольствiю. По рожденiи нѣсколько времени также безчувственно лежитъ, какъ и другiя твари. Еще въ нѣжной молодости своей узнаетъ, что его ко всему доброму принуждать надобно. За тѣмъ безпокоитъ его упрямство. Ежели злая воля не переломлена будетъ добрымъ и разумнымъ воспитанiемъ, то дикое сѣмя роптанiя и неудовольства по тому въ злую страсть претворится, что устремительныя склонности съ такою жестокостью востаютъ, какъ бунтовщики. Они такъ удобнаго времени, безумiя и способнаго имъ случая, безпамятства человѣческаго изъ руки упустя потерять не хотятъ, дабы имъ всю власть надъ жизнью человѣка къ себѣ привлечь. Между тѣмъ у души съ тѣломъ великiе раздоры начнутся. Все у нихъ дѣло о томъ стало, разуму, или страстямъ верьхъ взять. А яснѣе сказать, вовсе ли человѣку щастливу, или на всю жизнь свою безщастну быть. Едва только сiя междоусобная война на малое время утишится, а уже человѣкъ подъ иго супружества шею свою и протягаетъ. Къ сему житью великое множество суетъ и печалей прибавляется. Временемъ мужъ, а иногда жена, то дѣти, то служители; иногда сродники, а временемъ сосѣди къ неизбѣжнымъ ссорамъ и тяжбамъ, къ страху, къ печали, и ко многимъ безпокойствамъ невольной способъ подаютъ. Недостатокъ и росташенiе, несогласiе и вражда, болѣзнь, печаль о смерти жены, дѣтей, сродниковъ и друзей, а напослѣдокъ и самимъ намъ неизбѣжна смерть, суть такiе нарушатели спокойства душевнаго, которые достальную жизнь нашу какъ воры да разбойники разграбивши по себѣ раздѣляютъ.

13.

Исцѣленiе на безпокойство.

Ежелибы насъ природа отъ такъ сильныхъ безпокойствъ безъ обороны оставила, то бы мы ее по самой справедливости мучительницею на вашь могли. Но понеже благая природа всякому человѣку разумную душу влiяла, а Богъ всѣхъ насъ Христiянъ святымъ Евангелiемъ, яко крѣпчайшею душамъ нашимъ оградою, милостиво одарилъ: то намъ и жаловатся не на кого, кромѣ

какъ на самихъ себя. Для того должны мы сїю двойную, то есть, духовную и душевную пользу ко отвращенїю всякихъ безпокойствъ и на поспѣшествованїе спокойства душевнаго разумно употреблять, а тѣмъ безпокойнымъ людямъ и суетнымъ головамъ, о которыхъ предъ симъ упомянуто, прїемъ чхательнаго порошка, или слабительнаго лекарства больше всѣхъ здравыхъ разсужденїй поможетъ. Когда они мозгъ свой сими способы очистятъ, тогда сами въ себѣ послышатъ, какъ великую силу благодать Божїя со здравымъ разумомъ въ поспѣшествованїи душевнаго спокойства имѣетъ. Только одинъ пластырь ко всѣмъ ранамъ не годится. Для того я печальную душу, власно какъ лекарь, за тѣмъ въ аптеку поведу, дабы она изъ множества разсужденїй къ пользѣ своей лучшее избирая, сама усматривала, которое лекарство ей на исцѣленїе поврежденнаго спокойства принимать. Только сїе лекарство не у всѣхъ равно, и не въ одно время подѣйствуетъ, для того что есть новыя и старыя, легкїя и тяжелыя раны. Тебѣ въ то время отчаяваться не должно, ежели ты изъ тяжчайшаго безпокойства въ желаемое тобою совершенное спокойство не скоро преселишься. Помалу набравшихся, а за тѣмъ уже въ кровь вошедшихъ болѣзней, вдругъ изъ крови выгнать и скоро вылечить не льзя. Хотя человѣкъ и выздоровѣетъ, однако въ немъ такая слабость еще остается, которая на нѣсколько времени какъ вода въ рѣкѣ, или въ морѣ послѣ жестокаго волненїя помалу утихая, исподоволь устаивается и прежнюю чистоту свою получаетъ. Совершенная тишина и безмятежное спокойство съ душевнымъ и духовнымъ миромъ принадлежитъ въ такое мѣсто, которое выше всего видимаго нами свѣта. Мы на землѣ совершенаго блаженства не ищемъ, и найти его не можемъ. Но только такой равнодушной кротости желаемъ, чтобы люди чиномъ, житьемъ и состоянїемъ своимъ довольны будучи, въ благоденствїи бы не превозносились, а въ нещастїи не унывали и не отчаявались.

14.

Разумное самолюбїе.

Отступленїемъ отъ Бога, (какъ выше сего сказано) природное въ человѣкѣ самаго себя люблєнїе по большой части къ чувственному, или къ тѣлесному обратясь, чрезъ сей самой способъ такъ обезумѣло, что по здравому разуму и по чистому смыслу над-

надлежало думать, будто люди самихъ себя больше ненавидятъ, нежели любятъ, по тому что оные давятся, другїе стрѣляются, третїе въ воду бросаются, а четвертые разными смертьми сами себя губятъ. Достальные изъ нихъ то печалью, то веселїемъ, то болѣзнью, то роскошьми; иногда гнѣвомъ, а иногда злобою себя мучатъ, и въ несказанную бѣдность ввергаются. У нихъ обыкновенное слово, я такъ хочу, и такъ этому быть. Ты говори что изволишь, а мнѣ свою волю исполнить. Хотябы никто того не подумалъ, чтобъ люди отъ безумнаго самолюбїя ослѣпши, разными способы себя умерщвляли, только это сильное безпорядочество отъ того единственно происходитъ, что естественной, или плотской человѣкъ любовь свою на одно тѣло и на скотскїя дѣла его обративши, попеченїе о душѣ своей совсѣмъ презрилъ. Сему неразумному смятенїю всего естества, ничего кромѣ смятенїя въ душѣ и кромѣ нещастїя тѣлу произвесть не возможно было. Сама себя забывшая тварь въ неизбѣжное наказанїе долженствовала болѣзньми, печальми и безпокойствомъ мучиться. Для того человѣкъ часто желалъ самоизбраннымъ зломъ отъ такого зла убѣгать, которое ему большимъ казалось, нежели въ самомъ дѣлѣ есть; а за тѣмъ, что удаленїе отъ прямой и большой дороги разумнаго естества ослѣпляло человѣка бѣшенствомъ и заблужденїемъ. Но понеже всякой человѣкъ послѣ отступленїя отъ Бога и отъ разумной природы своей безмѣрнымъ самолюбїемъ самъ себя язвитъ, то надлежало подлинно разсмотрѣть, въ чемъ человѣческая природа прямо состоитъ, дабы праведнымъ изслѣдованїемъ оныя всякъ изъ насъ разсмотренїемъ умной природы могъ тому научиться, какъ самому себя разумно любить, а чрезъ сїе соединенїе съ Богомъ и самому въ себѣ спокойну быть. Человѣкъ состоитъ изъ души, да изъ тѣла. Обѣ эти части такъ равнаго состоянїя, что человѣка утишить и обезпокоить могутъ. Которая изъ нихъ ко умноженїю человѣческаго спокойства больше служитъ, та и лучшая. А той части безъ сомнѣнїя худшей быть должно, отъ которой безпокойство человѣческое умножается. Тѣло по тому начало и причина всему безпокойству нашему, что человѣкъ тѣлесныхъ припадковъ удержать не можетъ, а воля требованїй тѣла человѣческаго всегда исполнять не въ состоянїи. Душа есть инструментъ, или орудїе всему покою и удовольству нашему по такой причинѣ, что имѣетъ разумъ къ познанїю того, въ чемъ заключается истинное благополучїе наше. Воля на взятье и

на дѣйствительное употребленіе такихъ способовъ, которые къ полученію сего намѣренія свойственны и приличны, въ полной власти у души. Отъ сего спокойства удаляющія насъ причины происходятъ отъ тѣла, а не отъ души. Тотъ человѣкъ разумно себя любитъ, кто больше души, нежели тѣла слушаетъ и ей повинуется. Лучшія свойства и таланты человѣческіе сего преимущества съ тѣми вещьми требуетъ, которыя человѣку внутреннее удовольство приносятъ. Да они же прочны, вѣчны и непремѣнны. Только человѣкъ и тѣлу часть любви своей для того удѣлить долженъ, что Всемудрѣйшему Творцу угодно было, сію тлѣнную храмину не тлѣнною и безсмертною силою души на временное въ семидесятъ, или въ восмидесятъ лѣтахъ состоящее житіе не разлучно сказать. Кто желаетъ такой краткой срокъ непрестанно текущаго времени вѣчнымъ учинить, также свирѣпыми чувствами тѣла и скотскими похотьми его безсмертной духъ подавивши, больше всего такихъ вещей искать, которыя не въ нашей силѣ и власти, а человѣкъ ими во время краткой жизни на землѣ постоянно и безъ препятства владѣть не можетъ, тотъ хочетъ всю тварь переломавши въ свою форму перелить. Сей человѣкъ разумную къ самому себѣ любовь на зло употребляетъ, а она чрезъ сей злой способъ не мудростію и спокойствомъ наполнится, но крайне обезумѣвши всякихъ бѣдъ и печалей полна будетъ. Ко убѣжанію такъ неминуемаго безпокойства для разумнаго примиренія воздержною къ самому себѣ любовью усмотрѣли разумные язычники двѣ нужныя вещи: 1. познаніе себя; а 2. послѣдованіе разумной природѣ. Первое состоитъ во узнаваніи человѣку того, какою несравненною степенью душа выше, чище и совершеннѣе тѣла своего. По другому пункту надобно человѣку искусясь отвѣдать, какимъ высокимъ градусомъ онъ чрезъ то въ себѣ спокойнѣе будетъ, ежели душевное благо выше всѣхъ тѣлесныхъ благихъ почтетъ. Онъ же всю жизнь свою по тому учредитъ, что во вѣки благо и право, а мнимому добру и ложной пользѣ прельщать себя не допуститъ. Чрезъ сей способъ люди въ себѣ спокойнѣе или безпокойнѣе будутъ по той мѣрѣ, которою душу, или тѣло любить, то есть, какъ желаніемъ да чувствамъ, или здравому разуму послѣдовать начнутъ. Весь хоръ языческихъ философовъ раздѣляется на три крылоса, или собранія. Первые все приписываютъ тѣлу; вторые все у тѣла отнимаютъ; а третьяго сорта мудрецы, всею возможностію о томъ стараются, чтобы на свѣтѣ живучи, душу и тѣло равно успокоивать чрезъ

обладание надъ тѣломъ, силою и властью разумной души. Ежелибъ мы не грѣшны были, тобъ природное желание спокойства не столько препятствъ и трудностей имѣло. Но понеже мы то нашими собственными вожделѣниями то чужими прихотьми, воономъ спокойствѣ много препятствъ имѣть можемъ, то главное затруднение въ томъ замыкается, какъ бы въ такомъ поползновенномъ и опасномъ состоянии праведное равновѣсие содержать. Хотя человѣку къ совершенному возстановлению полнаго спокойства разумной природы, въ грѣшномъ, многобѣдномъ и въ суетномъ житьѣ свѣта сего достигнуть и не льзя, однакожъ такое удовольствие получить можно, которое (съ помощию Божиею) къ нашимъ временамъ и обстоятельствамъ способно будетъ. Безначальная и безконечная премудрость Божия предлагаетъ намъ два пути: 1. непорочность (душевная и тѣлесная чистота; (а 2. непритворную истинну. Аще чистъ еси и истиненъ, то Богъ Іова молитву твою услышитъ, и устроитъ ти житие правды. Пер- Гла. 8. вое (на Греческомъ языкѣ) кажется совершенная, но къ достижению невозможная чистота, или непорочность. А другое можно назвать упредительнымъ исполнениемъ той добродѣтели, которую въ несовершенной жизни свѣтской находящиеся люди по силѣ и возможности своей дѣлаючи, въ ту мѣру спокойны быть могутъ, какъ станутъ о томъ стараться, дабы имъ себя чистыми, праведными и непорочными учинить. Отъ сего состояния добраго сердца происходитъ то всегдашнее удовольство, которое Евреи миромъ, а Греки веселымъ нравомъ называютъ. Въ немъ положивши благополучие временной жизни, признали они, что этотъ веселой нравъ отъ истиннаго исполнения добродѣтелей, а болѣе всего отъ хранения души своей происходитъ. Еще является сомнѣние о томъ, можноль добродѣтельныхъ людей въ то время щастливыми назвать, когда они въ тѣлесную болѣзнь, также въ великую нужду и бѣду придутъ, какъ сие на свѣтѣ весьма часто случается? Чѣмъ больше люди къ тѣлеснымъ благимъ привязались, толь невозможнѣе имъ сие покажется; а что больше они себя и душу свою знаютъ, тѣмъ яснѣе увидятъ, что хотя душевное спокойство внѣшностьми плоти нашей на нѣсколько времени пресѣчено быть и можетъ, однако тѣмъ никогда не искоренится. За тѣмъ - то на сей вопросъ отвѣчать не льзя, Метеллий у Римлянъ, или Регулусъ щастливѣе былъ? Оба они добродѣтельны были. Только по тѣлеснымъ благимъ въ не равныхъ обстоятельствахъ находились. Квинтъ Метеллий Консуломъ,

Ценсоромъ и Гетманомъ бывъ, и великія дѣла учиня, дважды тріумфовалъ. Хотя и Регулусъ Римскаго войска полководцемъ былъ, только на войнѣ полоненъ. Метеллій той радости дожилъ, что трехъ сыновей своихъ Консулами видѣлъ, и одинъ изъ нихъ по отцову примѣру тріумфовалъ. Четвертой его сынъ учиненъ Преторомъ, (судьею) а четыре дочери за знатныхъ мужей выданы. По сему Метеллій всю фамилію при смерти своей въ цвѣтущемъ состояніи оставилъ. Не щастливѣе ли онъ добродѣтельнаго Регулуса былъ, которой съ женою да съ дѣтьми разлучась, и въ тюрьмѣ у Кареагенцовъ сидя, мученически умираетъ? Стоики говорятъ, что Метеллій безщастнѣе Регулуса былъ. Не очень ли философова то будетъ, ежели и намъ съ ними то же сказать? По внѣшнему между Регулусомъ и Метелліемъ великое различіе видно. А ежели о щастіи сихъ мужей по внутреннему ихъ состоянію разсудить, то надобно прежде знать, кто изъ нихъ нравомъ и душею спокойнѣе былъ? Метеллій (какъ видно) при тѣлесныхъ благихъ, къ сему спокойству больше помощи, а Регулусъ при тѣлесныхъ недостаткахъ болѣе помѣшательства въ томъ имѣлъ. Однако исторія объявляетъ, что Регулусъ бѣды свои добровольно терпя веселъ и спокоенъ былъ. По сему видно, что душевное спокойство не во внѣшнихъ тѣла нашего благихъ. Развѣ Регулусъ себя не любилъ? Конечно любилъ, и за тѣмъ больше по желаніямъ души своей поступалъ. Онъ чрезъ сіе не только въ великую нужду пришелъ, но болѣзнь и самую смерть охотно претерпѣлъ, а исполненіемъ должности его успокоилъ душу и совѣсть свою. Развѣ ему того здѣлать не льзя было, ежелибъ Регулусъ въ Римѣ остался? Не возможно, по тому что сей Генералъ присягою обязался къ непріятелямъ своимъ въ Кареагену назадъ пріѣхать. Я эту чудную вѣрность въ содержаніи клятвеннаго обѣщанія очень хвалю, только Регулусъ самъ съ собою въ томъ безъ мѣры жестоко поступилъ, что къ непріятелямъ своимъ на подлинную смерть и на неизбѣжныя муки напрасно возвратился. Позвольте мнѣ напротивъ того васъ спросить: Легчель бы того Регулусъ съ собою поступилъ, ежелибъ нарушеніемъ присяги совѣсть свою возбудивши въ вѣчное безпокойство впалъ? Смотри другъ мой, какой отвѣтъ сердце твое на сей вопросъ мой скажетъ? Изволь же ему и себѣ подлинно въ томъ вѣрить, что человѣкъ поврежденіемъ души и совѣсти своей мира и спокойства душевнаго никогда не получитъ.

15.

Добрая совѣсть.

Я сіе не для стращанія людей, но ради такого искренняго желанія откровенно пишу; ежелибъ люди разумно себя любили, тобъ о душѣ своей и о безцѣнномъ ея спокойствѣ гораздо больше старались. Естественное о семъ увѣреніе толь глубоко въ насъ вкоренено, что и самой Эпикуръ принужденъ былъ сказать. Тому человѣку никакъ спокойну быть не льзя, кто неправдою и недобродѣтельно живетъ. Все наше безпокойство происходитъ отъ чрезъестественнаго движенія сердца, а собливо отъ удаленія души отъ вѣчнаго ея блага, то есть, отъ Бога: да еще отъ тѣхъ на сердцѣ у всякаго человѣка рукою разумной природы написанныхъ правъ, или законовъ, къ которымъ она сама насъ ведетъ, и всегда побуждаетъ. По сему славной въ древности Сенека такую о семъ дѣлѣ правду написалъ: Прямая дорога къ спокойству душевному есть увѣреніе души и свидѣтельство совѣсти нашей въ томъ, что мы кромѣ правды и кромѣ добра ничего худаго не дѣлаемъ. Сіе-то насъ страшитъ, или утѣшаетъ, винитъ, или оправдаетъ, по состоянію нашего согласія съ отступленіемъ отъ вѣчнаго и разумнаго права, то есть, отъ закона естественнаго. Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка творящаго злое: слава же, честь и миръ творящему благое. Для сего-то страждущій Іовъ во всѣхъ бѣдахъ и болѣзняхъ своихъ столь бодръ и терпѣливъ былъ, что чистая совѣсть о всей добродѣтельной жизни его ни малымъ обличеніемъ не обезпокоивала. Воистинну совѣстью шутить не надобно. Она не отъ мнѣнія, не отъ обычая, и не отъ воспитанія приходитъ. Нѣкоторой гордостію ослѣпившій себя статской человѣкъ, весьма ложно сказалъ, будто совѣсть испорченному желудку подобна. Потомъ онъ передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ ему на эшафотѣ голову отсѣкли, въ слухъ всему народу такую о себѣ правду впослѣднее сказалъ: Безмѣрное и пагубное любленіе ложной чести такъ меня ослѣпило, что я ни Бога, ни себя узнать сперва не хотѣлъ, а потомъ уже не могъ. Для того теперь на страшное мѣсто сей праведной мнѣ казни по неволѣ пришедъ. Вся тварь опредѣленному ей теченію порядочно слѣдуетъ. Безумные скоты знаютъ свое время и уставленныя имъ границы. Вся натура тому радуется, чтобы ей теченіе свое предписаннымъ отъ Бога порядкомъ непрерывно продолжать. А раз-

Къ Римляномъ. гла. 7.

разумному созданію (человѣкъ) какъ повелителю и властелину всѣхъ тварей; не должно ли собственнаго порядка, предѣла и такихъ законовъ себѣ имѣть, по которымъ бы ему во всѣхъ дѣлахъ своихъ самому поступать? Льзя ли человѣку что нибудь глупѣе сего здѣлать, когда онъ собственную природу не зная, и дѣйствительно ругаючи, ложно въ себѣ мыслитъ, будто разумному созданію безъ совѣсти пробыть можно. Самое искусство (практика) сему безумному мечтанію споритъ и праведно противится. Мнѣ (издатель книги о себѣ пишетъ) случилось въ такую компанію притти, гдѣ двенатцать человѣкъ французскихъ Офицеровъ сидѣло. По рѣчамъ сихъ господъ могъ я признать, что десятеро изъ нихъ ни Бога, ни добродѣтели не признавали. Одинъ изъ всѣхъ таковъ наглъ и крайне безстыденъ былъ, что почти при всякомъ словѣ и случаѣ добрымъ нравамъ ругался, и за столомъ такъ худыя рѣчи говорилъ, какъ бы въ скверной домъ зашелъ. Все это называлъ онъ галантереею; а кто сего стерпѣть не могъ, про тѣхъ говорилъ, будто они не умѣютъ на свѣтѣ жить. За тѣмъ уже началъ такія ругательства произносить, что хотя товарищи его и Эпикуры были, однако о безстыдствѣ его соблазнившись, въ то время жестокими выговорами сего сквернослова атаковали, какъ мерзской языкъ его до святыни коснулся. Я симъ случаемъ пользуючись, означенному ругателю безбожность его и страхъ наказанія за произнесенныя имъ на божественныя вещи лаятельства не многими, только сильными словами представилъ. Подруги его увѣщаніе мое молчаніемъ своимъ похваливши стали сему безумцу смѣяться. Тутъ увидѣлъ я, что ниодного безсовѣстнаго человѣка на свѣтѣ нѣтъ, а безбожники по неволѣ чувствовать принуждены, что право, или не право. Чтожъ они сему полезному и внутренному чувствованію не послѣдуютъ, но оное жестокостью страстей своихъ погасить стараются: то сіе хотя и нещастье ихъ, только на то отнюдь не доказательство, будто въ человѣкѣ совѣсти нѣтъ. Сей внутренній и тайной свидѣтель всегда въ насъ живучи, всюду съ нами ходитъ. Для сей причины человѣкъ только въ тѣ поры спокоенъ, когда совѣсть дѣла его похвалитъ. Добрая совѣсть отъ добрыхъ мыслей и отъ благихъ дѣлъ происходитъ. Добрыя мысли отвращаютъ заблужденіе, а благими дѣлами прогоняются дѣла злыя. Но обое совокупно спокойство наше тогда сильно поспѣшествуютъ, когда человѣкъ не мечтамъ и не желаніямъ чувствъ своихъ, не страстямъ, или упрямству, но одному тихому свидѣтельству вну-

внутри обновляемаго человѣка добрымъ произволенïемъ повинуется, а здравому разуму всегда послѣдуетъ. Напоминанïе добрыхъ дѣлъ имѣетъ во устахъ своихъ медъ, а въ чувствительныхъ язвахъ бѣдъ и печалей человѣческихъ подобно цѣлительной мази и живучему пластырю на эти раны наши. Для сей причины всякому человѣку должно съ великимъ прилѣжанïемъ того смотрѣть, дабы сïю крѣпкую подпору и жезлъ старости, а именно добрую совѣсть, своевольствомъ и худыми дѣлами въ молодости своей не переломить. Веселïе нрава и сердца человѣческаго, (по слову Соломонову) происходитъ отъ добрыхъ дѣлъ. Римской Цесарь Маркъ Аврелïй написалъ: Почто мнѣ самому себя крушить, когда я никого умышленно не опечалилъ? Кто симъ душевнымъ спокойствомъ во временной жизни не наслаждается, тотъ при смерти своей конечно мучиться будетъ. Тогда уже спящая собака (худая совѣсть) просыпаючись лаять, а душу въ человѣкѣ ежеминутнымъ напоминанïемъ учиненнаго зла безпрестанно кусать начнетъ. Знатные въ Исторïи люди Мициллъ, да Мегапентъ разными способы жили, и различную смерть имѣли. Одинъ изъ нихъ того душевнаго спокойства во всю жизнь свою не имѣлъ, которое отъ добрыхъ дѣлъ родится: а какъ смерть къ нему пришла, то онъ напоминанïемъ злыхъ дѣлъ своихъ такъ сильно и неослабно мучился, что никакïя забавы глубокой печали его разсыпать не могли. Мегапентъ въ этомъ тяжкомъ унынïи, по долговременной, тѣломъ душею и совѣстью мукѣ съ несказанною горестью умираетъ. Вопреки сему бѣдной только добродѣтельной Мицилъ жизнь свою съ простотою сердца и съ веселïемъ духа проводя, приближающейся кончины въ кротости ждетъ. Ни домъ, ни богатство, ни жена съ дѣтьми, ни честь, ни знатное достоинство въ этой прискорбной и маловременной жизни отнюдь его не удерживаетъ, а прïятное напоминанïе добрыхъ дѣлъ будущею жизнïю ни мало его не страшитъ. Добросовѣстной Мицилъ на приближающïйся конецъ свой спокойнымъ окомъ смотря, душею о томъ радуется, что суетной, прелестной и грѣшной свѣтъ сей на Елисейскïя поля, то есть, на вѣчное блаженство скоро промѣняетъ. Древнïй Историкъ Лукïянъ житье и смерть сихъ язычниковъ пространно описалъ, а мы сей примѣръ для того сюда внесли, дабы Христïяне у язычниковъ научились доброй совѣсти отнюдь не презирать. Она истинной престолъ и божественной голосъ страшнаго Судïи въ сердцѣ человѣческомъ. Она передъ глаза человѣку днемъ и ночью это ставитъ, когда дѣла и помышленïя наши по

насъ, или противъ насъ свидѣтельствуютъ. По разумной ли мы природѣ живемъ и дѣлаемъ? Или отъ человѣчества удалясь безумнымъ скотамъ уподобились? Ежели совѣсть въ послѣднемъ насъ обвинитъ, то отъ сего обличенія такой стыдъ родится, что человѣкъ и за неволю безпокойнымъ быть принужденъ. А буде первое найдется, то слѣдуетъ внутренняя радость о томъ, что человѣкъ правду здѣлалъ. За тѣмъ придетъ въ сердце наше радость о исправности въ дѣлахъ, и о томъ согласіи, въ которомъ разумное созданіе со всею умною тварью живетъ. Сіе душевное спокойство происходитъ отъ того, что человѣкъ столько праведнаго и добраго здѣлалъ, сколько въ его силѣ и возможности было. Богу подобающую любовь и должность отдалъ. Себя ни чѣмъ не обругалъ и не обезпокоилъ. Умной природы своей ни безумною, ни развращенною не здѣлалъ, а страстямъ своимъ надъ здравымъ разумомъ ни воли, ни власти не далъ. Ума своего злыми помышленіями не затмѣнялъ, а волѣ своей ложными стяжаніями прельщаться не допускалъ, но совѣсть и сердце истинными благими увеселять старался. Всякую вещь по ея прямому достоинству цѣнилъ, а людямъ должную любовь и услугу казалъ. Симъ-то способомъ всякъ свое получилъ. Естеству долгъ заплаченъ, а человѣкъ веселъ, радостенъ и спокоенъ остался. Буде же насъ прилипчивой (удобь обстоятельной) грѣхъ въ совершенствѣ недостаточными, а погибель нашу безмѣрно чувствительною намъ творитъ, то имѣемъ Спасителя и столь великаго о насъ Ходатая къ Богу и Отцу своему; а Онъ Христосъ Господь нашъ грѣхи всего міра въ пречистой и святѣйшей крови своей омылъ. О семъ въ Христіянскихъ утѣшеніяхъ пространнѣе объявится, а теперь намъ до одного естественнаго человѣка дѣло. Понеже онъ съ несказанно великою охотою спокоенъ быть желаетъ, то къ сему душевному спокойству сообщимъ ему слѣдующее пятеричное руководство: 1. знать себя; 2. разумной природѣ послѣдовать; 3. смотря по времени поступать; 4. во всемъ мѣру знать, а 5. всего себя Богу предать.

16.

Страхъ Божій.

Сіе-то есть по разумной природѣ жить, а доброй совѣсти во всемъ послѣдовать. Любить себя разумно, и тѣмъ человѣку до-

довольну быть, что на него по волѣ и по судьбѣ Божїей придетъ. О нѣкоторыхъ изъ сихъ вещей предъ симъ упомянуто, а теперь прежде то разсудимъ, что еще язычники при лунномъ сїянїи или при свѣчѣ умнаго естества увидѣли, какъ нужно всякому человѣку прилѣжное напоминанїе Всемогущаго Бога, и коль необходимо искренное ему служенїе съ молитвою. Вопервыхъ на охраненїе, а потомъ на успокоенїе души нашей. Пиѳагоръ, Платонъ, Иероклъ, и лучшїе изъ древнѣйшыхъ философовъ многаго умомъ своимъ постигнуть не могши опредѣлили все уму человѣческому непостижное Божїей мудрости предать. Разумнѣйшїе философы такъ сказали: Человѣкъ до тѣхъ поръ совершеннаго спокойства получить не можетъ, пока себя въ волю Божїю совершенно не вручитъ, по слову Iовлю. Господь даде, Господь и взятъ? буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Хотя сей праведной многострадалецъ родомъ не отъ Евреевъ, а вѣрою не Христїянинъ былъ, однако чуднымъ а Богу угоднѣйшимъ страданїемъ своимъ не только Iудеевъ, но многихъ Христїянъ превзошелъ. Ежели мы умны быть хотимъ, (пишетъ Эпикуръ) то кромѣ хваленїя Богу ничего дѣлать не станемъ. Намъ при каждомъ дѣлѣ и у всякой работы своей надобно такъ говорить: Слава Богу, давшему мнѣ руки здоровыя и члены на работу, сонъ на упокоенїе тѣлесной немощи, гортань на пѣнїе, а языкъ на прославленїе неисчетныхъ Бога нашего милостей къ роду человѣческому. Чрезъ сїе и другихъ людей къ хвалѣ Божїей ободрять потщимся. Сїя разумная кротость весьма крѣпкой фундаментъ и непоколебимое основанїе спокойства душевнаго. Она какъ чрезъ всю жизнь, такъ и при самой смерти человѣка душу всякаго Христїянина въ совершенное повиновенїе Богу и святой Его волѣ доброхотно приводитъ. Въ темницѣ сидѣвшїй Сократъ другу своему Критону сказалъ: Что бы мнѣ милой другъ, по волѣ Божїей ни здѣлалось, тѣмъ я желаю и долженъ всѣмъ доволенъ быть. Хотя Анитъ съ Мелитомъ тѣло мое умертвить и могутъ, только души моей убить, а безсмертнаго духа смерти предать оба они не въ состоянїи. Сколь отъ великихъ и премногихъ печалей избавляетъ насъ сїя кротость въ злополучїи нашемъ, и какъ великою мѣрою усугубляетъ спокойство наше въ благополучїи, того языкъ человѣческой изрещи, а слабое перо описать не можетъ. Любовь и радость, суть истинныя дѣйства и первые плоды страха Божїя. Мы ясно видимъ и праведно удивляемся премудрости Божїей, во святыхъ и страшныхъ дѣлахъ Его. Любимъ и всеголж-

должно почитаемъ Бога. Молимся Ему, съ радостнымъ извѣщанїемъ тѣхъ его премногихъ щедротъ и милостей, которыя Богъ съ нами учинить благоволилъ. Все, на что мы ни взглянемъ, то побуждаетъ насъ къ хвалѣ и прославленїю Творца, когда мы Его искренно любимъ и боимся. Настоящее и будущее наполняетъ души боящихся Господа спокойствомъ и надеждою. Они посмотря на землю, радуются нынѣшнему жилищу своему. Возведши очи къ небеси, веселятся о томъ преславномъ и безсмертномъ чертогѣ своемъ, которой отъ Бога всѣмъ любящимъ Его отъ сложенїя мїра уготованъ. Взглянувъ на бѣдное тѣло свое, утѣшаются тѣмъ, что нужды его день за день умаляются. Или о томъ веселятся, что сїя земная храмина сподобилась быть жилищемъ безсмертнаго Духа Божїя. Они душу свою безпрестанно помня, ни чѣмъ не оскверняютъ. Хотя и бѣдны, однако тѣмъ довольствуются, что ни великой нужды, ни дальней печали не имѣютъ. Ежели богаты, то всякому изъ тѣхъ случаевъ радуются, въ которомъ Богъ возможность имъ далъ, отъ имѣнїя своего ближнему добро дѣлать, а требующимъ помогать. Сколько изряднаго въ свѣтѣ не увидятъ, столь много ободренїя къ любви и хвалѣ Божїей въ сердцѣ своемъ чувствуютъ. Ежели на нихъ скорбь, или бѣда придетъ, то всегдашнїй запасъ утѣшенїя и крѣпкой на Бога надежды имѣютъ. Всякой изъ нихъ такъ говоритъ: Славлю и хвалю Господа Бога моего о томъ, что Онъ мнѣ бѣды и напасти мои терпѣть помогаетъ. Свѣтъ сей премудрымъ правленїемъ своимъ чувствительнымъ мнѣ творитъ, а пользу съ благополучїемъ моимъ разными нещастїи человѣколюбно поспѣшествуетъ. Хвалю и благодарю Бога моего о томъ, что я не слѣпъ, не хромъ, не безуменъ, не въ тюрьмѣ и не въ плѣнѣ, да на совершенной свободѣ, цѣлъ и совсѣмъ здоровъ. А понеже страхъ Божїй начало всякой премудрости, то при начатїи сего разсужденїя помолимся Царю мира духовнаго и Начальнику спокойства душевнаго, то есть, трїипостасному Богу нашему, дабы Онъ сквозь темноту бѣдъ и напастей нашихъ благимъ, правымъ, святымъ и радостнымъ духомъ своимъ милосердо насъ провелъ. Притомъ одолженною совѣстью и благодарственнымъ сердцемъ полученныя благодѣянїя съ милосердымъ о насъ промысломъ и отеческимъ попеченїемъ Его напомянувши по должности прославимъ. Великой въ римскихъ Царяхъ Императоръ дастъ намъ словъ своихъ въ займы, и радостною своею благодарностью, какъ природнымъ свѣтомъ здраваго разума просвѣщенной язычникъ,

мно-

многихъ въ темнотѣ заблужденія живущихъ, а на свѣтъ истинны взглянуть нехотящихъ Христіянъ безотвѣтно посрамитъ. Благодарю Бога моего, (пишетъ Маркъ Аврелій въ 17 мъ пунктѣ 1 своей книги), что Онъ мнѣ честныхъ родителей даровавши, всѣмъ добрымъ на свѣтѣ обильно меня благословилъ. Богъ же мнѣ ту милость даровалъ, что я ничего противнаго Ему не здѣлалъ, хотя часто и при многихъ случаяхъ склоненъ къ тому былъ. Это я за особливую къ себѣ милость Божію признаваю, что всѣ такіе случаи немедлѣнно исчезали, которые меня къ нещастію привесть могли. Еще Господу моему за то благодареніе приношу, что я въ дальнемъ воспитаніи у наложницы дѣда моего не оставшись, молодыя лѣта свои въ то время, и потомъ непорочно и цѣломудренно прожилъ. Я себѣ такого Монарха во отца получилъ, которой меня отъ всякой гордости и тщеславія излечить, а притомъ мнѣ показать старался, дабы Императору такъ жить, чтобъ ему ни въ караулѣ, ни въ богатомъ платьѣ, ни въ дорогихъ уборахъ, ни во множествѣ свѣчь, ни въ великомъ числѣ служителей нужды не было, но вездѣбъ Цесарю просто и скромно себя вести, толькожъ безъ урону чина и достоинства своего, когда государственная польза, или нужда того потребуетъ, дабы Цесарю себя всей Монархіи своей въ высокомъ лицѣ Римскаго Императора непостыдно показать. Паки Бога моего о томъ благодарю, что Онъ мнѣ такого брата даровалъ, которой меня тому научилъ, чтобы не только себя смотрѣть, но и опасно беречь. Дѣти мои никакого порока на тѣлѣ не имѣя, добронравны были. Воспитавшихъ меня людей, а особливо тѣхъ, которые мнѣ путь къ добродѣтелямъ показывали, въ желаемые ими чины и достоинства охотно производилъ, а за несовершенствомъ лѣтъ ихъ симъ благодѣяніемъ ни мало не медлилъ. Яжъ еще старался то узнавать, какъ бы мнѣ лучше, а съ разумною натурою сходнѣе жить. И такъ не отъ недостатка ея помощи, или просвѣщенія то дѣлалось, что я временемъ отъ такого житья удалялся, но моя въ томъ собственная вина была, что не по ея велѣнію и правиламъ жилъ; а отъ того иногда происходило, что я заповѣдямъ Божіимъ не слѣдовалъ, и Его святому ученію не повиновался. Я же безмѣрной благости Божіей сіе приписываю, что многими болѣзньми одержимое тѣло мое столько трудовъ въ жизни своей снести могло. Хотя я на учителя моего Рустика за грубость его часто серживался, однако никогда того не дѣлывалъ, чего бы мнѣ потомъ жаль было. О томъ еще Бога хвалю, что хотя мать

 моя

моя вѣ малодыхѣ лѣтахѣ, однако у меня вѣ домѣ скончалась. И за то Бога славлю, когда я хотѣлѣ бѣднаго человѣка наградить, то никто мнѣ того не сказалѣ что нѣчемѣ. А самаго меня никогда до такой нужды Богѣ не допускалѣ, чтобы мнѣ у другихѣ людей милости, или помощи просить. Что у меня покорная и услужная жена, которая меня любитѣ, а вѣ своемѣ поведенiи проста и не лукава. Что я дѣтямѣ моимѣ искусныхѣ и добродѣтельныхѣ учителей нашелѣ. Не за меньшiй знакѣ Божiя кѣ себѣ милости сiе почитаю, что Онѣ мнѣ во многихѣ снахѣ отѣ болѣзней моихѣ лекарства открылѣ, а особливо отѣ обмороковѣ, также отѣ хожденiя крови ртомѣ и носомѣ, какѣ то надо мною вѣ Гаэтѣ и вѣ другихѣ мѣстахѣ бывало. И то Егожѣ Божiя ко мнѣ милость, что я, по великой своей охотѣ кѣ философiи, не попался вѣ руки Софистамѣ. Книгѣ ихѣ не читалѣ, хитросплѣтенныхѣ гаданiй не зналѣ, а во всю философiю, да еще вѣ Астрологiю выше мѣры не углубился. Все сiе называю я великою милостiю и благословенiемѣ Всещедраго Бога. Писано вѣ лагерѣ противѣ Квадовѣ, у рѣки Грануа.

17.

Воздержанiе страстей.

Подлинно вѣ лагерѣ противѣ Квадовѣ, или на войнѣ противѣ непрiятелей, то есть, противу страстей и злыхѣ вожделѣнiй нашихѣ. Они-то нарушаютѣ мирѣ нашѣ, отвлекаютѣ насѣ отѣ Бога, и отнимая страхѣ Господень, лишаютѣ человѣка истинной радости, ежели онѣ ихѣ здравымѣ разумомѣ заблаговременно не побѣдитѣ. Другiе народы зовутѣ ихѣ похотьми, а на Еврейскомѣ языкѣ есть такое слово, которое страсти сѣ прихотьми основанiемѣ всему безпокойству и коренемѣ всякому злу по тому именуетѣ, что отѣ прихотей всѣ страсти родятся. Для чего одинѣ человѣкѣ враждуетѣ, завидуетѣ, жалуется, тужитѣ, ревнуетѣ, злобится и всѣмѣ не доволенѣ? Для того, что злаго желанiя своего исполнить не можетѣ. А чего ради другой всѣмѣ доволенѣ, спокоенѣ, тихѣ и кротокѣ? Того ради, что страсти свои воздерживаетѣ. О томѣ уже выше сего сказано, что непорядочныя вожделѣнiя, какѣ злыя дѣти пагубнаго грѣха, всю человѣческую жизнь вѣ великое смятенiе приводятѣ. А теперь то обьявимѣ, какѣ страсти сѣ вожделѣнiями здравымѣ разумомѣ вѣ такой порядокѣ приводить, чтобѣ бѣдная душа наша сколько ей возможно мирѣ и спокойство вѣ дому тѣла своего имѣла. Тихiе

вѣтры ко очищенїю воздуха весьма надобны; буде же они въ жестокую бурю обратятся, то все ломая опровергаютъ. Страсти въ человѣкѣ точно подобны вѣтрамъ на землѣ. Эти тѣлесные наши вѣтры всю кровь въ человѣкѣ для того движутъ, чтобъ она застоявшись не испортилась; а кой часъ выше мѣры усилятся, то во всемъ человѣкѣ великїя бури и страшныя опустошенїя дѣлаютъ. Природа человѣку къ собственному храненїю и содержанїю себя даровала четыре главныя страсти, которыя изъ двухъ разныхъ источниковъ выходятъ, то есть, изъ любви да изъ ненависти. Первыя движенїя раздѣляются на четыре главныя рѣки: 1. радость; 2. печаль; 3. забава; а 4 болѣзнь. Отъ сихъ главныхъ тѣ другїя страсти пошли, которыя по близости любимаго блага, или по отдаленїю ненавидимаго зла иногда сильнѣйшїя, а временемъ легчайшїя дѣйства съ именами получаютъ. Я сего многочисленнаго войска на смотръ выводить не намѣренъ, да только хочу сїе показать, какъ это полчище въ границы приведши помалу преодолѣвать. Разумная и благая природа на обузданїе сихъ бѣшеныхъ лошадей даровала намъ два крѣпкихъ муштука, а именно: совѣсть и страхъ Божїй. Страсти (къ великому удивленїю) всѣ таковы, что одна другую прогонять можетъ. Естественной или плотской человѣкъ ту великую помощь къ спокойству внутрь себя имѣетъ, что любовь одолѣваетъ ненависть, радость прогоняетъ печаль, и желанїе чести побѣждаетъ роскоши съ прихотьми и вожделѣнїями. Когда эти страсти жестоки и неудержимы станутъ, то одна посредствомъ болѣзни должна другую наказывать. Страхъ данъ намъ отъ Бога и отъ природы въ жестокаго наказателя всѣмъ страстямъ. Противу сихъ душевныхъ бунтовщиковъ языческое нравоученїе представляетъ намъ двѣ мудрыя и весьма важныя книги: Одну о воздержанїи, а другую о благопристойности. По сему ни Турокъ, не Персїянинъ того говорить не долженъ, будто ему страстей своихъ воздержать не льзя. Кто ему попротивится, тотъ принудитъ меня не только дѣлами многихъ злыхъ людей то доказывать, какъ они страсть страстью весьма хитро побѣждать умѣютъ, да еще приневолятъ меня показать въ примѣръ имъ искусную собаку, которая обучена голодъ свой такъ воздерживать, что передъ брошеными ей съѣстными вещьми легши, до тѣхъ поръ ихъ не торгала, пока хозяинъ къ ней пришедши лежащее передъ нею съѣсть приказалъ. Воздержанїе страстей зависитъ наиболѣе отъ прилѣжнаго разсмотренїя и глубокаго примѣчанїя ихъ. Потомъ отъ

истиннаго и твердаго намѣренія о супротивленіи имъ, за тѣмъ отъ пріобыкновенія къ тому, а наконецъ отъ силы и помощи Божія. Примѣчаніе страстей съ крѣпкимъ намѣреніемъ, чтобы имъ противиться, и за обыкновеніе къ тому всякому человѣку возможно, а благодать и помощь Божія ни одному просящему не отказана. Сей трудъ такъ важенъ, что объ немъ и дважды упомянуть не много. Я это поставлю на пробу словами тогожъ безпримѣрнаго Императора, которой хотя и не очень красиво писалъ, только всегда правду дѣлалъ. Старайся о томъ, (пишетъ Маркъ Аврелій въ 26 пунктѣ 5 книги своей) чтобъ лучшая часть самаго тебя (душа) ко всякимъ тѣлеснымъ озлобленіямъ нечувствительна была, хотябъ они пріятными или болѣзненными тебѣ казались. Смотри того, чтобы душа съ тѣломъ не мѣшалась, чтобъ онѣ изъ предѣловъ своихъ отнюдь не выходили, а въ ту сторону никогда ихъ не пускай, гдѣ прихоти твои воюютъ. Буде же страсти по близкому соединенію души съ тѣломъ тайною силою до духа продерутся, то хотя ты естественной чувственности ихъ совершенно противиться и не можешь, однако всею силою тому препятствуй, чтобъ душа твоя того не мыслила, будто такія чувственности злы, или добры. Дальнее руководство къ сему дражайшему труду подастъ намъ тотъ же великой Императоръ (въ 3 пунктѣ четвертой своей книги) слѣдующими словами: Не вольно ли тебѣ на всякой часъ самому въ себя приходить? Нѣтъ того уединенія лучше и любезнѣе, которое человѣкъ въ душѣ своей находитъ, ежели въ ней довольное руководство къ миру и къ спокойству душевному есть. Спокойствомъ называю я доброй порядокъ и твердое состояніе души. Ходи же, другъ моей, въ сію прекрасную пустыню чаще. Обновляйся въ ней, отдыхай, и какъ можно молодѣй. Всегда при себѣ держи не большое число такихъ короткихъ правилъ, корыми бы ты всѣ свои печали прогнать, а противъ всякихъ случаевъ и припадковъ крѣпко вооружаться могъ. О чемъ бы тебѣ гнѣваться, и за чтобъ на свѣтѣ сердиться? Ежели на злость человѣческую, такъ вспомни сію правду, что одинъ человѣкъ на услугу и на пользу другому рожденъ. Самая (по тому) справедливость сего требуетъ, чтобъ одному недостатки съ пороками другаго терпѣливо сносить. Вѣдаешь ли, что они по неволѣ грѣшатъ? Узнавши сіе престанешь себя мучить, когда вспомня разсудишь, сколько тѣхъ людей до сего времени померло и въ пепелъ обратилось, которые на свѣтѣ живши съ другими людьми ве-

великую вражду и непримиримую ссору имѣли? То ли тебя озлобляетъ, что по порядку всеобщей натуры дѣлается? Представь себѣ тогожъ часа сїе правило въ память. Провидѣнїе ли Божїе в сь свѣтъ управляетъ, или все по случаю дѣлается? Ту же минуту увидя несумѣнно повѣришь, что (воистинну) промыслъ Всемогущаго цѣлой свѣтъ сей непостижно правитъ, и онымъ всесильно владѣетъ. Болѣзниль тѣлу твоему докучаютъ? Напомни себѣ то, когда душа твердо съ силою зберется и крѣпость свою подлинно услышитъ, то она съ тѣмъ жизненнымъ въ человѣкѣ духомъ отнюдь не смѣшается, которой отъ болѣзней мученїе, а отъ роскошей подстреканїе терпитъ. Къ сему все то прибавь, что тебѣ люди про эти обѣ страсти сказывали. Еще того не забудь, что ты въ книгахъ читалъ, или самъ на дѣлѣ (въ практикѣ) видѣвши за сущую правду призналъ. Развѣ тебя любленїе чести побуждаетъ? По думай, съ какою скоростью все на свѣтѣ въ забвенїе приходитъ! Представь себѣ въ мысль непостижимую и неизмѣримую бездну до тебя бывшаго и по тебѣ будущаго времени. Разсуди суету хвалы человѣческой. Подумай о неразумїи съ непостоянствомъ народа, которой только думаетъ, будто онъ тебя хвалитъ, а самъ того не знаетъ, за что прямо человѣка хвалитъ, и для чего хулитъ? Разсмотри узкость того мѣста, которое твою похвалу въ себѣ заключаетъ. Сколько тѣхъ языковъ, кои тебя хвалятъ, и что они за люди? Тебѣ больше сего дѣла не осталось, какъ только въ себя пришедши посреди объявленнаго предъ симъ жилища твоего спокойно жить, прежде всего перестань себя мучить и запирать. Будь свободенъ. На все свѣтское такъ смотри, какъ крѣпкому и совершенному мужу, какъ доброму гражданину и смерти подверженному человѣку надлежитъ и благопристойно есть. Между всѣми правилами сихъ двухъ пунктовъ не забудь: 1. Никакая вещь души человѣческой сама собою не трогаетъ, но все ея состоянїе неподвижно пребываетъ. О чемъ мы безпокойство чувствуемъ, то приходитъ отъ онаго мнѣнїя, съ которымъ человѣкъ объ этой вещи разсуждаетъ. 2. Все видимое тобою во мгновенїе ока такъ перемѣнится, что уже его никогда больше не будетъ. Для подлиннаго о семъ увѣренїя подумай, сколько уже ты такихъ перемѣнъ на свѣтѣ своими глазами видалъ? Весь свѣтъ всегдашняя перемѣна, а жизнь наша одно привидѣнїе. Но понеже между сими суетными пестротами ни глазъ человѣческой глядѣнїемъ, ни ухо слышанїемъ никогда не насыщается, а побужденїе прихотей ни на одинъ день

не перестаетъ; тобъ мы всеконечно пропали, ежелибы симъ ложнымъ свѣтиламъ послѣдовали. Чтожъ намъ дѣлать, дабы спокойнымъ быть? Заранѣе привыкать къ возможному сопротивленію страстямъ опять нашимъ. Данное отъ Эпиктета къ сему важному дѣлу руководство изъ самой практики взято, а состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: Обычай, (говоритъ сей философъ) обычаемъ побѣждается. Дѣломъ исполненныя вожделѣнія глубокія раны въ сердце человѣческое водружаютъ. Хотя ты эти язвы и залечишь, однако отъ нихъ такія пятна остаются, которыя и прихотямъ скоро загноиться могутъ, ежели за ними прилѣжно смотрѣть не станешь. Ежели ты ко гнѣву сроденъ, или по привычкѣ склоненъ, то всего и прилѣжно того берегись, что сію страсть возбуждаетъ. Утиши себя на малое время, и сочти, сколько дней ты не сердился? Ты по своему нраву ежедневно сердиться обыкъ; а буде два, или три дни ни за что не злобился, то уже подлинной знакъ, что гнѣвъ твой убываетъ. Ежели увидишь, что сего гнѣва съ яростью цѣлую недѣлю у тебя не было, то сходивши въ церковь за сію Творца твоего милость усердно поблагодари. Сего дня я ни о чемъ не печалился, и завтра тужить не стану. А что какъ я недѣль пять шесть съ ряду то же дѣлать начну, не лучшель мнѣ прежняго будетъ? Вчера видѣлъ я красавицу, только не подумалъ, и сего слова не сказалъ: щастливъ томъ человѣкъ, кто сею красотою владѣетъ. Она меня также манивши прельщала, какъ Пентефріева жена Іосифа. Только и я власно какъ сей цѣломудренной праотецъ, Бога побоявшись, отъ этой безстыдницы удалился. Ежели ты въ себѣ спокоенъ, а Богу пріятенъ быть желаешь, то потщись (томъ же Эпиктетъ пишетъ) предъ Богомъ и предъ самимъ собою чистъ быть. философъ Платонъ прихотливымъ людямъ велитъ молиться. Царь Каллимахъ совѣтовалъ имъ прилѣжно работать, воздержно жить, всегда о себѣ думать, и часто смерть помнить. Истинное о исправленіи своемъ намѣреніе, ежедневное въ трудѣ и въ добродѣтеляхъ за обыкновеніе подъ благословеніемъ Божіимъ сильнѣйшую къ сему великому дѣлу помощь подать можетъ. Много такихъ людей видано, которые отъ жестокой склонности къ роскошамъ долговременнымъ воздержаніемъ почти совершенно отъ нихъ отвыкли, а начало сему великому дѣлу прилѣжною молитвою и ежедневными трудами учинили. Вся сила въ томъ, дабы человѣку Бога прилѣжно помнить, а себя обстоятельно знать. Совершенное руководство на укрощеніе стра-

стей съ похотьми подаетъ намъ Израильской царь Асафъ. Сей добродѣтельный Монархъ природное наше честолюбiе, зависть, сребролюбiе, склонность къ роскошамъ и ревность о временномъ процвѣтанiи беззаконниковъ въ семдесятъ второмъ псалмѣ пространно описалъ, а мы изъ онаго псалма по приличности къ нашему дѣлу слѣдующiя слова его возмемъ: Яко разжеся сердце мое, и утроба моя измѣнишася, и азъ уничиженъ быхъ и не разумѣхъ. Скотенъ быхъ у тебе, и азъ выну съ тобою. Удержалъ еси руку десную мою, и совѣтомъ твоимъ наставилъ мя еси, и со славою воспрiялъ мя еси. Смиреннымъ признанiемъ немощей своихъ и прошенiемъ у Бога помощи такъ укрѣпился, что весь свѣтъ не надобенъ ему сталъ. Что бо ми есть на небеси, и отъ тебе что восхотѣхъ на земли? Кротость душевная отъ того происходитъ, что душа въ добродѣтельной волѣ своей возвысившись, а всю земную тлѣнность узнавши, обще съ Соломономъ скажетъ. Вся суть суета, и изволенiе духа (прихоть.) Для сего-то языческiе учители великодушiе съ мужествомъ за толь важную добродѣтель почли, которая духъ и сердце у человѣка выше всего тлѣннаго возводя, а душу утѣшая, спокойною творитъ. Сiя добродѣтель утверждается на праведномъ познанiи вещей и цѣны ихъ. Еще на потерянiи малаго ради прiобрѣтенiя большаго добра. Она зачинается бодрымъ намѣренiемъ, а совершается постоянствомъ. Мужество побѣждаетъ двухъ соперниковъ своихъ, а именно: дряхлость и страхъ. Ежели человѣку честолюбiя своего на зло не употреблять, то оное же мужество чрезъ отверженiе всякихъ суетъ и тлѣнностей великой мiръ въ душѣ человѣческой причиняетъ и происходить долженствуетъ. Такiе способы давали языческiе философы своимъ ученикамъ, дабы они исполненiемъ философскаго ученiя въ себѣ спокойны были, а дорогу къ высочайшему спокойству души надлежало преодолѣнiемъ страстей приуготовлять. Для сей причины Пиѳагоровы ученики прежде того спать не ложились, пока сами въ себѣ такого разсмотренiя не учинили, какъ много они чрезъ весь день страстей своихъ укротивши побѣдили. Чѣмъ больше сего здѣлали, тѣмъ ближайшими себя къ великодушiю и къ душевному спокойству почитали. Здѣсь никакихъ законовъ на сiе важное дѣло не предписывается; но кто бы опамятовавшись разсудить не похотѣлъ, въ чемъ прямая должность тѣхъ истинныхъ Христiянъ заключается, кои отрицанiе всего свѣтскаго за основанiе всему званiю своему почитаютъ?

Объ этомъ во второй части сей книги пространнѣе объявится, а теперь надобно о томъ подумать, праведноль мы того человѣка слѣпымъ почитаемъ, кто образа случаевъ и состоянія приключеній своихъ видѣть, чувствовать и узнать не можетъ? А тѣмъ людямъ какое уже имя дать, кто эти случаи и вещи не тѣми и не такими признаваетъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ? развѣ тотъ премудръ, кто самъ себя обманываетъ, а такой человѣкъ великодушенъ, кто взбѣсился? Тотъ уже конечно человѣчество забылъ, кто слѣпымъ страстямъ своимъ скотски послѣдуетъ, и безъ малѣйшаго супротивленія имъ повинуется. Все наше преимущество въ томъ заключено, чтобы человѣкъ въ дѣлахъ своихъ разумно поступалъ, а тому бы какъ главнѣйшему врагу своему противился, кто, или что дражайшее сокровище наше, то есть, душевное спокойство отнять у насъ похочетъ. Съ какимъ прилѣжаніемъ золотыхъ и серебреныхъ дѣлъ мастеръ къ дѣлу своему надобные металлы пробуючи высоту доброты ихъ узнаваетъ, съ такимъ же раченіемъ и мы опасаючись того, чтобъ наружный видъ насъ не прельстилъ, отворя очи разума нашего, посмотримъ безпристрастно существа и состоянія всякихъ вещей на свѣтѣ.

18.

Какъ человѣку мнѣніе свое въ порядокъ приводить.

За симъ безпристрастнымъ разсмотреніемъ всякой вещи должны мы мнѣніе свое такъ обязовать, дабы оно всякую вещь такъ намъ казало, какова эта вещь въ самомъ дѣлѣ и въ состояніи своемъ подлинно есть. При такомъ случаѣ отъ правды и отъ мудрости сіе зависитъ, чтобы человѣку не обмануться и ни чѣмъ себя не прельстить. Правда намъ сказываетъ, какая это вещь. Мудрость объявляетъ, къ чему эта вещь способна, а ты своему мечтанію на подобіе такого адвоката (стряпчей) отнюдь воли не давай, которой и доброе хулитъ, и худое хвалитъ. Неправедное мнѣніе подобно такой волшебницѣ, которая умъ человѣческой толь сильно ослѣпить можетъ, что онъ добра и зла не распознаетъ. Между ложью и правдою такое различіе, какъ между землею и между небомъ. Ложь утверждается на вожделѣніяхъ, на мечтахъ, на зломъ обычаѣ и на прелестной модѣ, а дерзость съ любопытствомъ въ товарищахъ у лжи. Правда (напротивъ того) имѣетъ твердое въ себѣ основаніе Бога, всю тварь, разумъ, вѣчное право и добрую совѣсть. Ложь безстыдна,

а

а правда скромна. Ложь жестока, только безсильна, а правда тиха, но притомъ могущественна. Ложь прельщаетъ на лица зрѣнїемъ, а правда побѣждаетъ тайною силою Божїею. Ложь ослѣпляя насъ обманываетъ, а правда просвѣщая увѣряетъ. Но понеже ложь со злымъ примѣромъ такъ обманчива, что ложное праведнымъ, а злое добрымъ кажетъ: то къ сему дѣлу такое раченїе приложить должно, дабы мечта съ воображенїемъ такъ неправеднаго мнѣнїя въ насъ не родила, которое всему состоянїю и свойству вещей совсѣмъ противно. Отъ воображенїя родится мнѣнїе, а отъ мнѣнїя текущїя мысли всю человѣческую жизнь управляютъ. Многїе ко лжи привыкшїе люди весьма напрасно думаютъ, будто они все и всегда правду говорятъ. По сему видна жестокая сила мечтанїя ихъ. Горячкою лежавшимъ людямъ такая мечта въ голову вселилась, будто они умерли, а потомъ оздоровѣвши нѣсколько лѣтъ жили. Для сихъ причинъ всею силою берегись, дабы тебѣ того за доброе не признавать, что вожделѣнїе съ мечтою мыслямъ твоимъ хвалитъ. Обманъ никогда бы на свѣтъ не пришелъ, ежелибъ человѣческое мнѣнїе сїю ложь подобїемъ правды какъ покрываломъ не одѣвало. А понеже мнѣнїе чувствами поощряется, то всѣ его представленїя жестокостью и жаромъ наполнены. За тѣмъ-то сїе мнѣнїе душѣ нашей также не покаряется, какъ движенїе внѣшнихъ членовъ, но жестокимъ стремленїемъ своимъ тихости разума сопротивляючись, всегда того ищетъ, какъ бы сего Царя въ головѣ съ престола его свергнуть, а самому бы мнѣнїю съ суетою да съ ложью соединясь на сей престолъ взойти. Буде сїе (по нещастїю) здѣлается, то ложное мнѣнїе всю человѣческую жизнь безумно затвердѣлыми мыслями, мечтою, ложнымъ страхомъ, суетнымъ желанїемъ и тщетною надеждою сильно мучить станетъ, по примѣру той Галанки, которой непрестанно казалось, будто она такъ обворожена, что сосѣдки во всѣ окна и отвсюда на нее смотрятъ, кудабъ отъ нихъ не пряталась. Въ другой части сей книги пространнѣе объявится, что такое состоянїе темнымъ духамъ способъ къ тому подаетъ, чтобы человѣка различными искушенїями да мечтами мучить, а теперь должно намъ отъ прелестей ложнаго мнѣнїя и мечты сими правилами укрѣпиться: 1. Отнюдь къ тому не привыкай, чтобы тебѣ по одному виду правды, но къ тому нравъ свой прїучай, дабы всегда по сущей истиннѣ, и по длинному состоянїю дѣла и вещи обо всемъ безпристрастно разсуждать. 2. Ничего не люби и не по-

почитай, кромѣ такого истиннаго блага, которому собственная твоя совѣсть и другихъ людей печальная практика (искусство дѣломъ) ни въ чемъ не споритъ и прекословить не можетъ. 3 Неправеднаго отнюдь за полезное не признавай, и добрымъ не зови. 4. Понеже природа наша грѣхопаденіемъ къ тѣлесному прильнувши, естественную въ человѣкѣ къ тому склонность сильно умножила, то такое благо всегда подозрительнымъ тебѣ да будетъ, котораго твои чувства безмѣрно желаютъ. 5. О верьховномъ твоемъ добрѣ по самой лучшей части самаго тебя (душа) здраво и праведно разсуждай, а исправленіе души своей выше всѣхъ тѣлесныхъ дѣлъ твоихъ почитай. 6 Ни общей отъ всего свѣта принятой модѣ, ни затвердѣлому мнѣнію худаго воспитанія, ни злому обычаю, ни суетъ съ мечтаніемъ, ни ложному мнѣнію отъ исканія истинной пользы души твоей отвращать и удерживать себя не допускай. 7. На супротивленіе мечтѣ и прелестнымъ мыслямъ всѣ свои силы употребляя безпрестанно помни, что конецъ твой отъ часу ближе подходитъ. 8. Все видимое на свѣтѣ такимъ почитай, какъ тебѣ объ немъ при смерти своей разсуждать. Наружной видъ всего, что мы на свѣтѣ не видимъ, занятъ отъ зажженнаго въ человѣкѣ мнѣнія, а безумство симъ ложнымъ видомъ обманъ свой украшаетъ. Оно по всякой день о томъ старается, чтобы лжамъ да неправдамъ накладной и притворной видъ правды придать, а чрезъ сей бы злой способъ все истинное благо съ цѣлаго свѣта согнать. О семъ - то безуміе отъ созданія міра понынѣ ревностное стараніе прилагало, только въ суетныхъ и напрасныхъ трудахъ своихъ желаннаго успѣху имѣть не могло. Главные у безумія помощники смѣльство да наглость, къ этой тяжкой работѣ наняли полуученныхъ дураковъ. Развѣ ты думаешь, что этотъ буйственной трудъ ихъ въ нынѣшнія времена желаемой успѣхъ и благословеніе отъ Бога получитъ? Никакъ: и во вѣки того не будетъ. Богъ и разумная природа ни какими силы и хитростьми опровергнуть себя не допуститъ. Суду судомъ, правдѣ правдою, благу добромъ, а праведнымъ закономъ до скончанія вѣка пребывать должно, хотя бы сто миліоновъ войска собравшись и артиллерію цѣлаго свѣта съ собою привезши, непрестанно ихъ бомбордировали. Злые и безумные нападчики симъ лукавымъ способомъ сами себя скорѣе погубятъ, а безсмертному благу ни малѣйшаго вреда здѣлать не возмогутъ. Льстецы да ласкатели, на конецъ всѣ коварства, хитрости и мудрованія свои проклявши, въ должную честь превѣчной

прав-

правдѣ принуждены будутъ сказать: Тотъ человѣкъ крайній юродъ, кто безуміемъ себя ослѣпивши, не возможное возможнымъ здѣлать подумаетъ. Ежелибы кто пожелалъ настоящее щастіе свое, которымъ человѣкъ превозносится, или печальми погружающее его нещастіе, безъ мечты и безъ ложнаго мнѣнія праведно разсмотрѣть, то бы суета мыслей его слѣдующею истинною философскаго слова ясно открылась. Все состоитъ во мнѣніи. Желающему душу свою въ непрерывномъ спокойствѣ содержать, отнюдь не должно того допускать, дабы мнѣнія съ мысльми его къ случающимся припадкамъ что нибудь такое прибавляло, чего въ нихъ нѣтъ. Напримѣръ: ежели мнѣ скажутъ, что имярекъ меня бранилъ, то я притомъ оставшись, никогда уже не повѣрю, будто мнѣ отъ того подлинное зло здѣлалось. Хотя мечтаніе это мнѣ и внушаетъ, только я ложнаго совѣта его отнюдь не послушаюсь. Другой мнѣ на ухо шепчетъ, облыгаютъ и злословятъ тебя. Это ко мнѣ не прильнетъ, ежели только самъ не подумаю, будто я симъ оболганіемъ, или ругательствомъ подлинно озлобленъ. Сѣмъ же я не стану того допускать, чтобы мечта разума моего не заглушала, а въ душу бы мою того не приводила, что во оную не принадлежитъ. Это здѣлаю я для того, что миръ и спокойство души моей симъ способомъ нарушиться можетъ. Мечтаніе сказываетъ, будто нѣкоторые припадки мнѣ вредны, а очень легко статься можетъ, что мечта по свойству и обыкновенію своему меня обмануть хочетъ, или уже и дѣйствительно прельщаетъ. Я же еще подлинно не знаю, внѣшній или внутренній этотъ припадокъ. Ежели онъ внѣ меня, то ему во внутренности моей дѣлать нѣчего. За чѣмъ мечтанію то въ душу мою приводить, что во оную не принадлежитъ? Буде же припадокъ внутренній, то для чего ему меня безпокоить? Душа сама по себѣ никогда не движется, ежели ее что постороннее не тронетъ. Вода сама собою всегда тиха, ежели вѣтръ или брошеной въ нее камень по неволѣ оную не всколеблетъ. Мечту и воображеніе симъ внутреннимъ вѣтромъ назвать должно. Нетлѣннаго духа никакая тлѣнность не трогаетъ, ежели мечта въ сіе дѣло не вступитъ. Эта суетная посредница щастью и нещастью человѣческому все развращенно совѣтуетъ. Сіе мечтаніе весьма праведно зовутъ волшебнымъ зеркаломъ, которое ложною тѣнью образовательныхъ случаевъ наступившіе человѣку припадки то печальными, то радостными кажетъ для учиненія насъ чувствительными о томъ, что не въ насъ и не наше. Кто не желаетъ

отъ

отъ мечтанія замученъ, или обманутъ быть, тому должно приходъ сей мечты силою разума одержать, или знающихъ людей спросить, стоитъ ли сіе труда, чтобы о знакомыхъ и обикновенныхъ въ жизни человѣческой припадкахъ безъ разсужденія печалиться? Къ переломленію силы у воображенія три вещи надобны: 1. воздержаніе самолюбія; 2. безпрестанное обо всемъ разсужденіе; 3. чтобы человѣку мыслью своею далѣе первыхъ представленій не забѣгать. Ежели тебя кто злословилъ, такъ ты сего ругательства за озлобленіе себѣ не поставишь, ежели самолюбіемъ мучиться не станешь, а разумной человѣкъ знаетъ, какъ мало сія мнимая обида до него касается. О чемъ мы печалимся, то внѣ, а не внутрь насъ. Наружныя вещи того не слышатъ, и чувствовать не могутъ, какъ мы на нихъ кричимъ, или сердимся. Одно только мечтаніе такъ власно нами, какъ мама или нянька малыми дѣтьми играетъ. Какъ робенокъ ногу, или руку о камень себѣ ушибши заплачетъ, а нянька на утѣшеніе дитяти этотъ камень рукою шутя побьетъ, то робенокъ смотря на сіе скоро умолкнетъ. Слабостью нравовъ своихъ симъ дѣтямъ подобные люди, точно по сему примѣру весьма ложно думаютъ, будто они печалью, или гнѣвомъ наружныя вещи подвигнуть могутъ. Прямое безпокойство не въ твоемъ умѣ, не въ чужомъ нравѣ, и не въ тѣхъ перемѣнахъ, которымъ тѣло подвержено. Откудажъ оно приходитъ? Отъ той части, которая внутрь тебя живучи, напрасно увѣрить хочетъ, будто однѣ вещи злыя, а другія добры. Не давай мнѣнію своему воли, такъ и все хорошо будетъ. Обезпокоивающія насъ вещи внѣ человѣка. Онѣ почти всѣ бездушны, и тебя ни чѣмъ не трогаютъ, да самъ ты себя мучишь. Какъ же отъ того уберечься? Смотри и не пропускай того времени, когда ты безъ всякаго пристрастія опамятоваться можешь. Къ сему дѣлу надобно рачительное примѣчаніе съ твердымъ намѣреніемъ. Мечта обѣимъ имъ противится. Знаки ея чувствительны, язвы глубоки и болѣзненны, а образы съ представленіями весьма человѣку пріятны. Еще самолюбіе свое воздержавши, наединѣ подумай, кто и что я? Смерти и тлѣнію подлежащій человѣкъ. Какое же праху и пеплу почтеніе отдавать должно, когда душа моя божественное и небесное существо? То все земное ничего ей здѣлать не можетъ. Что меня не умерщвляетъ, или злѣйшимъ не творитъ, то мнѣ не вредно. Ты уже состарѣлся, а спокойства еще въ себѣ не имѣешь, и такого неправеднаго мнѣнія donынѣ не покидаешь, будто внѣ тебя стоящія ве-

вещи могутЪ человѣку вредЪ или болѣзнь причинить. Тебѣ надобно всякую вещь власно какЪ до нага раздѣвши по составамЪ разобрать для усмотренія худости и ничтожества ея, а особливо вЪ то время, какЪ мечтаніе такія вещи тебѣ представитЪ, на которыя почти весь свѣтЪ безЪ мѣры и безЪ правды высокую цѣну кладетЪ. Разсмотря сіе увидишь, что эти вещи того же стоятЪ, что за сырой и не шлифованой хорошаго вида, только не прямо драгоцѣнной камень дать надлежитЪ. ЮвеналЪ пишетЪ о такомЪ человѣкѣ, которой добродѣтельми своими отЪ всѣхЪ общую хвалу получилЪ, только со всѣми похвалами бѣденЪ остался. По сему видно, что вся слава и хвала человѣческая бѣдное, и за тѣмЪ уничтоженія достойное дѣло, что честному, а особливо добросовѣстному человѣку при всѣхЪ свѣтскихЪ похвалахЪ сЪ голоду умереть надобно. И роскошь власно таковажЪ. Она весьма не то, что мечтаніе обЪ ней ложно намЪ сказываетЪ. Да чтожЪ она такое? Роскошь есть увеселеніе человѣческой жизни, когда разумна, порядочна и воздержна; а ежели мѣру превзойдетЪ, то ядовитѣйшая смертноубійца. Роскошь подобна водѣ, которая человѣка питая утоляетЪ жажду его; а буде человѣкЪ мѣры не узнавши вЪ глубину ея зайдетЪ, то вода его утопляетЪ. Для сей важной причины вѣчная премудрость Божія сему дикому и свирѣпому звѣрю (роскоши) желѣзныя удила вЪ челюсти его положивши, вЪ самой натурѣ такЪ узаконила, дабы чувствованію вЪ наслажденіи тѣлесныхЪ роскошей весьма кротку и маловременну быть. Ѣства до тѣхЪ порЪ вкусна, пока гортанью до желудка идетЪ. Сладчайшее удовольствіе тѣла всего человѣка умерщвляетЪ, ежели невоздержно и продлительно. Омерзѣніе да печаль суть первыя и главнѣйшія слуги всякой роскоши, которая больше вЪ зажженномЪ мнѣніи состоитЪ, а вЪ самомЪ дѣлѣ весьма не та и отнюдь не такова, какою она мечтѣ нашей кажется. Сія то роскошь жизнь нашу весьма скоро разрушаетЪ. Кто ею меньше наслаждается, тотЪ долголѣтнѣе, здоровѣе, щастливѣе и спокойнѣе будетЪ. Для чего богатой безпокойнѣе бѣднаго? По какой причинѣ онЪ вЪ тѣ поры спокойнѣе былЪ, когда того богатства не имѣлЪ, которымЪ нынѣ владѣетЪ? Чего ради тотЪ запасЪ днемЪ и ночью его мучитЪ, которой ему не надобенЪ? Все сіе для того дѣлается, что самолюбіе богача мнимымЪ недостаткомЪ всечасно терзаетЪ. ИзЪ сего вы, дорогой читатель, вторично видите, что мечта сЪ ложнымЪ мнѣніемЪ всему человѣческому нещастію причина. Императора Марка Аврелія сонЪ устрашилЪ,

шилъ, только онъ пробудившись весьма тому обрадовался, что это его безпокойство сонное привидѣнїе было. Мудрой Цесарь и обо всѣхъ случаяхъ жизни своей подумавъ разсудилъ, что приходящая отъ нихъ человѣку печаль подобна страху соннаго привидѣнїя. Для того Императоръ на утѣшенїе всѣмъ печальнымъ людямъ въ четвертой книгѣ нравоучительныхъ разсужденїй своихъ слѣдующее написалъ: Проснись, и образумясь вспомни, что все печаль тебѣ причиняющее есть сонъ. Пробудись же пожалуй, и обо всѣхъ случаяхъ жизни твоей такъ власно, какъ о прошломъ снѣ своемъ разсуждай, которой тебя напрасно испужалъ. Потомъ уже самъ въ себѣ разсуди, что это за вещь, которая меня такъ безпокоитъ? Суета, дуновенїе вѣтра, чужая хвала, безумное мечтанїе, прелестное мнѣнїе, горсть земли, будущая неизвѣстность, настоящая мгла и минувшая пыль. А я самъ что? Червямъ пища, тлѣнїе, земля, прахъ и пепелъ. Ниодна бы хозяйка въ домѣ своемъ за разбитую не нарочно порцелинную посуду конечно не осердилась, и служителей бы изъ дому не выгнала, ежелибъ здраво разсудила, что этотъ глиняной сосудъ на то здѣланъ, дабы самому разбиться, или отъ людей разбитому быть. Какъ бы то ни здѣлалось, все, что человѣкъ внѣ и около себя ни видитъ, то перемѣнѣ, смерти и тлѣнїю подвержено. Ежели я къ нему привяжусь, то оно меня принудитъ бояться, плакать, печалиться, и жалобы приносить. Укрѣплюжъ я душу мою правдою, а потомъ ни о какой тлѣнной и мерзской вещи нетлѣнныхъ и прекрасныхъ мыслей имѣть не стану. Въ этой крѣпости сидя, никакой осады за тѣмъ не испужаюсь, что у сей цитадели крѣпкїя стѣны, валы и бойницы есть, а запасу на нѣсколько лѣтъ приготовлено. Но понеже вѣчная истинна, сила и премудрость Божїя сама тутъ, то сїя крѣпость отъ всякихъ набѣговъ лжи и суеты никогда не преодолѣна и въ безконечные вѣки непобѣдима пребудетъ. Ежели тѣ вещи, которыхъ небытность, или присутствїе страхомъ, или надеждою тебя мучитъ, сами къ тебѣ не придутъ, да ты принужденъ будешь самъ по нихъ итти, то по крайней мѣрѣ мнѣнїе свое до тѣхъ поръ воздержи, пока уже ихъ предъ собою увидя, собственной разумъ твой на судъ не приведешь. Онъ тебѣ про нихъ такую правду скажетъ, что всѣ эти вещи самое тлѣнїе. Вода, пыль и нечистота. Марморъ, земляная кожа, золото съ серебромъ, дрожжи да пѣна, изъ высокихъ горъ. Платье твое льняныя нитки, шерсть и волосы разныхъ звѣрей. Слава съ похвалою пустой звукъ. А и вся

твоя жизнь тому же подобна. Приходитъ и уходитъ. Скоро является, а скорѣе того исчезаетъ. Буде уже ты такъ простъ, что мнѣнїе тебя одолѣвши, и съ мечтою соединясь, на престолъ разума твоего сядетъ: то я тебѣ дружески совѣтую безпрестанно, такую мысль имѣть, будто ты щастливъ и спокоенъ. Но притомъ напередъ тебя увѣдомляю, что мнѣнїе по обыкновенному своему непостоянству, безъ того долго сидѣть не можетъ, чтобы у обладанныхъ имъ людей голову закрутивши совершенно бѣшеными, или уже на послѣднюю мѣру, вѣчными дураками ихъ здѣлать. Это губительное мнѣнїе многихъ людей съ умомъ разлучивши принудило о себѣ думать, будто они стекло, яицо, или испеченой пирогъ. Въ Лондонѣ на содержанїе сихъ сумозбродовъ построенъ великой домъ, а въ немъ былъ такой безумецъ, которой назывался великимъ Монархомъ. Стоящихъ предъ нимъ людей за крестьянъ своихъ признавая, данными ему на пропитанїе сухими бобами, власно какъ червонными, и на свое имя битыми ефимками весьма гордо жаловалъ. Этотъ бѣдной человѣкъ изо всѣхъ тамошнихъ дураковъ по тому щастливѣйшїй безумецъ былъ, что мечта его нѣсколько лѣтъ съ ряду довольствовала, а другихъ людей чрезъ день мучила.

19.

Истинное и прямое разсужденїе.

Но понеже ниодинъ разумной человѣкъ ложнаго спокойства съ мечтательнымъ удовольствїемъ сего сумозброда отнюдь не захочетъ, да естественнымъ образомъ разумнаго удовольствїя всеконечно пожелаетъ, то надобно ему разсуждать, что мечтанїе ложнымъ страхомъ да нуждою и его также власно стращать да мучить станетъ, какъ сумозброднаго Короля прелестнымъ удовольствїемъ питало. Для сей причины долженъ человѣкъ мнѣнїю своему такую вѣчную правду предъ глаза поставить, которая бы самымъ искусствомъ (практика) отъ начала свѣта подтверждалась. Ему надлежитъ обо всякой вещи такъ здраво разсуждать, какъ легко мечтанїе чувствами къ тому движется, дабы человѣка ложною забавою, роскошью, или уже болѣзнью одолѣть. Чувства съ причиненнымъ отъ нихъ мнѣнїемъ, весьма пристрастные и отнюдь недовольные судьи, по такому важному дѣлу, которое до истиннаго мира и до спокойства душевнаго касается. Чувства могутъ то знать, что горько или сладко, кисло или пряно, гладко или ше-

роховато, кругло или угловато, близко или далеко, движимо или непоколебимо. Мечтанїе можетъ изъ сего образы, или представленїя въ головѣ, а мнѣнїе въ носу да въ головѣ у человѣка, по движенїю чувствъ, разныя воображенїя здѣлать. Но о томъ уже всѣ чувства разсуждать не въ состоянїи, что есть нравъ нашъ, что истинно и право, что разумно и совѣстно, что естеству человѣческому нужно, а душевному спокойству полезно. Чувствамъ сего по тому знать не льзя, что къ постиженїю этой глубины надобна мудрость, а яснѣе сказать, подлинное вѣдѣнїе о соединенїи дѣлъ и вещей божественныхъ съ дѣлами и вещьми человѣческими. Со сему все тѣлесное съ богатствомъ, съ роскошью и со всѣми честьми въ очахъ здраваго разума, пустыми гороховыми стручками да орѣховою скорлупою покажется. Къ познанїю истинны рожденной человѣкъ, будучи разумное созданїе, самъ себя повредитъ и обезпокоитъ, кой часъ чувствамъ или мнѣнїямъ своимъ допуститъ омерзѣнїе къ правдѣ внутрь себя причинить. Для сего должны мы спокойство свое тѣмъ поспѣшествовать, чтобы намъ не по чувствамъ, ниже по мечтанїю, но по единой правдѣ и по существу всякой вещи самимъ себя спросить. Изъ чего и откуда то происходитъ, что меня мучитъ и безпокоитъ? Изъ какой матерїи оно составлено. Во что по маломъ времени обратится? На что и къ какой пользѣ здѣлано? Какое согласїе съ цѣлою тварью имѣетъ? Какъ съ совѣтомъ, а особливо съ честїю и славою Творца сходствуетъ? Что у меня сей часъ на умѣ? Изъ чего оно составлено, и какъ долго пребываетъ? Какую бы мнѣ добродѣтель насупротивъ ему поставить? Кротость, мужество, правду, вѣрность, или спокойство со удовольствїемъ? Отъ Бога ли оно, и слѣдство ли Божїимъ провидѣнїемъ уставленныхъ причинъ? Человѣческое ли это дѣло? Они мнѣ братья. Равно со мною смерти, тлѣ и невѣдѣнїю подлежатъ. Часто сами не знаютъ, и о томъ не думаютъ, что дѣлаютъ. О чемъ же я печалюсь? Въ моей ли оно власти? Убавитъ ли моего спокойства, или прибавитъ? Что о сихъ дѣлахъ и вещахъ Богъ глаголетъ, и что про нихъ умные люди говорятъ? Ежели мое безпокойство отъ меня пришло, такъ почто мнѣ другихъ людей въ томъ обвинять? Буде я къ страстямъ своимъ то прибавливаю, чего у нихъ нѣтъ, такъ самъ я въ томъ, а не иной кто виноватъ. Не безумноль это мнѣнїе будетъ, когда человѣкъ о вещахъ иначе, а не такъ разсуждать станетъ, каковы оныя въ самомъ дѣлѣ? Не прямоель это бѣшенство, когда мы сами себя мучимъ, а ко

утѣшенiю своему премногiе способы имѣемъ? Для чего мы не уподобляемся пчеламъ, и не собираемъ меду со всѣхъ цвѣтовъ жизни нашей. За чѣмъ не разсматриваемъ ту мудрость, которая глубокiя причины, промысла и соизволенiя Божiя во всѣхъ случаяхъ учредила. Почто мы ко удивленiю превѣчной истинны и ко изслѣдованiю святыхъ ея совѣтовъ съ намѣренiями, а нашей суеты и ничтожества въ слѣдъ за нею не идемъ. Чего ради мы о вещахъ лучше по общему слуху и мнѣнiю въ народѣ, нежели по свойству и по состоянiю ихъ разсуждаемъ. Но понеже разумъ нашъ грѣхомъ ослабъ и умалился, то онъ тогда въ состоянiе придетъ обо всякой вещи безъ пристрастiя и праведно разсуждать, какъ ты кратчайшую дорогу къ истинному благополучiю взыщешь. А когда это будетъ? Въ то время, какъ разумъ нашъ всякое ложное и заблуждающее мнѣнiе отложитъ. Какъ сiе здѣлать? Ежели ты страстямъ своимъ запретишь, чтобъ онѣ кромѣ истиннаго твоего блага никакого зла не желали. Для сей причины жестокость страстей нашихъ должна человѣку до тѣхъ поръ подозрительною быть, пока тихой разумъ изъ рукъ безпокойнаго шуму мятежныхъ страстей вырвавшись, обо всѣхъ страстяхъ праведно и безъ всякаго пристрастiя разсуждать начнетъ. Сей путь (съ милостью и помощiю Божiею) самой прямой, а къ благополучiю нашему лучшiй будетъ, ежели не страсти разумомъ одолѣютъ, да онъ ихъ побѣдивши власть надъ нами возьметъ. Вожделѣнiе такъ мною овладѣло, что я о добрѣ и помыслить не могу. Огненное мечтанiе затмѣняетъ умъ мой, а мнѣнiе съ прихотьми надъ душею моею верьхъ и волю взяло. Очень это другъ мой худо, что ты сiе зло такъ давно и глубоко запустилъ. Только это еще къ особливой тебѣ пользѣ служитъ, что ты болѣзнь свою чувствуешь. Пожалуй же ободрись, и собери душевныя твои силы на освобожденiе себя отъ духовной болѣзни. Ко облегченiю человѣку то главная надежда, что болящiй немощь свою чувствуетъ, а это къ выздоровленiю первая ступень, ежели раненой руку протянувши пластырь къ язвамъ своимъ самъ приложитъ. Буде у тебя надежной другъ есть, то открой ему печаль и тугу сердца своего; а ежели безъ друзей живешь, то перегнувши бѣлой листъ бумаги вдоль пополамъ, напиши реестръ всѣмъ твоимъ печалямъ. Прочитавши эту роспись, вздохни и поплачь. Потомъ слезы свои отри, и первой пунктъ росписи прочитавши подумай, нѣтъ ли на него утѣшенiя? Ежели найдешь, то противъ перваго пункта по челобитью свое-

своему отвѣтъ напиши, и такъ со всѣми пунктами поступай. Всѣ пункты очистя, и съ отвѣтами еще прочти. Здѣлавши сїе увидишь, что утѣшенїя гораздо сильнѣе жалобъ твоихъ. Нѣкто изъ друзей моихъ симъ даннымъ ему отъ меня совѣтомъ отъ глубокой Меланхолїи вылечился; а и тѣмъ людямъ власно такой же пользы желаю, кто сей рецептъ мой на излеченїе печалей своихъ разумно употребитъ. Къ такому ихъ состоянїю слѣдующїя Сократовы слова приличны: Что вы бѣдные люди дѣлаете? Вижу, что вы какъ слѣпые осязанїемъ рукъ своихъ ходите. Развѣ тамъ благополучїя моего ищете, гдѣ его не бывало? Или вы думаете, будто оно въ тѣлахъ вашихъ живетъ? Вспомните Мироновы да Озелїеровы жалобы. Развѣ вы мыслите, будто въ деревняхъ да въ пожиткахъ все блаженство ваше заперто? Тутъ его всеконечно нѣтъ, и во вѣки не будетъ. Вспомните Креза. Смотрите, какъ богачи ежедневно вздыхаютъ! Не въ высокихъ ли вы достоинствахъ все щастїе свое найти чаете? Напрасно вы, друзья мои, этою мечтою себя мучите! Глазамъ ли вы своимъ, или объявленїю сихъ мученыхъ людей вѣрить хочете, которые за высокой чинъ и достоинство свое несказанными трудами и всечасным страхомъ окружены? Можетъ статься, что Королевская власть все поглотила? Воистинну никакъ! Ежелибъ сїе было, такъ бы Сарда напала на Нерона, по этой высокой власти щастливыми звать надлежало. Хотя Агамемнонъ добродѣтельнѣе всѣхъ Греческихъ Царей былъ, однако ни въ одной исторїи того не видно, чтобы кто благополучнымъ его именовалъ. Чтожъ Агамемнонъ въ тѣ поры дѣлаетъ, какъ другїе спятъ и покоятся? Онъ на себѣ съ печали волосы деретъ, а притомъ непрестанно воздыхая говоритъ. Страхъ и печаль такъ сердце мое терзаетъ, что я сихъ жестокихъ мукъ терпѣть болѣе не могу. Кто всякую вещь по мѣрѣ удаленїя ея отъ спокойства, отъ Бога, отъ неба, отъ твари и отъ вѣчнаго блаженства размѣряетъ, тотъ человѣкъ весьма инако ихъ найдетъ, нежели тѣ люди, которые мимоходомъ въ очки мечтанїя на эти вещи смотрятъ. Пожалуй же разсужденїемъ своимъ о видимомъ благополучїи людей свѣтскихъ отнюдь не спѣши, и не заблуждай, но суди судъ праведной. У всякой вещи власно какъ двѣ руки, а сила вся въ томъ, какъ за эти рукоятки взяться. Злое востре также свою красоту и пользу имѣетъ. Львовы зубы, терновникъ, кропива да полынь, по природѣ и порядку ихъ весьма изрядны, а въ натурѣ очень надобны. Алойная горесть, да уксусная кислота, къ такому же употребленїю необходимо нужна.

Кто

Кто по сему правилу обо всякой вещи, или о каждомъ дѣлѣ праведно разсуждать хочетъ, тому силу и свойство всѣхъ вещей основательно знать надлежитъ. Не такъ бы во нравѣ и въ сердцѣ его дѣлалось, какъ на республиканскихъ собраніяхъ или сеймахъ, гдѣ то дѣло за лучшее почитается, которое въ шуму да въ крику по большинству голосовъ рѣшено. По намѣренію тѣ вещи роду человѣческому вреднѣйшія, которыя почти цѣлой свѣтъ за пріятныя и полезнѣйшія только не праведно признаваетъ. Между людьми не такъ исправно дѣлается, чтобы лучшее множайшему числу народа нравилось. Соглашающееся число лучшихъ и разумнѣйшихъ людей пользу въ этомъ случаѣ и обстоятельствѣ подозрительно признаваетъ. Сократъ во лжи и въ неправдѣ застарѣлыя мнѣнія стукотными привидѣніями и робячьими пужалами справедливо называлъ. Не станемъ же того спрашивать, что у людей въ наибольшемъ употребленіи, да то единственно разсмотримъ, что лучшее, а душамъ нашимъ полезнѣйшее. Остановимся надъ собственнымъ состояніемъ своимъ. На него посмотря здраво разсудимъ, нѣтъ ли въ немъ чего нибудь такого, чтобы насъ утѣшить, или бы другимъ людямъ иначе, нежели самимъ намъ, казаться могло? Лошади боятся стѣни, а мечтаніе можетъ насъ такими ложными вещьми испужать, которыя въ самомъ дѣлѣ ничто, и малѣйшаго страха въ себѣ не имѣютъ. Потщимся же о себѣ, обо всемъ на свѣтѣ здраво, безпристрасно и по самой правдѣ разсуждать. Наиболѣе постараемся того искать, что непремѣнное спокойство въ себѣ содержитъ, а тому отнюдь не станемъ вѣрить, что народъ о пріятности забавъ и веселія не знаючи говоритъ. Всѣ эти суеты до души пройти и долго пребывать не могутъ. Я именованіемъ народа не по наружному виду поступаю. По сей внѣшности надлежало того желать, чтобы во многихъ лицахъ и подъ множествомъ богатыхъ одеждъ подлой души не было. Мнѣ ни краснаго лица, ни богатаго платья, какъ въ примѣръ поступкамъ, такъ и въ судьи по важному дѣлу взять не возможно. Мы отъ поврежденія природы своей на подобіе легкаго дерева, не противъ рѣки, да внизъ по водѣ плыть обыкли. Для сей причины должно намъ здравому разуму послѣдовать, ежели не хотимъ со знатнѣйшимъ множествомъ въ погибель итти, и безумнымъ скотамъ уподобиться. А буде мы пропасти сего безпамятства не обойдемъ, то въ необходимое заблужденіе и въ ту неизбѣжную тѣсноту придемъ, гдѣ другъ черезъ друга валяемся, а ниодинъ безъ того не упадетъ, чтобы десяти человѣкъ съ собою

бою не повалить. Это обыкновенной конецъ тѣхъ людей, которые лучше по новой модѣ и по не праведно принятому обычаю жить, нежели здравому разуму слѣдовать, и лучше прелестнымъ свѣта сего расказамъ вѣрить, нежели обо всемъ здраво разсуждать хотятъ. За тѣмъ-то они сами себѣ мечтательное нещастіе прежде времени выдумываютъ, а того еще на дѣлѣ (на практикѣ) не видали, подлинноль они безщастны. Намъ отъ этой прилипчивой болѣзни до тѣхъ поръ не вылечиться, пока мы на себя чужими глазами смотрѣть не перестанемъ, то есть, до коихъ поръ по общему слуху и по народнымъ сказкамъ о собственномъ щастіи и о нещастіи нашемъ разсуждать будемъ. Въ людяхъ отъ того главное безпокойство, что думаютъ, будто они и подлинно таковы безщастны, какъ другіе безщастными ихъ называютъ.

20.

Прямое мнѣніе.

Человѣку несравненно лучше и полезнѣе, чтобы онъ здравому разуму послѣдуя, только то вреднымъ признавалъ, что всему роду и естеству человѣческому вредно. Сіе-то разумнѣйшіе язычники за лучшее поспѣшествованіе спокойства признавши велѣли намъ по натурѣ жить. Но сіе не о испорченной, или развращенной, да о разумной природѣ мудраго человѣка разумѣть должно. По натурѣ жить, называется то, чтобы человѣку жизнь свою разумно, порядочно и воздержно вести. Нужды своей большею того не дѣлать, какъ умная природа требуетъ. Въ пользу человѣческаго общества и по волѣ Божіей, а не вопреки или въ противность ей жить. Ничего того не желать, что человѣку не надобно, а того не бояться, что всякому изъ насъ случиться можетъ и должно. Ничему тлѣнному себя не порабощать. Тѣло свое пищею, питьемъ и одеждою такъ довольствовать, чтобъ оно душу не умертвило. Цесарь Маркъ Аврелій изъясняетъ сіе въ четвертой своей книгѣ сими словами: Не печалься о томъ, что другіе люди дѣлаютъ, да того больше смотри, куда разумная природа тебя ведетъ. Всеобщею натурою разумѣю я Бога, и тѣ случаи, которые Онъ изъ святой воли своей на тебя посылаетъ. Симъ же словомъ разумѣю и собственную твою природу съ тою должностью, которой умное естество отъ тебя требуетъ. Всякая вещь къ нѣкоторой должности пріобязана, а всѣ твари на услугу человѣку созданы. Для сего-то несовершенное совершен-

шеннѣйшему служитъ. А понеже одно разумное созданїе ко услугамъ другаго сотворено, то первая человѣческая должность въ томъ, дабы онъ цѣлому обществу, то есть, всему роду человѣчу полезенъ былъ. Другая его должность та, дабы человѣкъ плотскимъ вожделѣнїямъ своимъ не поддавался, и отъ нихъ бы побѣждаемъ не былъ. Сїя-то разумная природа отъ всякаго изъ насъ того требуетъ, дабы человѣкъ почасту въ себя приходилъ, а чувственнымъ поощренїямъ и тѣлеснымъ страстямъ для того бы не покарялся, что онѣ безумнымъ скотамъ свойственны. Разумной душѣ свойственно и прилично самой собою владѣть, а отнюдь и ни у кого въ порабощенїи не быть. Сїе принадлежитъ ей по такому праву, что разумъ на то человѣку данъ, дабы всѣми чувствы и страстьми своими державно властвовать. Третїе свойство разумнаго естества то, дабы умному человѣку отъ прелестей и обмановъ прилѣжно себя хранить. Кто сїе право крѣпко за собою удержитъ, тотъ поди съ миромъ, и подлинно себѣ вѣдай, что онъ въ естественныхъ границахъ разумной природы своей исправно и благо ходитъ. Богату, славну, благородну и роскошну будучи, довольство такихъ вещей имѣть, которыя народъ высоко почитаетъ, все это несовершенства натуры. Ежелибъ они подлинныя свойства рузумнаго естества и созданїя были, тобъ ни одному человѣку отъ нихъ воздерживаться, также бы ихъ презирать и противиться имъ не надлежало. Вопреки сему видно, что тѣхъ людей хвалятъ и щастливыми зовутъ, кто помянутыхъ внѣшностей меньше простаго народа употребляетъ. И мы тѣхъ мудрость любящихъ за добродѣтельнѣйшихъ людей справедливо почитаемъ, которые такихъ наружныхъ вещей добровольно отрекаются. Хотя Крассусъ первѣйшїй въ Римѣ богачъ былъ, однако его за безумїе донынѣ порицаютъ. Неронъ былъ сильной Цесарь, но за страшныя сего тирана беззаконїя цѣлой свѣтъ по сю пору его проклинаетъ. При его владѣнїи жилъ Эпиктетъ, храмой и бѣдной холопъ, котораго донынѣ за умнаго, кроткаго и за добродѣтельнаго мужа несравненно больше Нерона праведно почитаютъ. Императоры, Короли и славнѣйшїе Принцы Эпиктетовы книги чрезъ тысячу шесть сотъ лѣтъ съ великимъ удовольствїемъ читая, справедливо хвалятъ. Многїя тысячи разумныхъ людей безпристрасно увѣряютъ, что отъ прилѣжнаго чтенїя книгъ сего философа и отъ рачительнаго по онымъ исполненїя, (за помощїю Божїею) великое себѣ спокойство получили; а сколько сотъ великихъ, знатныхъ, и роскошныхъ людей между

тѣмъ забыто? Изъ сего можете дорогой читатель усмотрѣть, что власть, сила, роскошь, богатство и честь за тѣмъ не подлинная благая, что онѣ владѣющихъ ими еще на землѣ и во временной жизни очень не на долго спокойными творятъ. По тому явствуетъ, что бѣдность съ незнатнымъ чиномъ и житьемъ отнюдь не зло, по тому что она Эпиктету не помѣшала въ жизни его кротку и добродѣтельну быть, а по смерти отъ разумныхъ людей вѣчную похвалу праведно снискать. Самой природѣ разумнаго человѣка противно о такихъ вещахъ печалиться, которыхъ отчужденіе великая добродѣтель, а лишеніе особливое благополучіе. Изъ тогожъ оказывается, какъ свободно, весело, благодушно, тихо и радостно спокойство того человѣка, кто по своей разумной природѣ живетъ. Еще можно сказать, когдабѣ тлѣнныя вещи истинное благо были, тобъ ниодинъ человѣкъ съ радостію того не вспомнилъ, сколько онъ роскошей и болѣзней преодолѣлъ, сколько славнаго на свѣтѣ презрилъ, и какъ многимъ людямъ за ихъ зло доброе воздалъ. Сіе видя и познавъ, перестань душа моя сама себя ругать! Душевное безчестіе то, когда человѣкъ о такихъ вещахъ печалится, которыя хуже и подлѣе души его. Не строй благополучія своего на суетѣ и на тлѣнности чужой хвалы, а того отнюдь не желай, что не подлинное твое благо. Прямое добро то, что тебѣ разумному созданію не вредно. Что разумную душу вредитъ, то человѣку худо, какое бы мнѣніе свѣтскіе люди объ нѣмъ ни имѣли. Отнюдь себѣ того не думай, будто ты и худое добрымъ здѣлаешь, какъ только въ свои руки получишь. Ты еще вѣсу у суеты, и тягости у злаго обычая не знаешь. Въ глубокую рѣку далеко не ходи, утонешь. Кто самъ на страхъ идетъ, тотъ скоро погибнетъ. Потщимся же о семъ важномъ дѣлѣ такъ здраво разсуждать, чтобы намъ самимъ себя не обмануть. Что человѣка лучшимъ и отъ часу совершеннѣйшимъ творитъ, то его истинное и подлинное благо; а что его злѣйшимъ дѣлаетъ, то человѣку сущее зло. Ежели меня внѣшнее благополучіе благодарнымъ, любовнымъ, благотворительнымъ, кроткимъ, милостивымъ и осторожнымъ учинить можетъ, то оно истинное и великое благо. Буде же меня внѣшнее щастье безстрашнымъ, гордымъ, невоздержнымъ, суетнымъ, мучительнымъ, безбожнымъ и беззаконникомъ творитъ, то сіе крайнее и горшее мнѣ зло, что я щастливъ. А и съ нещастіемъ власно тожъ обстоятельство. Ежели оно человѣка нетерпѣливымъ, роптательнымъ, завистливымъ, мятежникомъ, скучливымъ и отчаяннымъ творитъ, то не-

ща-

щастїе подлинное зло. Буде же человѣкъ отъ нещастїя своего кротокъ, терпѣливъ, цѣломудренъ, тихъ и спокоенъ здѣлается, то нещастье, совершенное благо и крайняя ему польза. Ежели безпристрасно разсудить, то изъ цѣлой сотни всеконечно девяносто пять человѣкъ такихъ людей выберется, которымъ такъ называемое щастье гораздо больше бѣдъ и вреда, нежели нещастїе здѣлало; стануж ъ я житьемъ и состоянїемъ своимъ для того довольствоваться, что оно спокойно и безопасно. Мнѣ это даромъ, и очень не нужно, что оно меня знатнѣе и богатѣе нынѣшняго не учинитъ, да только бы внутреннее лучшимъ здѣлало. Въ томъ намѣренїе всѣхъ лучшихъ и разумнѣйшихъ людей. Дорогой нравъ ихъ подобенъ тинктурѣ, (составъ у лекарей и у химиковъ) которая желѣзо золотомъ обращаетъ. Онъ же равенъ съ мудрою пчелою, которая со всякихъ вещей и цвѣтовъ медъ збираетъ. Для чего я о такомъ состоянїи печалюсь, изъ котораго мнѣ все можно здѣлать, что самъ пожелаю? Ежели житье мое не изъ лучшихъ, то равнодушїе, терпѣнїе и спокойство души моей эту жизнь спокойною, а мнѣ сносною здѣлать можетъ. Человѣкъ не тѣмъ живетъ, что у него всего много, да тѣмъ богатъ, что малымъ доволенъ. Первой Ахавъ, да другой Аманъ, учатъ насъ тому, что не чинъ и не достоинство, да единой нравъ человѣка во всей жизни его спокойнымъ, или безпокойнымъ творитъ. Хотя у Израильскаго Царя Ахава всего преизобильно было, только онъ несытствомъ разболѣлся. Хотя Аманъ у Монарха своего Персидскаго Царя Артаксеркса въ крайней милости и въ верьховномъ достоинствѣ находился, однако ни чѣмъ ненасытная и непреодолѣнная гордость его тому причиною была, что Аманъ всею честїю и славою своею не довольствовался. Посредствомъ жестокихъ вожделѣнїй на престолъ разума сихъ безщастныхъ людей взошедшее мечтанїе такїя безпокойныя мысли въ нихъ произвело, отъ которыхъ вся жизнь ихъ бѣдною учинилась. Ахавъ и Аманъ, оба съ начала думали, что богатства и чести желанїю ихъ предовольно будетъ. Но при концѣ несытое желанїе суетнаго имѣнїя одного изъ нихъ (Ахава) въ опасную болѣзнь, а другаго (Амана) непобѣдимая гордость съ упрямствомъ на висѣлицу привело. Желающему спокойнымъ быть, должно обо всякой вещи безпристрастное мнѣнїе и здравой разсудокъ для того всегда въ памяти имѣть, что мнѣнїе всю жизнь человѣческую управляетъ, а къ покою, или къ безпокойству великую помощь подать можетъ. Человѣку прямое мнѣнїе еще съ самой молодости его по тому весьма нужно, что отъ него ху-

дыя и добрыя мысли родятся. Симъ-то здравымъ обо всякой вещи мнѣнїемъ должно человѣку отъ ложныхъ, а особливо отъ застарѣлыхъ во всякой худобѣ мысляхъ заранѣе себя охранять, дабы продолжающїйся обычай со временемъ такъ ихъ не ожесточилъ, что уже отъ нихъ избавиться нельзя, и нѣчемъ будетъ. Къ сему надобно рачительное примѣчанїе, твердое и постоянное намѣренїе, и мудрое разсужденїе съ правдолюбивымъ сердцемъ. Тогда уже разуму нашему не трудно будетъ всю славу свѣта сего пересмотря, всякой передъ него приходящей вещи сказать: Ты то, а ты это. Ежели золото и зеленую мѣдь, или томпакъ передъ тебя положатъ, то посмотря на нихъ скажешь: Это золото, а то мѣдь. Хотя одно также какъ и другое свѣтится, только цвѣтъ и проба различїе доброты ихъ ясно кажетъ. Какъ человѣку того здѣлать нельзя, чтобы многїя вещи ложнаго на себѣ вида не имѣли, такъ и то не возможное дѣло, дабы всѣ камни и препятства съ дороги такъ очистить, чтобы человѣку ни за что не запнуться. Но то одно въ нашей силѣ, дабы къ дальней дорогѣ такую добрую и неспотыкливую лошадь себѣ промыслить, чтобы человѣку по горамъ, по буграмъ, по ямамъ, по кочкамъ и посреди буераковъ крѣпче въ сѣдлѣ усидѣть. Всякаго рода кривые (неправедные) толки и мнѣнїя можно уподобить буграмъ, кочкамъ и камнямъ, объ которые страсти наши съ вожделѣнїями очень часто запинаются. Для сей причины Царю тѣла человѣческаго, (умъ) сихъ безумныхъ лошадей правымъ и безпристрастнымъ мнѣнїемъ во всегдашнемъ обузданїи крѣпко держать должно, дабы человѣку не упасть и не убиться. Всѣ вещи на свѣтѣ такого состоянїя, что прямымъ ихъ употребленїемъ добры, а отъ неправеднаго употребленїя злы бываютъ. Возьми ножъ за черенъ, такъ можешь имъ рѣзать; а буде за вострее ухватишь, то руку себѣ порѣжешь. Для чего намъ той силы и пользы къ лучшему не употреблять, которую самъ Богъ разуму нашему даровалъ на взятїе всякихъ вещей такъ, чтобъ онѣ намъ какъ можно меньше вреда дѣлали. Къ сему очень много помогаетъ доброе обо всемъ на свѣтѣ случающемся мнѣнїе, въ которомъ все на внѣшнее и на внутреннее благо раздѣляется по состоянїю человѣческаго существа въ душѣ и въ тѣлѣ. Первыя называются тѣлесныя, а другїя душевная благая. Тѣла и житїя нашего припадки суть внѣ человѣка. Хотя они и не въ нашей силѣ, однако причиною страстей и многихъ вожделѣнїй человѣческихъ, а именно: любви, ненависти, надежды и страха. Жизнь, про-

пропитанїе, здоровье, сила, веселье, честь, красота, слава и богатство, суть причины человѣческой любви, или надежды. Вопреки тому бѣдность, голодъ, нагота, презрѣнїе, подлость, стыдъ, ругательство, болѣзнь, мерзость, печаль, оскорбленїе, нападки, изгнанїе, лишенїе сродниковъ и друзей, а на конецъ и самая смерть, суть причины человѣческой ненависти, страха и омерзѣнїя. Изъ сего сокращенїя естественныхъ нуждъ и тѣлесныхъ благъ нашихъ ясно можемъ видѣть, что намъ ихъ во всю жизнь свою больше бояться, нежели уповать надлежитъ, для того что все на свѣтѣ въ неизвѣстности да въ перемѣнахъ состоитъ. Тѣ же свѣтскїя вещи не въ нашей силѣ, а на конецъ нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ человѣку не надобны Много бы это намъ помочи подало, ежелибъ мы между надобнымъ и ненужнымъ прямое различїе здѣлали. О надобномъ бы такое мнѣнїе имѣли, чтобъ оно какъ наименьше насъ мучило. Чрезъ первое можемъ мы у страстей своихъ отнять способъ къ мученїю насъ, а другое научить человѣка тому, какъ въ необходимыхъ нуждахъ маловременной жизни нашей кротко и спокойно поступать. О внѣшнихъ благихъ тѣла и житїя нашего предъ симъ уже сказано, а теперь о внутреннихъ благихъ души нашей умолчать не должно. Мудрость, остроумїе, правда, познанїе добра и зла, обращенїе воли своей на истинное благо, кротость, благость, милосердїе, разумная любовь, воздержанїе страстей, великодушїе и душевное спокойство, суть дѣла и плоды духовныя. Хотя число ихъ гораздо меньше тѣлесныхъ благихъ, только они долговѣчнѣе и важнѣе, а притомъ самобытныя существа и подлинное благо души человѣческой. Они (подъ благословенїемъ Божїимъ и за Его всесильною помощїю) въ нашей силѣ, а при употребленїи тѣлесныхъ благихъ всѣ одно дѣйство имѣютъ. Для сего должно намъ тѣлесное по духовному учреждать, а о тѣлесномъ отнюдь такого мнѣнїя не имѣть, за тѣмъ что оно духовному совсѣмъ противно. Мы главное старанїе свое о знатнѣйшемъ приложа, здѣлаемъ различїе между такими вещьми, изъ которыхъ однѣ по высочайшей мѣрѣ восемдесять лѣтъ пребываютъ, а другїя вѣчны. Намъ должно заранѣе то примѣчать, какъ тѣлесныя вещи жизнь нашу безпокоятъ, а духовныя безпокойство наше поспѣшествуютъ во временной и вѣчной жизни. У кого свободной разумъ и постоянной нравъ, тотъ скоро опамятовавшись, ничему внѣшнему больше того силы и власти не даетъ, сколь имъ принадлежитъ. Симъ здравымъ разумомъ одаренной человѣкъ самъ себѣ скажетъ: Здоровому глазу должно на все смо-

 трѣть,

трҍть, а того отнюдь не говорить, я только на одну зелень глядҍть стану. Это однимъ худымъ и подслҍповатымъ глазамъ прилично. Здоровому желудку должно всякiя вещи варить, такъ власно какъ мҍльницҍ всякаго званiя хлҍбъ безъ разбору молоть, каковъ бы онъ жестокъ и крупенъ ни былъ. Такъ точно разумному и великодушному человҍку надлежитъ всечасно готовиться къ сношенiю всякихъ приходящихъ на него случаевъ. А ежели онъ изнҍжившись станетъ говорить: Когдабъ всҍ дҍти мои живы были; когдабъ меня хвалили; когдабъ я благодаренъ, честенъ, славенъ, богатъ и знатенъ былъ: то сей человҍкъ уподобится больнымъ зубамъ, которые кромҍ каши да киселя ничего жескаго ҍсть не могутъ. Сей важной пунктъ надлежитъ мнҍ слҍдующими Императора Марка Аврелiя (въ 6 мъ и въ 7 мъ пунктҍ третей книги) словами заключить: Ежели ты на семъ свҍтҍ живучи что нибудь лучше правды и правосудiя, лучше воздержанiя и мужества найдешь. Ежели что выше такой души сыщешь, которая собою довольствуючись, все на нее отъ Бога приходящее со благодаренiемъ прiемля терпҍливо несетъ, то всҍмъ сердцемъ твоимъ къ сему вседражайшему благу прилҍпясь въ совершенной кротости послҍдуй. Веселись симъ безцҍннымъ сокровищемъ, которое ты толь щастливо обрҍлъ. Буде ничего лучше божественной и въ тебҍ храмъ сей съ жилищемъ имҍющей души не сыщешь, которая сама собою владҍетъ, всҍхъ своихъ силъ, чувствъ и дҍйствъ самодержица, и (какъ Сократъ говоритъ) отъ мучительства страстей сама свобождается, правленiю Божiю совершенно себя вручаетъ, а обо всҍхъ людяхъ общее попеченiе имҍетъ. Когда уже ничего изряднҍе оныя не увидишь, а все другое тебҍ хуже и недостойнҍе ее покажется, то кромҍ сей блаженной души ничему не повинуйся. Буде же ты себя хуждшему души своей (тҍлу) единожды покоришь, то отъ него очень долго вырваться, а своему единоистинному благу прилҍпиться и служить не возможешь. Только это другъ мой очень не хорошо будетъ, когда ты подлинное и собственное свое благо на чужое, на ложное, на неизвҍстное и на хуждшее добро промҍняешь. Чужимъ называю я похвалу народа, власть, богатство, чины и роскошь. Ежели человҍкъ симъ вещамъ хотя малой къ себҍ доступъ дастъ, то онъ того же часа имъ овладҍвши, сего человҍка такъ скоро побҍдятъ: что ему о себҍ, а особливо о душҍ своей, и подумать нҍкогда будетъ. Изберижъ себҍ лучшее безъ всякаго принужденiя, и къ нему всею силою прилҍпись. Человҍку то луч-

лучшее, что душѣ, а не тѣлу его полезнѣйшее. По слѣдующему ниже сего правилу одно съ другимъ легко распознаешь. Все, что тебѣ какъ разумному созданію полезно, то удержи; а что тебѣжъ какъ простой тварѣ надобно, то брось. Храни только разумъ свой, чтобъ онъ свободенъ былъ отъ затвердѣлаго въ неправдѣ мнѣнія и отъ ложныхъ мыслей, а потомъ бы въ слѣдующемъ пунктѣ показанное раздѣленіе самъ собою учинить могъ. Никогда того полезнымъ не признавай, что тебя принудить можетъ вѣру или вѣрность нарушить, безстыднымъ учиниться, зависть, ненависть, или подозрѣніе на людей имѣть; лицемѣрить, притворяться, ругать кого, или изъ подобныхъ сему такое зло дѣлать, которое въ подполъ прячется, и за занавѣсъ бѣгаетъ. Кто выше души своей ничего не почитаетъ, и никакой вещи больше того почтенія не отдаетъ, которое самой добродѣтели принадлежитъ, тотъ человѣкъ ничего такого не дѣлаетъ, чтобы на трагедію (печальное дѣйство) походило. Онъ не вздыхаетъ, уединенія и бесѣды не ищетъ, а всего удивительнѣе, что такой человѣкъ безъ страха и безъ желанія живетъ. Онъ же того не спрашиваетъ, долго ли мнѣ жить? Для того, что сей доброй человѣкъ къ исходу отъ маловременной жизни своей на всякой часъ такъ готовъ, какъ бы ему другое честное дѣло здѣлать. Онъ на свѣтѣ живучи больше всего о томъ печется, дабы ему душу свою въ такомъ добромъ состояніи содержать, чтобъ она могла то исполнять, что разумному созданію свойственно, а всему отечеству его полезно.

21.

Воздержность, желаніе по силѣ нужды.

Ежелибы всякой человѣкъ по своей мѣрѣ жилъ, а вождѣленія бы свои по силѣ и по возможности его обуздовалъ, то бы симъ способомъ всѣ добрыя желанія свои получилъ. Сколь многимъ безпокойствамъ входъ чрезъ сіе пресѣкается, ежели человѣкъ малаго желаетъ, для того что нужду свою по натурѣ размѣряетъ, а разумная природа малымъ довольна. Богъ подаетъ человѣку многіе случаи къ полученію того и толикаго числа, что, и сколько ему надобно. Всѣ безпокойства происходятъ отъ невоздержнаго желанія, или отъ употребленія на зло тѣхъ вещей, безъ которыхъ человѣку прожить можно. Во злѣ и въ неправдахъ лежащій свѣтъ сей о убожествѣ и о богатствѣ весьма развращенное

кое мнѣніе имѣетъ. Того богача похвалами до небесъ возносятъ, кому многіе милліоны надобны; а того добраго человѣка нищимъ титулуютъ, кто гривною въ день доволенъ. Нога подлинная мѣра башмаку, или сапогу твоему. Буде ты шире или уже, короче или долѣ, теснѣе или просторнѣе ноги башмаки себѣ здѣлаешь, то самъ себѣ ноги повредишь. Такъ власно бренное тѣло наше всѣмъ принадлежащимъ къ нему благимъ естественная мѣра. Чѣмъ больше кто сверьхъ нужды тѣла своего излишествъ пожелаетъ, тѣмъ въ горшее безпокойство, а на конецъ въ такое страшное желаніе зайдетъ, которое человѣка не только къ паденію, но и къ безвременной смерти приведетъ. Когда уже самъ знаю, что натура малымъ довольна, то за чѣмъ мнѣ горькой корень неудовольства желаніемъ излишествъ въ душѣ своей насаждать? Почто желанію моему далѣе нуждъ моихъ распространяться? На что мнѣ того желать, что не надобно, а то добро терять, которымъ наслаждаться могу? Мнѣ можно великодушну быть, а я печалюсь о такихъ вещахъ, которыя душу мою хуждшею творятъ. Я могу мудрость снискать, а вмѣсто ее о томъ себя крушу, что у меня денегъ мало! Мнѣ можно за работою сидя веселу быть, а я грѣшной праздности ищу! Мнѣжъ еще можно трудомъ своимъ столько получить, чѣмъ себя съ женою, съ дѣтьми и со всѣмъ домомъ прокормить; а я стараюсь о томъ, чтобы мнѣ въ каменныхъ палатахъ живучи, съ богатымъ экипажемъ по малой мѣрѣ четвернею ѣздить! Намъ можно чады Божіими быть, а мы о томъ крушимся, что не Принцы, не Графы, не Бароны, или на послѣднюю мѣру, не знатнѣйшіе изъ шляхетства. Человѣкъ можетъ безъ всѣхъ сихъ достоинствъ спокойно жить. На чтожъ ему такого чина желать, котораго онъ безъ великихъ трудовъ получить, а безъ жестокой печали потерять не можетъ? Человѣку во всей его жизни больше пищи и одежды никакихъ излишествъ не надобно. Буде онъ ни кому и ни чѣмъ не долженъ, то очень богатъ. Хлѣбъ вездѣ пекутъ, а полотна да сукни съ обувью во всякомъ мѣстѣ продаютъ. Трудолюбивой человѣкъ скоро можетъ столько промыслить, чѣмъ себя одѣть и прокормить. Мнѣ до богатства другихъ людей дѣла нѣтъ, и имъ больше пищи да одежды излишествъ не надобно. О томъ еще подлинно не извѣстно, кто слаще ѣстъ. Апиціусъ ли деликатности свои, или Куріусъ печеную рѣпу? Хотя мое платье и не бархатное, однако долгомъ не опушено, а печалью не подбито. Доброй человѣкъ (подъ Божіимъ благословеніемъ) вездѣ себѣ седоржаніе и хлѣбъ сыщетъ. Еже-

либъ

либѣ злые люди не похотѣли его кѣ щастїю допускать, такѣ у него доброе сердце и спокойная душа останется. А милосердый Богѣ то ему десятерицею наградитѣ, что злые люди у бѣднаго человѣка отнимаютѣ. Славной Сократѣ весьма разумно сказалѣ: Тотѣ человѣкѣ гораздо ближе кѣ Богу, кому на свѣтѣ меньше другихѣ надобно. Какѣ сей философѣ увидѣлѣ, что знатной человѣкѣ вѣ богатой каретѣ со множествомѣ провожатыхѣ ѣдетѣ, то Сократѣ предстоящимѣ сказалѣ: Слава Богу, что мнѣ столько не надобно. Которой человѣкѣ изобилїе необходимою себѣ нуждою здѣлаетѣ, тотѣ и не жалуйся о томѣ, что ему никогда спокойнымѣ не бывать. Кому много надобно, тотѣ долженѣ вѣ наказанїе за невоздержность страшныхѣ прихотей своихѣ много суеты и попеченїя имѣть, для того что отѣ безгрѣшной чистоты непорочнаго естества и отѣ полезнѣйшаго ученїя тѣхѣ мудрыхѣ людей удаляется, которые человѣку праведно совѣтуютѣ, безумныя прихоти свои всею силою воздерживая, малымѣ довольствоваться. Кѣ достиженїю богатства то лучшїй способѣ, дабы человѣку кромѣ нужнаго никакихѣ излишествѣ не желать. Почто мнѣ того богатства отѣ людей ждать, которое я самѣ себѣ дать могу? Останься же вѣ границахѣ разумной природы, вѣ ней найдешь главное и лучшее спокойство. Ежели Богѣ сверьхѣ нужды моей изѣ милости своей что либо мнѣ даруетѣ, то оное кѣ славѣ Подателя и вѣ пользу ближняго моего употреблю; а чего мнѣ Богѣ не дастѣ, то мнѣ не надобно, и проку вѣ немѣ нѣтѣ. По этому и труда не стоитѣ, дабы мнѣ того желать, что до полученїя безпокоитѣ, послѣ полученїя мучитѣ; а какѣ его потеряю, то оно меня безмѣрно печалитѣ. Что до рукѣ моихѣ дойдетѣ, то я и дѣлаю. Что на меня придетѣ, то терплю. Чего снесть не могу, отѣ того удалюсь. Что мнѣ не надобно, того не требую. Чего получить не льзя, того не желаю. А чего перемѣнить не льзя, о томѣ и не печалюсь.

22.

Желанїя по состоянїю своему.

Ежелибѣ люди состоянїе свое прилѣжно разсматривали, то бы конечно стыдились того требовать, что имѣ не годно и не прилично. Почти всѣ люди хотятѣ состоянїе свое по себѣ, а вожделѣнїя ихѣ по состоянїю своему мѣрять. Но сїе многимѣ изѣ насѣ такѣ пристало, какѣ худо сшитое платье: то узько, то

широко; то долго, то коротко, а никогда не въ пору. Ежелибъ эти люди прямую мѣру съ силъ своихъ снявши, желанія свои по настоящимъ обстоятельствамъ ихъ учредили, тобъ и все въ согласіе пришло, а они бы въ совершенномъ спокойствѣ остались. Когда человѣкъ богатъ, тобъ ему не скупому и ненасытну, но щедру и великодушну быть надлежало. Ежели сего не будетъ, то ненасытное желаніе того, дабы отъ часу болѣе богатства собирая, никуда въ росходъ не терять, всего спокойства насъ лишитъ. А когда мы убоги, то долженствовало намъ осторожнѣе, бережливѣе, трудолюбнѣе и терпѣливѣйшимъ быть. Ежели мы иначе поступимъ, то недостатки отъ часу больше насъ утѣснивши, печаль нашу несносною намъ здѣлаютъ. Сіе безпокойство приходитъ обыкновенно отъ безпамятства такихъ людей, которые ни о состояніи своемъ, ни о желаемомъ ими прямо разсудить не могутъ, и той бѣдности основательно не понимаютъ, на которую столь многія тысячи людей съ печалью и воздыханіемъ напрасно жалуются. Эта ихъ мнимая, и толь страшная ихъ бѣдность; одинъ только недостатокъ малымъ числомъ излишествъ, которыя мечтательное лакомство за необходимыя весьма ложно имъ представляетъ, а разумная природа и безъ нихъ обойтись можетъ. Эти вещи до тѣхъ поръ намъ не надобны, пока мы ихъ пристрасно не пожелаемъ. Не тотъ бѣденъ, у кого мало, да тотъ подлинной бѣднякъ, кому много надобно. Развѣ то прямая бѣдность, что человѣкъ сѣрой кафтанъ и толстую рубашку носитъ? Ржаной хлѣбъ и грубую пищу ѣстъ; всякой день самъ работаетъ, излишняго себѣ не запасаетъ, слугъ при себѣ не имѣетъ, да самъ себѣ и господину своему служитъ? Этотъ (по свѣтскому именованію бѣдной) чистонравной человѣкъ, отъ работнаго на всякъ день поту (какъ Богъ ему велѣлъ) всегда добрымъ здоровьемъ наслаждаючись, о почечуѣ, о ипохондріи, о подагрѣ съ хирагрою, о сіятикѣ, и почти обо всѣхъ тѣхъ деликатныхъ болѣзняхъ ничего не знаетъ, которыми Вельможи да богачи обыкновенно мучатся. У него имѣнія такъ мало, что посреди разбойниковъ идучи пѣсни пѣть можетъ. Для сей-то важной причины многіе люди убожество великодушно несли, а другіе добрымъ произволеніемъ оное избрали. Царь и Богоотецъ Давидъ (въ десятомъ псалмѣ) убожество блаженствомъ называетъ. Отъ Царскаго корене его плотски возсіявый Христосъ Спаситель и Богъ нашъ, въ убогомъ образѣ на землю пришелъ. Лучшіе и разумнѣйшіе язычники отъ глубокой древности сіе признали, что спокойно жить желающему,

имѣ-

имѣнїемъ бѣдну, а духомъ нищу быть должно. Но богатой разумѣть сего не хочетъ, а умомъ понять не можетъ. Хотя временемъ видитъ, и внутренне чувствуетъ, что землeдѣлецъ щастливѣе его, только совершеннаго спокойства, и самимъ собою обладанїя достигнуть не въ состоянїи. Какъ, и чѣмъ бы намъ всю славу богатыхъ назвать? Она сундукъ наполненной мечтами, видимая прелесть, мать суеты и роскошей, пауковы тенета на мухъ и отъ непрїязни приходящее излишество. Вопреки тому бѣдной человѣкъ въ границахъ простой и неповрежденной натуры всегда пребываетъ. Буде у него во щахъ прянаго зелья, а на бѣдномъ столѣ его дватцати блюдъ французской поварни, да притомъ Шампанїя съ Бургонскимъ и Аглинскаго пива съ Венгерскимъ нѣтъ, то къ нему предъ симъ объявленныя боярскїя болѣзни очень не скоро придутъ. Отъ такого же неразсужденїя и тѣ люди печалятся, кто изъ высокаго достоинства въ упадокъ пришедши, того еще прямо не разсмотрѣлъ, подлиннуюль онъ причину къ печали имѣетъ. Пожалуй мнѣ скажи, что ты потерялъ? Буде хвалы человѣческой лишился, такъ ты ее слышать и въ себѣ чувствовать не станешь, ежели оную самъ себѣ чувствительною не здѣешь. Водяной пузырь прорвался, вѣтеръ дунулъ, стаканъ разшибся, чайная чашка изъ рукъ упавши разбилась, птица изъ клѣтки вылетѣла. Все это подобно твоей славѣ, за которую ты съ такою болѣзнью гоняешься. Что перемѣннѣе нрава славныхъ земли? Что непостояннѣе милости Вельможъ? Когда это вѣдаешь, за чѣмъ же и печалиться о такой грудѣ снѣгу, которая отъ лучей вешняго солнца очень скоро растаяла? А буде ты сего не видалъ, то подлинно труда стоитъ, чтобы это важное дѣйство въ практикѣ видѣть, и оному искусившись самому тебѣ эту чудную комедїю на свѣтѣ узнать. Буде ты въ этомъ упадокъ своею проступкою пришелъ, то собственнымъ вредомъ и убыткомъ своимъ уму научась, тѣхъ причинъ начни убѣгать, которыя тебя къ этой бѣдѣ привели. Ежели не ты въ этомъ виноватъ, то неповинностью своею веселись, а о томъ сердечно радуйся, что у тебя такой щастливой нравъ, которой отъ неправдъ и отъ обидъ враговъ твоихъ никогда не побѣждается. Ты больше объ нихъ, нежели о себѣ жалѣй. Развѣ тебѣ чужое мнѣнїе о твоихъ дѣлахъ понравилось? Это твое мнимое веселье суетою да самолюбїемъ повреждено. Тебѣ сїе гораздо полезнѣе, что ты случай получилъ сїе веселье воздержать, а самолюбїе бросить. Что тебѣ злой языкъ ругателей твоихъ здѣлаетъ? Ничего, ежели

ли ты собственнымЪ мнѣнїемЪ какЪ своимЪ ножемЪ самЪ себя не убьешь. За чѣмЪ тебѣ то допускать, чтобы люди тебя по своему произволенїю безпокоили? На что тебѣ самому себя для того бѣднымЪ дѣлать, что другїе люди злы? Лучше то вспомни, что ЭпиктетЪ сказалЪ: Слава Богу о томЪ, что враги мои всѣхЪ моихЪ пороковЪ и погрѣшностей не знаютЪ, а то бы они про меня больше нынѣшняго говорили. ІовЪ и ДавидЪ учатЪ насЪ тому, какЪ человѣку вЪ гоненїяхЪ и вЪ презрѣнїи отЪ людей поступать. Ежели тебѣ оба эти богоугодные мужи весьма святы, или (по твоему мнѣнїю) надЪ мѣру совершенными покажутся, такЪ уже хотя то разсуди, что языческой Цесарь МаркЪ Аврелїй кЪ женѣ своей фаустинѣ вЪ тѣ поры писалЪ, какЪ бунтующїй противЪ него КассїусЪ сего Монарха и Государя своего презрѣлЪ. Пускай непрїятель мой живЪ будетЪ, ежели онЪ достойнѣе, а отечеству полезнѣе меня и дѣтей моихЪ.

23.
Работа.

Я тѣмЪ отЪ намѣренїя моего ни мало не удалюсь, когда пользу трудовЪ представлю. Здоровому все здорово, а больному человѣку и лучшїя вещи вредны. Но понеже они такую кислоту вЪ себѣ имѣютЪ, которая внутреннюю ихЪ какЪ ржавчина желѣзо съѣдаетЪ: то симЪ людямЪ очень не худо будетЪ, когда они отЪ мокроты огустѣвшую кровь свою трудами и работою поразведутЪ, а жизненнымЪ духамЪ чрезЪ сей способЪ великую свободу и облегченїе здѣлаютЪ. ЧеловѣкЪ на труды и кЪ покою равно родился. Когда размышленїе наше перестанетЪ, тогда работѣ начаться должно; а ежели человѣкЪ сего не здѣлаетЪ, то какое нибудь злое вожделѣнїе, или страсть у дверей разума его постучится. Праздной духЪ сперва начнетЪ суетнымЪ желанїемЪ, или ложною надеждою себя ласкать. За тѣмЪ станетЪ скукою, любовью, или ненавистью терзаться. ПотомЪ нетерпѣливостью, или роптанїемЪ раздираючись, изЪ стороны вЪ сторону власно также помчитЪ бросяться, какЪ взадЪ и впередЪ порхающая ластовица туда и сюда безпрестанно летаетЪ, а сама не знаетЪ куда и за чѣмЪ летитЪ. ТакЪ точно праздной и лѣнивой человѣкЪ сЪ конца на конецЪ пространнѣйшаго города верстЪ по десяти для исканїя себѣ такой компанїи бѣгаетЪ и скачетЪ, которая его и видѣть не хочетЪ. Поистиннѣ: лѣностная жизнь гораздо тяжелѣ работы.

Душа лѣниваго непрестанно желаетъ, а яснѣе сказать, съ лѣности отолстѣвшiй и опустившiйся человѣкъ праздными желанiями всечасно мучиться. Сперва станетъ таковъ же любопытенъ, какъ дряхлые Аѳинцы. За тѣмъ впадетъ въ такiе же пороки, какъ лѣнивые Критяне. Напослѣдокъ уподобится изъ мятежа въ печаль и въ отчаянiе о томъ пришедшимъ Римлянамъ, для чего они доброе упустили, а злое исполнили. Нѣкоторой работникъ самъ о себѣ такую правду сказалъ: Я только въ тѣ поры веселъ и спокоенъ, когда у меня дѣло есть; а простая мнѣ пища вкуснѣе Сарданапаловыхъ столовъ. Поистиннѣ, тѣло человѣческое тогда только здорово, когда въ движенiи да въ трудахъ; а душа въ то время спокойна, когда мы надъ дѣломъ да за работою сидимъ. По сему до тѣхъ поръ человѣкъ благополученъ, пока въ томъ пребываетъ, на что родился, то есть, въ трудахъ и въ работѣ. Крайняго удивленiя достойное дѣло, что художники да земледѣльцы болѣзней очень мало, а душевнаго безпокойства и того меньше имѣютъ. Лѣность всѣмъ болѣзнямъ отецъ. Роскошь съ бездѣлiемъ это имъ родитель, а изобилiе съ забавами мать безпокойству душевному. Симъ мечтамъ и воздушнымъ привидѣнiямъ ежедневная работа съ трудами первое лекарство и лучшее исцѣленiе. Трудомъ чувства наши къ добру прiучаются, а работа содержитъ духъ человѣческой во всегдашнемъ спокойствѣ и въ веселiи. Ежели духу никакого дѣла не дать, то онъ ослабѣвши къ худымъ мыслямъ обратится. Чинъ и званiе всякаго человѣка къ повседневнымъ трудамъ обязуетъ. Никому изъ насъ съ объявленнымъ во святомъ Евангелiи лѣнивцами того сказать не льзя. Никто же ны наятъ. Ниодинъ разумной человѣкъ сего безумнаго слова не молвитъ, мнѣ дѣлать нѣчего. Кто о благополучiи отечества, также о собственномъ домѣ и добрѣ, а притомъ еще о пользѣ ближняго прилѣжно помыслитъ, тотъ ни на одинъ часъ безъ дѣла не будетъ. Хотябы человѣкъ никакого публичнаго, то есть, государственнаго чина въ отечествѣ своемъ не имѣлъ; однако ему должность умнаго человѣка исполнять необходимо надлежитъ. Прилѣжанiе съ трудами никогда не пропадетъ, и втунѣ не останется. Буде ни отъ кого работы ему не дано, то произвольнымъ трудомъ рукъ своихъ себѣ и ближнему пользу принесть можетъ. Не послѣдуй тому безумному старику, которой долголѣтiе свое сѣдыми волосами доказываючи, ни за что приняться не хотѣлъ. Ты помни первозданному человѣку со всѣмъ родомъ его отъ Всемогущаго Творца на вѣки данное повелѣнiе. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ

твой, вся дни живота твоего. Вся тварь на службу создана, а ты развѣ на одну роскошь да на забавы рожденъ? Не думаю я этого: Трудись же другъ мой на всякой день. Прилѣжно работай, пока ты жива, чтобы смерть не застигла тебя въ грѣшной праздности. Но дабы изъ этой помощи къ спокойству новаго мятежа и безпокойства не произошло, то должно всякому изъ насъ прежде всего то разсмотрѣть, къ какой службѣ и работѣ кто склоненъ, и къ чему отъ природы способенъ? Ты себя умными, то есть, мысленными очами разсмотря, прилѣжно того берегись, чтобъ беремя твое не ширѣ плечъ твоихъ было, а платежъ бы за сію ношу тебѣ же въ раскаяніе не обратился. И отъ того себя рачительно храни, чтобъ несклонная тягость трудовъ твоихъ не сравнялась съ каторжною работою. Всякое мѣру превосходящее принужденіе человѣческому естеству трудно, скучно и отчасти мучительно. Для сей причины такія дѣла по силѣ своей зачинай, которыя бы ты добрымъ произволеніемъ окончать въ состояніи былъ. Женскимъ лицамъ въ правленіи дому, въ воспитаніи дѣтей, и въ другихъ къ нему принадлежащихъ должностяхъ такъ много упражненія, что имъ больше сихъ трудовъ никогда дѣла предписывать не надобно. Разумнѣйшимъ изъ женъ чтенія полезныхъ и добродѣтелямъ учащихъ книгъ отнюдь не отрицаю, только Боже ихъ сохрани отъ читанья душевредныхъ повѣстей и любовныхъ басенъ. Демокритъ говаривалъ: не много работай, ежели хочешь спокоенъ быть. Не лучшель было ему такъ сказать: Все исправляй, что такому разумному человѣку дѣлать должно, который родился на общую всѣмъ намъ пользу. Удовольство наше въ томъ, что человѣкъ добро дѣлаетъ; а покой отъ того, что не много трудился. Ежелибъ мы отъ словъ и отъ дѣлъ своихъ ненадобное да праздное почасту отнимали, то бы больше времени къ благотворенію, а меньше случая къ печалямъ имѣли. Ты надъ всякимъ дѣломъ самъ себя спроси: Надобноель мнѣ, и не напрасное ли это дѣло? Симъ способомъ не только съ ненадобными дѣлами, да со всѣми непотребными мысльми поступая, великую помочь къ спокойству душевному получишь.

24.

Уединенное размышленіе.

Эти умныя мысли сходны съ природою и съ состояніемъ разумныхъ людей. Человѣку до тѣхъ поръ спокойну быть не льзя, по-

пока онъ указанію и руководству сихъ разумныхъ мыслей въ дѣлахъ своихъ слѣдовать не станетъ. Какъ лошадь къ ѣздѣ и воженію, а собака на гоньбу и ловлю, такъ (по слову Аристотелеву) человѣкъ на работу и къ размышленію сотворенъ, а не только на то созданъ, чтобъ ему пить, ѣсть, да дѣтей родить, какъ звѣрямъ и безумнымъ тварямъ. Дражайшій разумъ не на роскошь и обжирство, да весьма на иное человѣку данъ. Къ нашему благополучію не довольно того, чтобъ на малое время веселу, здорову, или спокойну быть. Это благополучіе состоитъ въ отвращеніи зла, въ пріобрѣтеніи постояннаго спокойства, и въ снисканіи всякаго блага душамъ нашимъ. Не со Аристипомъ въ сладострастіяхъ, ниже съ Еронимомъ во удержаніи болѣзней, но въ добрыхъ дѣлахъ и въ благихъ мысляхъ. Печалямъ своимъ пользы и утѣхи, а нравоученію приращенія; такихъ людей ищи, которые безъ чужаго мнѣнія своему разсужденію слѣдуютъ, а спрашиваются у своей практики, то есть, у собственнаго искусства. Сіе мудрое размышленіе необходимо того требуетъ, чтобы человѣку въ себя пришедши, душу свою отъ свѣтскаго шуму и мятежа всею силою отвлекать, наподобіе такихъ пьяныхъ людей, которые ни на какое подносимое имъ вино не смотря, и ни чьей прозьбы не слушая, всею возможностью для того изъ рукъ рвутся, чтобы имъ до постели добѣжавъ поскорѣе выспаться. Необузданныя прихоти съ сильнымъ соблазномъ новой моды, и развращенно съ принятымъ худымъ обычаемъ хотятъ умнаго человѣка къ тому привесть, что ему не сродно, и весьма не пристало. Но понеже такой видъ есть, что они человѣка изъ собственнаго дому выгнать хотятъ, то намъ противу сихъ безстыдныхъ гостей сильную строгость употребя, съ самаго начала на шумъ ихъ смотрѣть и имъ поддаваться отнюдь не должно. Самъ ты со временемъ увидишь, какая тебѣ отъ сего размышленія польза произойдетъ. Мнѣ такіе люди про нее сказывали, которые отъ несноснаго духу ихъ шуму и отъ мятежа большихъ городовъ удалясь, а потомъ въ близкихъ оттуда мѣстахъ спокойно живучи, больше покоя и удовольства имѣли, нежели при Дворѣ, также въ статской и въ военной службѣ. Тамъ-то человѣкъ подлинно веселъ и совершенно спокоенъ, а до сего блаженнаго уединенія внѣ себя бывши, по чужимъ дворамъ бродилъ. Тамъ онъ причины своего неудовольства въ собственной слабости найдетъ. Тогда уже все то отъ него удалится, что страсти съ вожделѣніями въ человѣкѣ возбуждало. Тутъ ты въ самомъ себѣ увидишь тѣ отворенныя двери,

ри, которыми неудовольство съ мечтою въ душу твою ворваться хотѣло. Тамъ веселое смотренiе на сады и огороды свои, на поля, на луга, и на всю въ Маiѣ мѣсяцѣ новою зеленью покрытую землю душу твою такъ обрадуетъ, что самъ себя такими мыслями спрашивать начнетъ: Какая это вещь была, что мнѣнiе мое по се время темными мечтами устрашала? Стоитъ ли она того, чтобы мнѣ объ ней печалиться? Сама я это вижу, и знаю, какъ малымъ натура довольна. Почтожъ мнѣ многаго желать и чужое грабить? Возьму ли я что нибудь на томъ свѣтъ съ собою? Ни синя пороха въ гробъ со мною не положатъ, да все на землѣ останется. Что мнѣ въ чужой славѣ и въ лестныхъ похвалахъ прибыли? За чѣмъ я о томъ печалюсь, чего перемѣнить не могу? Не глуполь о томъ думать и тужить, что не въ моей волѣ и власти? Подлинноль въ этомъ честь и слава, а въ томъ стыдъ да безчестье? Не противно ли это воли Божiей, и сходноль со здравымъ разумомъ? Умаляетъ ли оно, или умножаетъ человѣчество наше? Почти всѣ умные язычники на тѣ поры и времена такъ разсуждали, когда какое либо вожделѣнiе ихъ обезпокоивало. Для безпрепятственнаго пребыванiя въ толь полезныхъ размышленiяхъ удалялись на время отъ компанiи, и укрѣпивши себя заповѣдьми мудрости, возвращались они по прежнему къ дѣламъ своимъ. Всею возможностью укрѣпляли себя отъ нападковъ поспѣшенiя и торопливости, также отъ всякихъ прелестей съ послѣдующимъ за ними безпокойствомъ и устрашенiемъ души. Нѣмецкой дворянинъ Биландеръ силу умнаго размышленiя въ тѣ поры увидѣлъ, какъ случившуюся ему печаль выѣздомъ для прогуливанiя разсыпать хотѣлъ. Равныя поля и цвѣтами усыпанные луга выгнали изъ головы его весь страхъ и причиненныя отъ печали мечты. Умъ его по видимому горизонту распространяясь всѣ причины печали своей терять началъ. Между сими ѣдущаго Биландера веселыми размышленiями лошадь его вдругъ отъ того испужавшись поперошилась, что бѣлыми цвѣтами усыпанной калиновой кустъ увидѣла. Дворянинъ иноходца своего шпорами ударя ближе къ кусту подъѣхалъ. Лошадь къ самому кусту подошедши стала его обнюхивать. Биландеръ до тѣхъ поръ мимо куста взадъ и впередъ ѣздилъ, пока иноходецъ куста ни мало уже не боялся. Печаль свою разсѣвающiй дворянинъ отъ сего мѣста далѣе поѣхавши сталъ въ себѣ разсуждать: Всѣ меня мучившiя печали подобны этому калиновому кусту, а мечта сравнялась съ лошадью моею, которая куста испужалась. Разу-

уму надлежитъ мнѣнїе всею силою воздерживать. Теперь уже самъ вижу, что скучныя печали мои въ прїятные цвѣты перемѣняются. Хотя они изъ жестокаго терновника выросли, только на видъ оченъ прїятны, и въ душевномъ лекарствѣ цѣлительную силу имѣютъ. Ктожъ бы изъ умныхъ людей не похотѣлъ о томъ постараться, чтобъ бѣды, или печали свои Бландеровымъ способомъ узнавать, а у мечти своей наглыя, или пужливыя представленїя прямимъ и правымъ употребленїемъ здраваго разума справедливо отнимать?

25.

Симъ бы способомъ совершенное спокойство, или на послѣднюю мѣру безпристрастное мнѣнїе о тѣхъ вещахъ въ насъ произошло, которыхъ перемѣна не въ нашей силѣ. Онѣ ни чѣмъ неподвижны, хотябъ человѣкъ смѣялся, или плакалъ. Почтожъ я о томъ печалюсь, что обо мнѣ не думаетъ? Что не въ моей волѣ и власти, (говоритъ Эпиктетъ), то чужое; а что не въ моей силѣ, то до меня не касается. Чтожъ бы не въ моей силѣ было? Все, что внѣ меня. Тѣло со всѣми припадками его. Богатство, честь, друзья, враги, дѣти и рабы, это все внѣшнее, или наружное у человѣка. А въ моей силѣ что? Нравъ, мысли, мечта, воображенїе, праведное и ложное мнѣнїе, вожделѣнїя, любовь, ненависть, страхъ, надежда, и другїя страсти. Для того надлежитъ мнѣ сими внутренними силами внѣшнїе припадки къ пользѣ своей всею возможностью обращать. Понеже Всемогущїй Творецъ означенныя вещи не въ моей силѣ и возможности поставилъ: то Онъ такую мнѣ силу даровалъ, дабы ихъ въ мое спокойство употреблять. Для чегожъ человѣку суетнымъ и ложнымъ мнѣнїемъ собственному благополучїю препятствовать? Агриппѣ сказали, ты въ ссылку назначенъ. А онъ имъ отвѣчалъ: Такъ я сего дня обѣдать буду въ Варницѣ. (мѣстечко) Ежели часъ смерти моей придетъ, то я на подобїе такого человѣка умру, которой взаимы взятое со благодаренїемъ возвращаетъ. Я бы теперь поѣхалъ друга своего навѣстить, да великое ненастье на дворѣ. Что же мнѣ дѣлать? Терпѣть пока дождь и слякоть перестанетъ. Для чего мы при всѣхъ случаяхъ жизни нашей не также поступаемъ? Моя ли въ томъ вина, что одинъ упрямъ, а другой своенравенъ? Я тому препятствовать не могу, что однихъ людей злость, а другихъ безумїе такую бурю въ свѣтѣ причиняетъ, Ксантипа бѣсится, а Сократъ

ей уступаетъ. На дворѣ дождь, слякоть и всякая непогодь, а я въ теплой избѣ сижу. Когда сильной вѣтръ увижу, въ тѣ поры на море не поѣду. Въ горницѣ у меня дымно, я на часъ изъ нее выду. Все это скоро перемѣняется, а печаль долго, вѣчнѣе всего. За чѣмъ же мнѣ ее самому себѣ причинять? Лучше я сію тягость свою облегчать стану. Это у единаго Бога во власти, дабы все по Его святой волѣ и премудрости дѣлать. Наша должность все терпѣть, чего перемѣнить не можемъ, а особливо тогда, ежели мы пришедшей на насъ бѣдѣ невиновны. Радость съ веселіемъ о доброй совѣсти въ разумной душѣ тогда сильнѣе бываетъ, какъ печаль о случившейся нуждѣ, или о нечаянной горести умножаться начнетъ. Лучше терпѣть въ неповинности, нежели въ винѣ и въ неправдѣ своей веселиться.

26.

Какое отъ сего равнодушіе происходитъ.

Изъ сихъ умныхъ разсужденій такое въ душѣ человѣческой спокойство родится, отъ котораго всѣ безпокойныя страсти власно какъ тучи отъ солнечнаго сіянія намедлѣнно исчезаютъ. За тѣмъ начинается равнодушіе, а именно, Діодорово да Іеронимово нечувствованіе болѣзней. Равнодушной Аристенъ обо всемъ на свѣтѣ безпристрастно разсуждалъ. Искусство (практика) научило его тому, что на свѣтѣ ничего совершеннаго нѣтъ. Все на землѣ смѣшано: Доброе съ худымъ, забава съ печалью и скукою, надежда со страхомъ, а наслажденіе съ горестью и лишеніемъ. Сей-то суетѣ все земное подвержено. Между умными и безумными первое и главнѣйшее различіе то, что умные люди правду съ неправдою, ложное добро съ истиннымъ благомъ, а худое съ хорошимъ распознать могутъ. Премудрость Всемогущаго Творца сіе несовершенство во все земное за тѣмъ положило, дабы человѣкъ не отрицался все это съ разумомъ употреблять, съ равнодушіемъ всего отвергнуться, а при смерти своей съ радостію оставить. Сіе ко успокоенію и къ содержанію всякаго человѣка служитъ, чтобы такая же перемѣна и внутри насъ была. Ежели бы человѣкъ печали не вкусилъ, тобъ и радости не зналъ. Когда временной печали основаніемъ вѣчнаго веселія быть должно, то за чѣмъ я тѣхъ добрыхъ часовъ въ кротости и въ спокойствѣ не жду, которые злымъ моимъ днямъ на смѣну притти имѣютъ? Эпиктетъ написалъ: Ты въ своей жизни власно какъ

на

на пиру поступать долженъ. Ежели часть какой ѣствы тебѣ поднесутъ, то протянувши руку со благодаренїемъ прими; а когда тебя обнесутъ, то за сїе не сердясь жди того, пока что до тебя дойдетъ. Такъ власно съ женою, съ дѣтьми, съ рабами, съ честью, съ богатствомъ и со всѣмъ имѣнїемъ твоимъ поступай, ежели достойнымъ гостемъ Божїя пира учинить себя хочешь. А буде поданнаго не принявши въ велико не поставишь, то не гостемъ, но участникомъ царствїя Божїя будешь. Сїе Сократа, Ераклита и другихъ любителей мудрости Божїими людьми учинило. Хотя это состоянїе души и высоко, однакожъ человѣкъ праведнымъ разсужденїемъ получить его можетъ. И самыя стихїи нечисты. Высочайшая сладость наибольшую горесть въ себѣ имѣетъ, а въ укусѣ сахаръ есть. Подождужъ я во всякой спокойности, и начну отъ нынѣшней моей сладости кислоту да горесть разумно отдѣлять. Или того дожидаться стану, пока уксусъ печалей моихъ со всею житейскою горестью въ желаемую сладость самъ обратится. Премудрѣйшїй на свѣтѣ Соломонъ всего искалъ, чтобы человѣческое спокойство поспѣшествовать могло. Но кромѣ суеты и прелестнаго смѣшенїя ничего добраго и душеполезнаго не нашедши, къ лучшему успѣху мира и спокойства нашего то за лучшее призналъ, дабы человѣку все видимое за скоро преходящую стѣнь почитая, всякой день въ трудахъ обращаться, а притомъ веселу и спокойну быть. Я пришедши въ компанїю, увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые въ карты играли. Одинъ изъ нихъ очень жаденъ къ выигрышу, и отъ того нетерпѣливъ, а другой напротивъ сего тихъ и такъ равнодушенъ былъ, что выигрышъ и проигрышъ за едино почитая, у соперника своего знатную сумму денегъ выигралъ. Для чегожъ бы намъ и во всей комедїи, какъ въ самой игрѣ жизни нашей, не также поступать? развѣ мы нетерпѣливостью своею выиграть думаемъ? Никакъ: Отъ нее кромѣ проигрышу никакой пользы не будетъ. Бѣдная та игра, которая человѣка въ толь сильной восторгъ приводитъ, что онъ себя, душу свою и вѣчное блаженство забываетъ. Не лучшель ему все внѣшнее разуму покоривши, въ настоящемъ терпѣливу, а въ разсужденїи будущаго спокойну быть. Всякъ изъ насъ можетъ съ Эпиктетомъ равнодушно сказать: Мнѣ это все равно и едино: мало или много; я богатства, чести, славы, забавъ, и того на свѣтѣ получу, что свѣтскїе люди щастьемъ не знаючи называютъ. Я все это волѣ и судьбѣ Божїей предавши стану конца моего безъ страха и безъ муки спокойно ожидать.

27.

Умѣренное раченїе о тѣлѣ своемъ.

Порядочное обращенїе крови и жизненныхъ духовъ къ равнодушїю человѣческому много способствуетъ. Сїя равнодушность тѣмъ болѣе возвышается, чѣмъ полнѣе и постояннѣе человѣческое здоровье пребываетъ. Мы тѣлу своему надлежащее содержанїе пищею и одеждою для того давать должны, что человѣкъ въ то время веселъ и здоровъ, когда сытъ, одѣтъ и по своей мѣрѣ доволенъ. Мы должны сїе великое благодѣянїе Всемудрѣйшаго Творца со смиреннымъ благодаренїемъ признавать, что Онъ спокойства душъ нашихъ съ тѣлесными вещьми не соединилъ. Ни чѣмъ кромѣ смерти нераздѣльное соединенїе души съ тѣломъ, естественная тому причина, что душа участницею тѣлесныхъ припадковъ весьма часто бываетъ. Для сего - то разумной душѣ о здоровьѣ тѣла также власно какъ хозяину о домѣ своемъ усердно стараться надлежитъ, дабы дворъ его прежде времени не обветшалъ и не роспался. Которыми орудїи душа дѣйствуетъ, тѣ инструменты тѣлесными соками захватываются, а эти соки веселостью души и жизненныхъ духовъ также чисты и тонки быть могутъ, какъ воздухъ. Сїя - то чистота съ тонкостью жизненныхъ духовъ къ содержанїю здоровья нужнѣе всего. Тихой и веселой нравъ всегдашняя человѣку радость, а невоздержанїе, гнѣвъ и печаль всю человѣческую жизнь въ огорченїе приводитъ. Воздержанїе страстей, трезвость и порядочное житье отъ многихъ болѣзней человѣка охраняетъ. Естественная теплота подъ игомъ невоздержностей и подъ вѣтромъ роскошей прежде и скорѣе всего угасаетъ. Для сей причины здоровью человѣческому весьма сїе полезно, дабы стремленїе и невоздержность страстей воздержанїемъ и постомъ укрощать. Тѣло человѣческое отъ природы своей таково, что перемѣною укрѣпляется. Умѣренная хольба къ сохраненїю здоровья весьма способна. Цицеронъ къ болящему другу своему Аттику такъ писалъ: Я тебѣ желаю добраго апетиту, скораго варенїя желудка, убѣганїя скуки и печали, размѣрнаго прохаживанїя, позволенной забавы и отворенїя живота. У коего эти обстоятельства будутъ, тотъ на болѣзненные припадки очень рѣдко жаловаться станетъ.

28.
Добрая бесѣда.

Лучшее увеселенїе человѣческой жизни поспѣшествуется доброю компанїею, то есть, собранїе честныхъ людей. Сердца человѣческаго ничто такъ не веселитъ, какъ вѣрной другъ. Всѣмъ намъ сїе сродно, дабы сердечную печаль другу своему открывши, помощи и совѣта у него просить. Я тебѣ такого друга желаю, котораго веселость твоею радостью, сердце его хранилищемъ твоихъ таинъ, разговоръ его совѣтникомъ твоимъ, а рѣчь и разумъ его прогонителемъ твоихъ печалей да буде. Сей другъ то самое предрагое и рѣдчайшее на свѣтѣ сокровище, о которомъ Сирахъ пишетъ: Другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ. Другови вѣрну нѣсть измѣны, и нѣсть мѣрила добротѣ его. Только и такїе чудные на свѣтѣ случаи бываютъ, что лучшїй у человѣка другъ причиною горшей печали его здѣлаться можетъ. Въ другѣ не только того смотрѣть, чтобъ онъ молчаливъ да вѣренъ былъ. И плуты плутамъ такъ вѣрны, что взаимнаго злодѣйства своего никому не открываютъ. Въ честномъ другѣ еще другихъ свойствъ и лучшихъ сего добродѣтелей искать должно. Дружба пороками зараженныхъ людей доброму человѣку всегда опасна. Гдѣ прямой добродѣтели нѣтъ, тамъ истинной дружбѣ быть не льзя. Изволь же дорогой читатель самъ разсудить, сколь великая къ тому осторожность надобна, чтобы намъ такихъ злыхъ людей въ друзья себѣ не выбрать, которые и насъ повѣтрїемъ своимъ заразивши, вмѣсто чаемой отъ нихъ утѣхи и помощи горшее тебѣ безпокойство причинить могутъ. Славной Кемписъ къ не малому удивленїю совѣтуетъ съ женскими лицами въ близкую дружбу, въ скорое знакомство и откровенное обхожденїе отнюдь не вступать, да съ лучшими изъ женъ при одномъ нѣжному полу ихъ должномъ почтенїи всегда оставаться. Знать сей славной мужъ на дѣлѣ искусившись узналъ, что краснаго лица жены самые тѣ страшнѣйшїе камни искушенїя и соблазновъ, объ которые душевное спокойство разбивается. Напротиву сего и женамъ отъ близкаго знакомства и откровеннаго обхожденїя съ мущинами чести и славы очень не много, а душевнаго спокойства и того меньше будетъ. Ежелибъ мы въ золотомъ вѣкѣ жили, тобъ истиннаго себѣ друга скорѣе нашли. Но понеже мы не только въ желѣзномъ, да въ самомъ чугунномъ, то есть, въ развращеннѣйшемъ времени живемъ, то надобно уже при томъ другѣ оставать-

ваться, которой не хуже и не злѣе другихъ. И такихъ людей компаніи рачительно убѣгай, которые всѣхъ и все переговариваютъ. Многолюдная компанія больше причины къ опасности и къ безпокойству подаетъ, нежели къ увеселенію служитъ, для того что между людьми больше безумныхъ и злыхъ, нежели разумныхъ и добрыхъ. Чѣмъ далѣ въ многолюдство пойдешь, тѣмъ больше тебя тѣснить станутъ. Для сей - то важной причины два или три выбранныхъ друга лучше многолюдной бесѣды. Въ выборѣ друзей совершенства не надѣйся, да такъ ихъ бери, каковы люди есть, и какими тебѣ на особливое щастіе попадутся. Того наиболѣе смотри, дабы тотъ человѣкъ доброй, кроткой, благонравной и примирительной былъ, кого ты себѣ въ друзья взять намѣряешься. Кто себя несовершеннымъ и бѣднымъ признаваетъ, тотъ къ дружеству способнѣе всѣхъ. Любовь здѣлаетъ въ сердцѣ его различныя ступени добродѣтелей, по которымъ степенямъ духу сего человѣка восходить и низходить, смотря по состоянію тѣхъ людей, съ кѣмъ ему дружиться. Такой человѣкъ слабости ближняго узнавши, не убоится предъ Монарха своего притти, а тѣмъ не постыдится и не побрезгуетъ, чтобы ему подлѣ земледѣльца, или подлѣ боку мастероваго человѣка сѣсть. Онъ вездѣ разумъ почтетъ, гдѣ его ни найдетъ, а добродѣтелью всегда веселиться станетъ, хотябъ она подъ золотыми парчами, или бы подъ сѣрымъ сукномъ была. Ежели нечаянной случай въ такую бесѣду его приведетъ, гдѣ люди нѣчто противъ добродѣтели дѣлаютъ и говорятъ, то о семъ по примѣру гордаго фарисея роптать не станетъ, да съ веселымъ Цицерономъ такому случаю посмѣется. Сей у римлянъ славнѣйшій Ораторъ и философъ о такой бесѣдѣ къ другу своему Петусу слѣдующее писалъ: Я эту грамоту къ тебѣ отправя, въ девятомъ часу вечера ужинать пошелъ. Буде спросишь куда? Къ веселому Волумнію. Тамъ по правую у меня руку лежалъ Верріусъ, а по лѣвую Аттикъ. Оба тебѣ друзья! Развѣ тебѣ это дивно, что я въ нещасть̀ѣ своемъ такъ веселъ быть могу? Чтожъ мнѣ другое дѣлать? Развѣ безпрестанно крушиться да плакать? А что я себѣ тѣмъ помогу? Ты мнѣ скажешь, забавляйся письмомъ да чтеніемъ книгъ; у меня то и веселье. Какъ бы мнѣ безъ этой честной и полезнѣйшей забавы прожить? Только и въ этомъ трудѣ мѣра надобна. Человѣкъ отъ письменной работы скорѣе другаго дѣла устанетъ. Когда я за книги примусь, въ тѣ поры жену съ дѣтьми и весь римъ забуду. Спроси ученыхъ людей, они тебѣ скажутъ,

жутъ, сколько къ сему дѣлу времени надобно. Я тебѣ еще больше скажу. Противъ насъ на канапе лежалъ Евтрапель, а у ногъ его сидѣла Цитера. Ежели мнѣ скажешь, въ такую-то бесѣду постоянной нашъ Цицеронъ зашелъ! Какъ тамъ люди на почтенное лице твое смотрѣли? Какія уши тѣхъ устъ слушали, передъ которыми весь Римъ молчитъ? Истинно я не зналъ, что Цитера тамъ будетъ. Не стыдился же Сократовъ ученикъ Аристипъ въ тѣ поры, какъ его тѣмъ упрекали, что онъ съ Лайсою въ одной компаніи сидѣлъ, а философъ имъ отвѣчалъ: Хотя Лайса подлѣ Аристипа и сидитъ, только она имъ не овладѣетъ. Самъ ты довольно знаешь, что меня такія лица съ молоду не прельщали, а теперь уже на старости конечно не поколеблютъ. Я въ компаніи за тѣмъ охотно сижу, что все на умъ мнѣ приходящее свободно тамъ говорю. Съ утра до полудни пишу да читаю. Въ полдни придутъ ко мнѣ друзья. Съ ними я за обѣдъ сѣвши, еще меньше того говорю, нежели законы дружества дозволяютъ. Для того ты моей компаніи не бойся. Я у тебя такой гость буду, которой мало ѣстъ, а много шутитъ. Желаю тебѣ здравствовать. Сей примѣръ кажетъ разумъ такого язычника, которой въ компаніи будучи, себя и людей непорочно увеселить старается. Острота разума и скромность могутъ человѣку при такихъ случаяхъ вмѣсто свѣтильника служить. Но всякому изъ насъ то должно помнить, что Богъ человѣку два уха, а одинъ ротъ и одинъ языкъ на то далъ, чтобы мы больше слушали, а меньше говорили. Уши сама природа за тѣмъ отворенными устроила, чтобы человѣку больше слушать, а отъ самой бы натуры затвореннаго рта безъ причины и безъ разсужденія намъ не отворять. Человѣкъ симъ способомъ много безпокойства убѣжать можетъ, ежели въ компаніи сидя рѣчей и разсужденія другихъ людей не опровергаетъ, а за свое мнѣніе упорно не стоитъ. Ежелибъ только подумать, какъ мало мы бѣдные люди знаемъ, то бы человѣкъ происходящіе въ компаніяхъ разговоры больше къ собственному наставленію, нежели къ строгому ученію другихъ людей употреблялъ. Буде мы себя въ такомъ состояніи усмотримъ, что другимъ людямъ наставленіе дать можемъ, то надлежитъ сіе пріятнымъ разговоромъ и дружелюбнымъ увѣщаніемъ, а не строгими заповѣдьми, или высокогласными повелѣніями дѣлать. На чужія продерзости должно намъ ушами отвѣчать, а усты бы твои къ жестокому обличенію и къ ругательству ближняго никогда не отворялись. Ежели противники твои ядовитаго языка своего на осел-

оселкѣ злобы точить, и славу добраго человѣка сею бритвою рѣзать не престаютъ, то отъ такихъ бесѣдъ бѣгай, и всею возможностью уклоняйся. Мнѣ случилось въ компанiи съ такою госпожею сидѣть, катора на зашедшiе о безпокойствѣ разговоры такъ отвѣчала: Къ убѣжанiю душевнаго безпокойства лучше того способа нѣтъ, какъ молодому человѣку поранѣе жениться. Но тяжкими послѣ сего слова воздыханiи и пролитыми слезами къ наставленiю всѣмъ въ собранiи бывшимъ дѣйствительно объявила, что супружеское житье премногимъ сѣтямъ, искушенiямъ, бѣдамъ, печалямъ и великимъ горестямъ подвержено.

29.

Игра, путешествiе и музыка.

Послѣ честнаго обхожденiя въ компанiяхъ есть позволенные способы ко увеселенiю человѣческому. Ежели игрѣ не для корыстнаго и пагубнаго выигрышу быть, то билiардъ къ движенiю тѣла, шахматы къ поощренiю ума, а ломберъ къ забавѣ служить можетъ. Однимъ нравится музыка, другимъ людямъ путешествiе мило, а третiе художествами забавляются. Я будучи въ Парижѣ, познакомился съ Парламентскимъ Совѣтникомъ, который золотыя да серебреныя вещи лучше мастеровъ дѣлалъ, а въ алмазахъ и въ дорогомъ каменьѣ великую силу зналъ. Этотъ искусной человѣкъ, и многими добродѣтельми украшенной мужъ, часто меня посѣщая, на пагубное злонравiе одноземцовъ своихъ весьма справедливо жаловался. Я умныхъ его жалобъ слушая, самъ въ себѣ подумалъ: Не только намъ однимъ иноземцамъ, да всей бы Европѣ Бога о томъ молить надлежало, чтобы земляки твои французы въ наши краи никогда не ѣздили, и своему бъ злонравiю насъ не переучили, отъ котораго теперь всѣ Христiянскiе народы нечувствительно заразились. Остроумнѣйшiй въ Монархахъ Соломонъ во всякихъ случаяхъ молодости своей всего на свѣтѣ смотря отвѣдывалъ. Но кромѣ мудрости и трудолюбiя нигдѣ и ни въ чемъ совершеннаго спокойства не нашелъ. Для того заранѣе къ нему возвратясь, книгу Экклезiаста своего, увѣщанiемъ къ страху Божiю и храненiямъ заповѣдей Его весьма разумно заключаетъ. Первыя его увеселенiя были безгрѣшныя. Сей премудрой Царь строилъ себѣ домы; заводилъ сады и винограды; разсматривалъ натуру травъ и деревья; привелъ въ порядокъ земледѣлство; учредилъ многiе заводы; но между сими надъ мѣру великими трудами и чрезвычай-

До театру ходыть не можно, а бельведеры пыть грих

чайнымъ попеченіемъ о земныхъ, сердце его отъ Бога отвлеклось. Страсти возмутились; великое и вседневное увеселеніе произвело роскошь, которая пѣвицами да комедіянтами началась, а окончалась грѣшнымъ и душепагубнымъ многоженствомъ. Изъ сего видно, съ какимъ размѣромъ, и коль съ великою осторожностью человѣку всякое земное веселіе употреблять должно, дабы оное сперва излишнимъ, послѣ того злымъ, а на конецъ беззаконнымъ употребленіемъ своимъ причины къ новому безпокойству въ насъ не произвело. Отъ сего-то злаго употребленія свѣтскихъ забавъ въ смятеніе пришедшій Царь Соломонъ неизбѣжное отъ него безпокойство свое въ Экклезіястовой книгѣ разсыпать старался. Но понеже ему возстановленіе прежняго спокойства такъ много печали и труда не причинило: то съ тѣми людьми что уже будетъ, которые ни въ тысячную долю разума противъ Соломоновой премудрости не имѣютъ? Хотя всѣ позволенныя забавы особливую въ себѣ пріятность содержанъ, только онѣ первой и ближайшій путь къ злому употребленію, а за тѣмъ и поводъ ко грѣху подаютъ. Эти забавы подобны фальшивому лекарству, отъ котораго больнымъ ни малой пользы не бываетъ, и быть не можетъ. Ко очищенію и къ спокойству души, чашки, кофе съ молокомъ, да бутылки Шампанскаго съ веселою бесѣдою отнюдь не довольно, но весьма иныя обстоятельства къ тому надобны. И того еще за подлинно сказать не льзя, можноль человѣку до тѣхъ поръ совершеннаго спокойства достигнуть, пока твердаго о томъ намѣренія не возьмешъ, чтобъ ему настоящимъ чиномъ, житьемъ и состояніемъ своимъ довольну быть. Все то настоящее, будущее, или прошедшее, о чемъ человѣкъ печалиться можетъ. Настоящее скоро проходитъ, и больше причины къ желанію, нежели къ безпокойству и печалямъ. Минувшаго уже нѣтъ. Какъ же не безумно, о томъ человѣку печалиться, чего нигдѣ сыскать не льзя? Будущее впереди, а придетъ, или нѣтъ, того никому знать не льзя? На чтожъ тебѣ о томъ крушиться, чего еще не бывало? Да я боюсь того, чтобы мнѣ безщастнымъ, больнымъ, или бѣднымъ не здѣлаться. Для чего тебѣ не извѣстными дѣлами себя мучить? За чѣмъ не можешь щастливъ, богатъ, или здоровъ быть? Почто твоему страху выше надежды простираться? Чегобъ ради тебѣ изъ двухъ бѣдъ меньшаго зла не выбрать? Для какой бы причины человѣку изъ настоящаго состоянія своего лучшаго житья не здѣлать? Ежели тебѣ прошедшее способъ къ размышленію о душевномъ спокойствѣ

подавало, такъ о чемъ ты и жалуешься? Цицеронъ пишетъ: Мое утѣшенiе въ нынѣшнемъ нещастьѣ то, что я способъ и случай получилъ къ размышленiю о мудрости, дабы оную сынамъ отечества моего объявить. А что человѣку лучше и полезнѣе сего?

30.

Напоминанiе минувшаго.

Эта обыкновенная неблагодарность злаго, лукаваго и прелестнаго свѣта, чтобъ минувшее отъ людей учиненное намъ благодѣянiе забывать, да тѣмъ только мучиться, что оно перестало. Вся свѣтлость прежняго веселiя исчезаетъ, какъ скоро рѣка жизни нашей въ мутную лужу скуки и печалей впадетъ. Намъ должно было о томъ радоваться, что мы такъ много блага получили, а за прошлые спокойные дни и лѣта наши Бога усердно благодарить. Симъ бы мы способомъ и печальное время свое въ радостные часы обратившии за благодарность свою отъ милосердаго Бога но вое благословенiе всеконечнобъ получили. Намъ къ сему дѣлу весьма нуженъ остропамятной и благодарной Симонидъ, дабы насъ симъ двумъ добродѣтелямъ научилъ. Мы отъ природы своей такъ повреждены, что доброе очень скоро забываемъ, да вопреки тому всякое зло весьма долго помнимъ, а намъ оное скоро забывать надлежало. Когда уже язычникъ Епикуръ къ поспѣшествованiю душевнаго спокойства совѣтуетъ минувшее зло какъ наискорѣе забывать, а полученныя отъ людей благодѣянiя какъ можно чаще помнить: то для чего Христiянамъ въ этомъ дѣлѣ безумнѣе Епикура быть? Подобные ему язычники, Темистоклъ да Орестъ, прошлую печаль свою скоро забывали. Выгнанной изъ Рима славной полководецъ Марiусъ наготу и голодъ терпѣлъ. На побѣгѣ отъ гонителей по самую шею въ болотѣ стоя, прежнiя свои благополучiя напоминаетъ, а настоящую бѣдность его прiятною памятью прошлыхъ побѣдъ и трiумфовъ своихъ облегчаетъ. Когда Цицеронъ въ ссылкѣ своей увидѣлъ, что печаль да жалоба ничего ему не помогаетъ, то и онъ власно тѣмъ же способомъ себя утѣшалъ. Какъ враги и гонители его утѣснили, то сей славнѣйшiй мужъ удалясь отъ нихъ, тѣмъ напоминанiемъ веселился, что отечество свое отъ крайней погибели спасъ, Римскому народу полезнѣе всѣхъ враговъ своихъ былъ, а настоящее нещастiе безвинно терпитъ.

31.

* Истинное спокойство выше и дороже всего свѣта.

* Прямое спокойство въ недостаткѣ лучше безпокойства въ изобилiи и въ великомъ богатствѣ. Македонской Царь Александръ, по прозванiю великой, почти уже цѣлаго свѣта обладателемъ учинившись, на то время плакалъ, какъ ему сказали, что есть иной свѣтъ и жизнь безконечная. Кратесъ великою бѣдностью своею доволенъ. Напротивъ того Александру всего свѣта мало казалось. А философъ Анаксархъ въ крайнемъ неимуществѣ живучи, всегда веселъ былъ. Тихой нравъ и спокойное сердце безстрастей, Божiимъ жилищемъ и престоломъ истинной мудрости назвать должно. Ежели человѣкъ прихотьми надутъ, то ни вся вселенная сокровищи своими несытой души сего прихотливца наполнить не возможетъ. Тогда человѣкъ уподобляется скупому купцу, которой малою прибылью не довольствуючись, но отъ часу большихъ корыстей жаждучи, до тѣхъ поръ взадъ и впередъ по морю бѣгаетъ, пока оно корабль съ купцомъ и со всѣми его товарами поглотитъ. Такими-то способы всякое несытство кончится. Кто чиномъ, житьемъ и состоянiемъ своимъ доволенъ, тотъ вожделѣнiямъ своимъ такую границу полагаетъ, за которую бы они переходить не дерзали. При такомъ состоянiи находящiйся человѣкъ, всѣмъ въ руки къ нему приходящимъ такъ доволенъ, что излишняго отнюдь не требуетъ, и онымъ добровольно поступается. А о своемъ вредѣ и убыткѣ выше мѣры не печалится. Притомъ помнитъ, что все около и внѣ его сущее того не чувствуетъ, когда человѣкъ о чемъ печаленъ, или сердится. Собственной пользы за тѣмъ себя не лишаетъ, что другiе люди долю ихъ къ своему удовольствiю употребляютъ. Это уже извѣстно дѣло, что внѣшнiя, или наружныя вещи не въ нашей силѣ. Ежелибъ онѣ въ человѣческой власти были, то бы мы ихъ и потерять не могли. На чтожъ печалиться о томъ, когда стекло, или порцелинъ разобьется? Кто о настоящемъ тѣлесномъ вредѣ много печалится, тотъ (какъ видно) душевныхъ благихъ въ велико не ставитъ, которая всегда съ нами и въ нашей власти. Стужу и жаръ безъ дальняго труда сноситъ, а доброе и мужественное сердце его отъ нещастiя и бѣдъ не скоро испужается. Великодушный человѣкъ такъ думаетъ: Каковобъ велико нещастье мое ни здѣлалось, однако ему конецъ будетъ. Сiе мудрое разсмотренiе настоящаго блага великая помощь къ спокойству

ду-

душевному, ежели къ случаямъ того не прибавлять, чего они въ самихъ себѣ не имѣютъ. А будущаго на собственное себѣ мученіе издалека отнюдь къ себѣ не приводить. Человѣку надобно больше о томъ радоваться, что у него есть, а не о томъ печалиться, чего нѣтъ. Нѣкто спросилъ нищаго, здороволь ты живешь? Нищей ему отвѣчалъ: Слава Богу, я совсѣмъ здоровъ: Знаю, что дѣлаю. Одежду и обувь имѣю! А хлѣба столько набралъ, что не только мнѣ сей день, да еще и завтра не съѣсть. Ктожъ изъ насъ такъ доволенъ, какъ этотъ нищей? Многіе люди подобны такимъ мѣшкамъ, которые изъ рѣдкой и толстой холстины сшиты. Они мѣльчайшую муку пылью изъ себя выпускаютъ, а отруби въ себѣ удерживаютъ. Для чего мы лучше того не удерживаемъ, что насъ веселить можетъ, а того отъ себя не отрѣшаемъ, что насъ мучитъ? Настоящее малое въ рукахъ гораздо лучше того будущаго большаго, что за оболоками. Нѣкто другу своему сказалъ: Ты нашелъ то, что не у многихъ есть; а потерялъ такую вещь, которой всѣ мы лишиться принуждены. О чемъ же и тужишь? Римской судья Папирій Петусъ печалившись о неизвѣстныхъ ему дѣлахъ, отправленнымъ къ Цицерону письмомъ спрашиваетъ о томъ, что впередъ будетъ? Цицеронъ ему обратнымъ письмомъ отвѣчалъ: Ты у меня того спрашиваешь, о чемъ всѣ безумцы мечтою себя мучатъ. Желаешь дорогой мой Петусъ то вѣдать, чего и самъ начальникъ нашъ Помпей не знаетъ. Мы не ему служимъ, да времени его повинуемся. Онъ того не знаетъ, что время принесетъ; а мы того не вѣдаемъ, что Помпей думаетъ. Ты лучше желай въ мысляхъ своихъ горшее себѣ представлять, а все на тебя приходящее терпѣливо сноси. Не многіе о томъ разсуждаютъ, сколь богаты, и какъ благополучны они въ настоящемъ времени. Для сей причины эти суетные люди безразсуднымъ желаніемъ своимъ отъ часу въ горшее безпокойство углубляются. Каменьщиковъ и другихъ мастеровыхъ людей съ тяжелой работы перевели на легкую. Какъ они у сего новаго дѣла малое время побывши, стали о томъ жаловаться, будто теперешняя работа несносна, то одинъ изъ нихъ поумнѣе товарищамъ своимъ сказалъ: Подумайте братцы, сколь тяжела намъ прежняя наша работа была. А буде насъ завтра на такую работу погонятъ, которая втрое тяжелѣ старой будетъ, то вы о теперешнемъ легкомъ дѣлѣ гораздо потужите. Такое же власно и съ любопытнымъ человѣкомъ обстоятельство. Ему надлежало Господа Бога о томъ хвалить, что у него насущной хлѣбъ есть; а онъ жалуетъ-

луется, будто у него перекусить нѣчего. Сей роптатель не долженъ былъ того забывать, что настоящій трудъ и крестъ очень ему сносенъ; а несравненно тяжелѣ онаго отъ Бога на него посланъ, и за роптаніе наложенъ быть можетъ. Для чего ему не довольствоваться малымъ трудомъ? Почто самому себѣ большей нужды и бѣды искать? Что мнѣ будетъ въ тѣ поры дѣлать, какъ у меня силы не станетъ работать, и ничего себѣ нажить не въ состояніи буду? И въ тѣ поры по старому веселъ будь. Что ты себѣ печалью да туженьемъ поможешь? Ничего. Дикіе Американцы съ работы сошедъ, и наѣвшись такъ крѣпко спали, что приставникъ на силу ихъ разбудивши спросилъ: Отъ чего это вы такъ крѣпко, какъ мертвые, спите? Дикари ему отвѣчали: Отъ того, что мы сей день до поту работавъ и досыта наѣвшись веселы были, а завтрашній день Богу да господину своему вручаемъ. Кто сего дня живъ, тотъ и сытъ; а кто до утра доживетъ, тотъ также обѣдать да ужинать станетъ. Многія перемѣны дѣлъ человѣческихъ необходимо того требуютъ, чтобъ и на нихъ также власно какъ на теперешнюю, или настоящую погоду смотря поступать, а времени всегда повиноваться. Философъ Платонъ о семъ дѣлѣ такое разумное слово сказалъ: Жизнь наша подобна игранїю въ кости. Не въ нашей это власти, столько оковъ кинуть, сколько мы желаемъ; да то можетъ разумъ человѣческой здѣлать, чтобы по случаю упадающія оки насъ не озлобили. Человѣку должно тѣмъ пользоваться, что на костяхъ ляжетъ, и по тому тавлейныя кружки какъ можно лучше ставить. Ежели мы сію науку переймемъ, то съ тѣмъ человѣкомъ согласиться можемъ, которой намѣренъ былъ бѣшеную собаку застрѣлить, но вмѣсто ее мачиху свою убивши сказалъ: Порохъ и зарядъ мой не пропалъ. Я въ томъ ни мало не грѣшу, что жизнь нашу игрѣ уподобляю на славу тѣмъ людямъ, которые и въ нещастьѣ своемъ, также власно, какъ въ щастьѣ смѣются. Только сїе важное дѣло до тѣхъ поръ не исполнится, пока мы разинувши ротъ на другихъ людей зѣвать станемъ, а на себя никогда неоглянемся, и состоянїя своего здравымъ умомъ не разсудимъ. Нарушателямъ супружеской вѣрности весьма особливое это наказанїе, что они законныхъ краснаго лица и добродѣтельныхъ женъ своихъ возненавидя, на мерзскихъ сквернавицъ мечутся. Это достойное и праведное имъ нещастїе отъ того на нихъ приходитъ, что страстью ослѣпшїй человѣкъ собственнаго благополучїя не видитъ и не признаваетъ. Не подлиннаяль это причина

къ нашему безпокойству, что мы своимъ убожествомъ противъ богатства другихъ людей равняться желаемъ, а своихъ ногъ по собственной одеждѣ протягать не хочемъ? Для сей причины заводной мужикъ мѣщаниномъ быть желаетъ. Богатой посадской шляхества ищетъ, а убогой дворянинъ въ Герцоги, или на послѣднюю мѣру, въ Графы добивается. Всѣ эти безумцы подобны Езопову ослу, котораго скотская прихоть къ тому возбудила, чтобъ на льду потанцовать, только отъ сего, не его глупой природѣ приличнаго менуета, обѣ ноги себѣ переломилъ. Послушаемъ лучше Плютархова совѣта. Онъ сїе безумство такимъ мудрымъ разсужденїемъ отвращаетъ. Тебѣ надобно великодушну быть. Людямъ не много дивись, да больше самъ себя въ примѣръ имъ представляй. Ежели тебѣ не льзя Брїареемъ, или Геркулесомъ быть, такъ на послѣднюю мѣру можешь спокойную душу имѣть. Не удивляйся смотря на такого господина, котораго гайдуки въ Порпшезѣ (носильная карета) руками своими тащатъ. Буде твое мечтанїе сего въ каретѣ висящагося горделивца такимъ же щасливымъ, какъ Ксеркса назоветъ, такъ вспомни многїя тысячи тѣхъ бѣдныхъ людей Персидскаго народа, которые по приказу сего гордаго Царя ихъ палочные удары терпя, высокую гору Атосъ ужаснымъ трудомъ долой срывали. Не забудь еще множайшихъ тысячь тѣхъ же Персїянъ, коимъ тотъ же звѣронравной Царь носы и уши за то обрѣзать велѣлъ, будто ихъ небреженїемъ на Еллеспонтѣ (морской проливъ въ Греческой землѣ) здѣланной мостъ жестокою бурею снесло. Съ сими-то бѣдными людьми самъ себя сравнявши подумай, не въ тысячную ли мѣру ты щасливѣе ихъ? Почто же самъ себѣ такъ безщастнымъ и столь бѣднымъ человѣкомъ въ глазахъ своихъ кажешься? Хочешь ли знать тайну? Пожалуй скажи! Отнюдь ты себя чужимъ аршиномъ не мѣряй, а съ вышшими тебя никогда не равняйся. Езопова лягушка конечно бы не лопнула, ежебъ мнимою своею величиною съ быкомъ равняться не вздумала.

32.

Прямое сравненїе добра и зла своего.

Ежели праведное сравненїе собственнаго блага и зла учинить пожелаешь, то прежде всего рачительно наблюдай, чтобы вѣсы разсужденїя твоего вѣрны и во всемъ исправны были. Поднявши ихъ правою рукою къ верьху, на лѣвую чашку терпѣнїе свое положи, а на правую чашу вѣсовъ радость свою поставь. По прилѣж-

лѣжномъ смотренiи увидишь, какъ одна сторона противъ другой на вѣсу состоитъ? На правой сторонѣ лежащая польза твоя такъ велика и важна, что на лѣвой чашкѣ стоящiй убытокъ ни мало ее къ землѣ не тянетъ. Не всегда на сухое деревье въ саду твоемъ смотри, да временемъ на зеленыя и цвѣтущiя яблони взгляни. Ктобъ изо всей жизни своей одно только горькое выбирать похотѣлъ? Ктобъ одними только печальми себя мучить, и такому человѣку уподобиться вздумалъ, которой сладкое вино людямъ продавалъ, а самъ уксусъ пилъ? Я тѣмъ дѣтямъ подобенъ быть отнюдь не хочу, которыя до тѣхъ поръ чешутся, пока тѣло свое до крови раздерутъ. Ни съ такими прошаками равняться не думаю, которые себѣ и дѣтямъ своимъ руки да ноги для того ломаютъ, чтобы у народа больше милостины выманить. Цицеронъ въ ссылкѣ своей живучи тѣмъ веселился, что добрую совѣсть свою съ дѣлами славнаго Помпея да соперника его Юлiя Цесаря равняя, въ книгѣ житья своего такъ о семъ пишетъ: Я уже ито забываю, что потерялъ; да о томъ только помнить стану, сколько добра самъ здѣлалъ, или поспѣшествовалъ. Я себя и въ нещастьѣ своемъ съ тѣми равняю, кои меня въ нынѣшнюю бѣдность привели. Оба они обидчиками и утѣснителями отечества здѣлались. По сравненiи моихъ добрыхъ поступокъ съ дѣлами сихъ завоевателей, я нынѣшняго нещастья своего на всю ихъ славу, на богатство и на великолѣпiе не промѣняю. Какъ тотъ, такъ и другой тѣмъ меня безщастнѣе, что страсти ихъ одолѣли. У обѣихъ ни суда съ росправою, ни милости съ человѣколюбiемъ нѣтъ. И Помпей и соперникъ его Цесарь славу съ высокимъ достоинствомъ своимъ выше благополучiя отечества почитаютъ. Меня добрая совѣсть тою прiятною памятью веселитъ, что я любезной отчизнѣ моей всею возможностью усердно служивши, истинное и вѣрно-сыновское объ ней попеченiе имѣлъ. Кто такое сокровище чести и добрыхъ дѣлъ въ душѣ и въ совѣсти своей имѣетъ, тому разсмотря и вспомнивши ихъ сердечно веселиться надлежитъ. Спокойство добросовѣстнаго несравненною мѣрою лучше безпокойства злаго человѣка. При такомъ состоянiи и самая печаль должна къ тому способствовать, чтобы горесть нещастiя въ сладость утѣшенiя обратить. Нѣтъ такой злой вещи на свѣтѣ, которая бы къ чему нибудь доброму не годилась. Я въ нынѣшнемъ нещастьѣ моемъ тѣмъ веселюсь, что въ теперешней ссылкѣ своей время получилъ книги о должности человѣческой къ пользѣ малаго отечества моего написать. А

что

что человѣку лучше и полезнѣе мудрости? Ниодного такъ худаго чина, житья и состоянія человѣческаго нѣтъ, въ которомъ бы какой нибудь пользы не нашлось. Взявши его съ доброй стороны, самъ себѣ говорю: Хотя я изъ отечества моего и выгнанъ, однако здоровье и разумъ удержалъ. Все мое пропало, только великодушіе со мною. О томъ Бога славлю, что умъ, память, волю и доброе разсужденіе имѣю. Ни чьему безумію помогать и никому рабомъ быть не обязанъ. Живу, ѣмъ, сплю, встаю, ложусь и гуляю по своей волѣ: чего мнѣ больше? Хотя мечта да ложное мнѣніе безщастнымъ меня и называетъ, только разумъ весьма иное мнѣ говоритъ. Злые люди сильно меня ненавидятъ! Щастливъ ты, что они тебѣ горшихъ бѣдъ не дѣлаютъ. Безсовѣстные меня гонятъ. А каковобъ тебѣ въ тѣ поры было, когдабъ они тебя ограбили? Фролъ меня злословіемъ язвитъ, а Лаверъ облыгаетъ! Благодари Бога о томъ, что они тебя до смерти не убили. Самъ не знаю, за что Сидоръ на меня возсталъ? Знать онъ тебя богатствомъ да чинами сильнѣе, а ты его умомъ превосходишь. Не вѣдаю, для чего Карпъ меня ругаетъ и вездѣ поноситъ? Для того, что онъ золъ, а ты добрымъ быть стараешься. Кому же изъ васъ лучшая часть по раздѣлу достанется, ему, или тебѣ? Всеконечно твоему жеребью лучшему быть должно. О томъ ли печалиться, что у дѣда моего отнято, а у отца згорѣло и въ бѣдахъ пропало? У меня еще больше и лучше ихъ того осталось, о чемъ я радоваться могу. Такъ, отвѣчалъ философъ Аристипъ тому другу, которой въ печали и въ убыткахъ его утѣшалъ. Ежели у меня чести, богатства, высокихъ достоинствъ, сильнаго отца, знатнаго сродника и многомощнаго благодѣтеля нѣтъ, такъ Богъ мнѣ отецъ, помощникъ и сильнѣйшій всѣхъ покровитель. Денегъ ли у меня не стало? Такъ спокойная душа и веселое сердце есть. Хотя я не богатъ, однако здоровъ и малымъ доволенъ. Когда у меня того нѣтъ, что другіе имѣютъ, такъ много такихъ хорошихъ вещей у себя нахожу, чего у нихъ нѣтъ. Лучшежъ мнѣ излишествомъ собственнаго спокойства довольствоваться, нежели безпокойства въ чужомъ изобиліи да въ ложномъ щастьѣ другихъ людей искать.

33.

Сравненіе собственнаго нещастія съ чужимъ злополучіемъ.

Кто находящееся въ рукахъ своихъ доброе чрезъ объявленной способъ съ тѣмъ сравняетъ, чего у него нѣтъ, тотъ человѣкъ несправедливость печали своей не только скоро увидитъ, да еще великой способъ ко удовольствію своему получитъ, когда въ этомъ сравненіи далѣе поступивши, не токмо свою радость и печаль разсудитъ, да мнимое свое нещастье съ подлиннымъ злополучіемъ другихъ людей безпристрастно разсмотритъ, и здравымъ умомъ сравняетъ. Ежелибъ мы во всемъ праведно поступали, тобъ скоро могли увидѣть, какъ сильно въ томъ обманываемся, что себя безщастнѣе другихъ людей весьма напрасно признаваемъ. Я такого человѣка знавалъ, которой отъ малаго недостатка будучи утѣсняемъ, нарочно за тѣмъ въ гофшпитали да въ богадѣльни ходилъ, чтобы на такихъ людей посмотря, печаль свою забыть, которые въ тысячу мѣръ бѣднѣе его. Другой не богатой дворянинъ въ печалѣ о недостаткахъ своихъ часто къ окну своему подходя на улицу смотрѣлъ. Увидя знатнаго купца, самъ себя спросилъ: Промѣняешь ли ты свою жизнь на его житье? За тѣмъ не промѣняю, что онъ завтра банкрутомъ здѣлавшись, въ тюрьму посаженъ быть можетъ. Потомъ увидя статскаго, въ мысляхъ себѣ сказалъ: я самъ таковъ же. На бѣднаго смотря подумалъ, благодарю Бога о томъ, что я богатѣе сего мизерака. Какъ противъ окна его поравнялась шумящаго журьба холопей, матросовъ и солдатъ, то дворянинъ съ жалостію и со омерзѣніемъ на сію подлость смотря, подумалъ: Слава Господу Богу, что я не отъ этой худой крови родился. За тѣмъ проѣхали мимо двора его двѣ кареты, одна цугомъ, а другая четвернею. Шляхтичъ на нихъ смотря помыслилъ: Ежелибъ я подлинно вѣдалъ, что въ этихъ великолѣпныхъ рыдванахъ неправда и грабительство со множествомъ смрадныхъ пороковъ не сидитъ, тобъ а восьлибо и я этой свѣтской суеты да житейской гордости себѣ пожелалъ. А что мнѣ въ ней? Напрасно мечта меня прельщаетъ. Вся эта раззорительная спесь и гордая прихоть Христіянину не надобна. Не глупой дворянской сынъ нѣсколько дней къ окну своему подходя, до тѣхъ поръ на улицу смотрѣлъ, пока научился спокойнѣйшимъ быть. Ежели такая перемѣна вещей свѣтскихъ мудрымъ разсмотреніемъ оныхъ подлинно намъ спокойство при-

принесть можетъ, то она такой медъ во устахъ своихъ носитъ, которой намъ при всякомъ познанiи правды нуженъ и весьма полезенъ. Кому сiя истинна нѣкоторую болѣзнь причиняетъ, у того человѣка сердце и душа къ суетѣ да къ прелести мiра сего выше мѣры крѣпко прилѣпилось. А разлученiе съ сею душѣ нашей пагубною суетою и удаленiе отъ страшной въ свѣтѣ прелести великое и весьма нужное благо человѣку. Каковъ бы кто изъ насъ убогъ не былъ, однако много такихъ людей найдешь, которые гораздо бѣднѣе его. Мы о чужомъ нещастьѣ такъ мало знаемъ, чтобы намъ и подумать было стыдно, будто наше безщастье несносно. Какъ много ты такихъ людей знаешь, изъ которыхъ всякъ свой крестъ, то есть, собственную бѣду и печаль несетъ? Сколь мало тебѣ горести и бѣды тѣхъ людей извѣстны, которыхъ ты больше другихъ знаешь? Многихъ лице предъ людьми кажется весело и прiятно, а сердце ихъ отъ страха, отъ муки, отъ бѣдъ и отъ печалей стонетъ. Уста ихъ смѣются, а сердце плачетъ. Ты завидуешь такому человѣку, о которомъ бы конечно пожалѣлъ, ежелибъ внутреннюю горесть и печаль его вѣдалъ. Почтобъ тебѣ о своей бѣдности прежде того жаловаться, пока того не узнаешь, подлинноль ты бѣднѣе другихъ людей, и можешь ли себя по справедливости бѣднымъ назвать? философъ и Аѳинской законодавецъ Солонъ, возведши печальнаго друга своего на такую высокую гору, откуда бы онъ весь городъ Аѳины видѣть могъ, и указавши ему на премногiе сего мѣста домы, такъ сказалъ: Подумавъ и разсудивши въ себѣ то, какъ много превеликихъ бѣдъ и печалей подъ кровлями сихъ дворовъ живетъ, пожалуй перестань печалиться о такихъ случаяхъ, которые съ родомъ человѣческимъ такъ же нераздѣльны, какъ душа съ тѣломъ неразлучна. Чудное и почти не вѣроятное дѣло, что неразсудительное и безпамятное самолюбiе всякiя печали и горести несравненно большими того кажетъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ. И надо мною власно тожъ, что надъ сосѣдомъ моимъ дѣлается; а мнѣ свое малое нещастье въ милiонную мѣру больше чужой великой бѣды ложно кажется. Ежели у сосѣда жена умретъ, то объ ней и вздохнуть не думаю; а какъ моей жены не станетъ, въ тѣ поры нелѣпымъ голосомъ завывши, весьма иное заговорю. Развѣ жена твоя безсмертна была? Никакъ: Или она тебѣ прекраснѣе и добродѣтельнѣе всѣхъ женъ на цѣломъ свѣтѣ показалась? Нѣтъ: За чѣмъ же ты свое нещастье такъ великимъ ставишь? Я тебѣ скажу, за тѣмъ, что

на

на свою печаль въ двойную зрительную трубу смотришь. А яснѣе сказать, самъ ты себя безмѣрному самолюбію и ложному мнѣнію на муку и на жестокое терзаніе отдаешь.

3 4.

Сравненіе своихъ худыхъ поступокъ съ добродѣтелью чужою.

Когда мы свое состояніе съ поведеніемъ благополучнѣйшихъ насъ людей сравняемъ, то безпристрастно увидѣть можемъ, кто изъ насъ щасливѣе кого. Здѣсь подается человѣку новая причина къ радости близкимъ разсмотреніемъ добродѣтели тѣхъ людей, кои померли, или еще съ нами на свѣтѣ живутъ. Красота добродѣтели увеселяетъ такихъ людей, кои сами честны будучи, на чужую добродѣтель безъ самолюбія и безъ зависти смотрятъ. Въ этомъ случаѣ должны мы послѣдовать мудрому увѣщанію Римскаго Императора Марка Аврелія, состоящему въ сихъ словахъ: Хочешь ли повеселиться? Посмотри на добродѣтель тѣхъ людей, кои въ твоемъ времени живутъ. Погляди, какъ одинъ честенъ, другой прилѣженъ, третій справедливъ, четвертой щедръ, пятой великодушенъ, шестой скроменъ, а седьмой терпѣливъ, и такъ далѣе. Ничто человѣку столь не пріятно, какъ образъ истинной добродѣтели, сіяющій изъ дѣлъ знаемыхъ намъ особъ. Поистиннѣ, великій Монархъ, долженствовало того желать, дабы въ насъ Христіянѣхъ много подобныхъ тебѣ, и одного съ тобою праведнаго мнѣнія людей было. Какъ бы отъ того роду человѣческому польза произошла, ежелибъ злые люди добродѣтели не завидовали, и оную безвинно не гнали, да сами бы достохвальными образы и примѣрами добродѣтельныхъ людей ко исполненію благихъ дѣлъ непрестанно побуждаясь, безсмертную добродѣтель искренно любили, и усерднобъ ее держались.

3 5.

Только своего злополучія съ чужимъ щастіемъ отнюдь не равняй.

Весьма не многіе люди съ такою искренностью о себѣ думаютъ, дабы на себя посмотрѣть, чего у самихъ внутри не достаетъ? Почти всѣ мы таковы, что свои обстоятельства съ чу-

чужимъ житьемъ и состоянiемъ весьма охотно равняемъ, а добродѣтелью счесться и не думаемъ. Многiе изъ насъ за весьма странное дѣло это почтутъ, чтобы имъ добродѣтельми и совершенствомъ другихъ людей веселиться. Теперь уже человѣколюбiе на многихъ мѣстахъ такъ погасло, что мы себя не только лучше обмануть, а не исправить хотимъ, да еще скорѣе желаемъ наше злое съ сосѣднимъ добромъ, нежели свое доброе со зломъ ближняго сравнять. Для того мы всѣ его наружныя пользы собирая, противъ недостатковъ нашихъ съ такимъ прилѣжанiемъ равняемъ, что весьма часто уподобляемся глупымъ дѣтямъ, которыя золото да серебро изъ рукъ бросивши красками расписаннаго конька, или другихъ игрушекъ съ великимъ крикомъ просятъ. Когда до разсмотренiя чужихъ нравовъ дойдетъ, то мы весьма развращенно поступая, худое ближняго, то есть, пороки его съ нашею добродѣтелью неправедно равняемъ. Тогда и малыя неисправности ближняго таковыжъ велики въ глазахъ нашихъ покажутся, каково собственное нещастье наше. А временемъ такъ не праведно разсуждаемъ, будто ближнiй нашъ того достоинъ, чтобъ и ему такое же нещастье случилось, какое на насъ пришло. Ежели чужое нещастье обстоятельно разсмотришь, то поблагодаря Бога скажешь: Слава тебѣ Господи, что я не въ ихъ мѣстѣ! Потщимся же слѣдовать мудрому совѣту стараго комедiянта, которой у Афенея въ книгѣ такъ говоритъ: Ежели ты бѣденъ, то подумай, что Телефъ въ десятеро бѣднѣе тебя. Боленъ ли ты? Алькмеонъ пятнацать лѣтъ съ постели тяжкихъ болѣзней своихъ не вставалъ. Глазаль у тебя болятъ? финеесъ всю жизнь свою въ слѣпотѣ проводилъ. Сынъ ли у тебя умеръ, или дочери не стало? У старой вдовы Нiовы три сына въ одинъ день померли. Буде ты хромъ, посмотри на безногаго филоктета. Ежели ты старъ, взгляни на столѣтнаго Енеа. Увидишь, какъ печаль твоя тѣмъ умалится, что ты въ свѣтѣ много такихъ людей нашелъ, которые въ сотеро хуже и бѣднѣе тебя.

3 6.

Уравненiе того что имѣемъ, съ тѣмъ, что мы заслужили.

Мы отъ природы безмѣрно самолюбивымъ глазомъ ан себя смотря, больше то считаемъ, чего у насъ нѣтъ, нежели то помнимъ, чего мы достойны? Мы же отъ разсмотренiя бѣдъ и напастей добродѣтельныхъ людей за тѣмъ пользы себѣ не видимъ,

что завистью и самолюбїемъ ослѣпленные глаза свои на ложное щастїе злыхъ людей обращаемъ. Притомъ не опомнимся, каковъ бы бѣденъ конецъ того мнимаго щастья былъ, котораго мы съ такою нетерпѣливостью и толь великимъ рвенїемъ желаемъ? Ежели бъ щастье злыхъ людей намъ досталось, тобъ мы долженствовали и пороки ихъ на себя перенять; а эти грѣхи главныя причины мнимому благополучїю ихъ. Хотябъ намъ самолюбїе (при такихъ неразумныхъ желанїяхъ) и внушало, будто мы сего благополучїя достойнѣе другихъ людей; а о себѣ бы думали, какїебъ мы преизрядные господа въ то время были, ежелибъ это мнимое щастье въ наши руки дѣйствительно пришло? Да мы же бы въ этомъ благоденствїи гораздо лучше другихъ поступить и умнѣе многихъ содержать себя надѣялись; однако собственной человѣка самаго себя обманъ такъ далеко идетъ, что и тѣ люди, которые худыми поступками сами себя въ нещастїе привели, весьма напрасно думаютъ, будто они впредь несравненно лучше прежняго поступятъ, ежелибъ только старое ихъ щастье опять къ нимъ возвратилось. Намѣренїе ихъ таковожъ не праведно, какъ желанїе такихъ людей совсѣмъ ложно, которые въ жестокой болѣзни обѣщаютъ исправиться, ежели только выздоровѣютъ. Но кой часъ болѣзнь минется, то хуже прежняго жить начнутъ. Нѣкоторые самолюбы безмѣрнымъ желанїемъ маловременнаго щастїя такъ ослѣпляются, что отъ того и погибаютъ. Я сїе для того пишу, дабы они безумство съ заблужденїемъ своимъ узнавъ, а потомъ бы ободрясь, такимъ умнымъ людямъ послѣдовали, которые не на одинъ только ложной видъ, но въ самомъ дѣлѣ щастливы. Это мудрое старанїе двойную пользу производитъ: Вопервыхъ исправленїе, а потомъ спокойство душъ ихъ. Сїе толь надежнѣе учиниться можетъ, когда ни Богъ, ни природа способовъ къ истинному благополучїю ниодному человѣку не отрекаетъ. Только сихъ способовъ не въ скоро преходящихъ роскошахъ, не во тщетной славѣ, не въ суетной чести, ниже въ тлѣнномъ богатствѣ, но гораздо въ лучшихъ и въ важнѣйшихъ вещахъ искать должно. Какъ долго мы храмину благополучїя своего на такомъ сыпучемъ пескѣ строить не перестанемъ, до тѣхъ поръ новые случаи къ безпокойству получать будемъ. А пока не научимся вѣчности выше временнаго почитать, до тѣхъ поръ жалобамъ нашимъ конца не будетъ.

37.
Умѣренность и въ настоящемъ.

Усердное исполненїе добродѣтелей подлинно къ совершенному спокойству насъ приведетъ, ежели добродѣтели сердцемъ нашимъ овладѣютъ. Чему внутреннее утѣшенїе раждать, тому должно глубже наружняго вида проходить. Правда, воздержанїе и великодушность, суть три питательницы спокойства душевнаго. Искренно того желать надлежитъ, дабы всякъ изъ насъ эти добродѣтели внутрь себя чувствовать, а не по одному описанїю знать могъ. Онѣ душѣ человѣческой такую силу и сладость подаютъ, которою душа въ щастьѣ равно себя учитъ. Щастїе наибольшїя поврежденїя съ пагубными вождел ѣнїями, а нещастье сильнѣйшїя искушенїя въ себѣ имѣетъ. Для сихъ важныхъ причинъ вопервыхъ чрезвычайная мудрость, а по ней правда съ великостью и съ воздержанїемъ тому человѣку надобна, кто въ благоденствїи своемъ такой равной вѣсъ удержать желаетъ, чтобы человѣкъ при щастьѣ не высоко вверьхъ подымался, а при нещастьѣ своемъ не глубоко внизъ опускался. Человѣкъ съ природы своей таковъ тяжелъ, что гораздо способнѣе къ паденїю, нежели къ возвышенїю. Для того нѣкоторые люди не успѣвши подняться и опять упадаютъ. Острая память съ мудрымъ разсужденїемъ во всякихъ дѣлахъ и случаяхъ производитъ въ насъ великодушїе, а сїя великодушность во всемъ равной вѣсъ производитъ чрезъ воздержанїе. Для сей причины всякому человѣку то состоянїе опаснѣйшимъ почитать надлежитъ, въ которомъ онъ ни о чемъ не думаетъ. Нещастье чувства человѣческїя въ одно мѣсто згоняетъ, а щастїе жизненные духи часто разсыпаетъ. Отъ сего въ человѣкѣ такая легкомысленность родится, что онъ случая, мѣста, дѣла и времени не знаетъ, гдѣ, когда, и чего ему больше беречься. Въ щастьѣ безъ ума и безъ памяти радоваться, а въ нещастїи безъ мѣры и безъ разсужденїя печалиться не надобно. Сїе то драгое и благополучнѣйшее состоянїе человѣка во всегдашнемъ равновѣсїи и въ спокойствѣ содержитъ. Ктожъ будетъ воздержно радоваться и умѣренно тужить? 1: Тотъ, кто умѣренно себя любитъ; 2. а другой тотъ человѣкъ, кто худшую часть самаго себя, (тѣло) съ дѣлами ея меньше и ниже лучшей части (души) почитаетъ. Кто на высокую башню взойдетъ, у того человѣка ростy за тѣмъ ни на волосъ не прибудетъ, что онъ выше тѣхъ людей стоитъ, которые по землѣ ходятъ. Отъ сей вы-

высоты никакой прибыли ему не будетъ, кромѣ такого закрученія въ головѣ, отъ котораго человѣкъ скоро упасть можетъ. Сей обморокъ въ тѣ поры больше приходитъ, когда человѣкъ отъ безмѣрнаго самолюбія смертельно угоритъ. На сію жестокую болѣзнь совѣтъ мудраго Сирахова, лучшее лекарство и скорѣйшее исцѣленіе. Чѣмъ выше и честнѣе ты другихъ людей на свѣтѣ будешь, то больше смиряйся.

38.

Приготопленіе къ будущему.

Намъ во всякомъ чинѣ, въ житьѣ и въ состояніи своемъ то помня всегда разсуждать надлежитъ, что, и какая вещь у насъ въ рукахъ, дабы потомъ объ ней напрасно не тужить. Какъ истинное спокойство чрезъ то поспѣшествуется, когда человѣкъ настоящимъ житьемъ и состояніемъ своимъ доволенъ, такъ сіе къ облегченію всѣхъ печалей не мало служитъ, когда человѣкъ печаль свою мысленными очами разума власно какъ съ высокой башни издалека усмотря, къ принятію оныя мужественнымъ сердцемъ и добрымъ духомъ готовится. Кто симъ способомъ съ печалью своею вдали познается, того она вблизи не больно язвитъ; а которой человѣкъ печаль свою до приходу видитъ, тому она по приходѣ своемъ не много вреда дѣлаетъ. Только я сіе не въ такомъ мнѣніи говорю, дабы человѣку обо всякой мнимой бѣдѣ безпрестанною памятью себя мучить. Въ такомъ случаѣ не льзя ему на единое мгновеніе ока веселу и спокойну быть. Человѣку то полезнѣе всего, чтобы бѣдъ и печалей своихъ не вѣдать. Чего я не знаю, то меня и не мучитъ. Ежелибъ человѣкъ бѣды и напасти свои напередъ вѣдалъ, тобъ ему только и дѣла было, что непрестанно бояться и трепетать. Всевѣдущая десница премудрости Божія смертельной ядъ нечаянныхъ бѣдъ и горестей за тѣмъ отъ глазъ человѣческихъ скрыла, дабы намъ отъ всегдашняго страха и трепета безвременно не умереть. О будущихъ случаяхъ надобно такимъ безпристрастіемъ разсуждать, чтобъ они насъ по приходѣ своемъ ни устрашить, ни опечалить не могли. Мы очень много въ томъ грѣшимъ, что долгъ человѣческой бѣдности вдругъ отдать думаемъ. Лучше намъ съ искусными въ шахматы игроками поступивши, на одну игру розныя намѣренія положить. Буде одна игра не удастся, такъ другою щастья своего отвѣдай. Когда лукавая фортуна разными коварствы надъ тобою шутитъ, то ты разными приготовленіями къ бу-

дущему нещастью сильно ей отмсти. Напередъ видѣнныя стрѣлы не больно язвятъ. Кто непрїятеля къ себѣ ждетъ, тому шанцы и батареи до приходу его здѣлать можно. Желающему ѣхать моремъ, ко всякой непогодѣ и къ страшнымъ бурямъ заранѣе готовиться надобно. Путешествующїй непогоду издалека предвидя, отъ дождя, отъ снѣгу и отъ всякой слякоти заблаговремечно укрывается. Глупые люди пришедшее къ нимъ нещастье увидя, всѣ и всегда такъ говорятъ: Я было того не думалъ. Очень другъ мой худо, что ты объ этомъ никогда не мысля, обыкновенное у вашей братьи слово не бойсь, безумно говорилъ. Когда уже многїе разумнѣйшїе насъ люди за истинну утверждаютъ, что боязливость родная мать мудрости, то для чего намъ сїю родительницу толикихъ благъ чрезъ разумныя мысли орудїемъ спокойства душъ своихъ не учинить? Какъ много баталїй однимъ страхомъ выигрываютъ? Сколь многїе полководцы тѣмъ щастливы бываютъ, что заранѣе того боятся, дабы безщастными не быть? Гишпанскаго шляхтича спросили: Боишься ли ты на свѣтѣ чего нибудь? Дворянинъ имъ отвѣчалъ: У насъ въ Гишпанїи страху не знаютъ. Только эта его спесивая пословица никуда не годится. Многїе Гишпанцы отъ того погибли, что никогда и ничего не боялись. Кто бы могъ такъ худою надеждою себя ласкать, будто никакой страхъ до него не дойдетъ, которой всегда и около всякаго человѣка летаетъ? Когда уже домъ сосѣда моего горитъ, то и до меня всеконечно дойдетъ. Знатнѣйшїе люди на свѣтѣ отъ бѣдъ и напастей охранной грамоты имѣть не могутъ; а я уже противъ сихъ орловъ какая синица? Всякой человѣкъ бѣдамъ и страху подверженъ, а меня бѣдняка кто кромѣ Бога) отъ сего выключитъ, или охранитъ? Почти всѣ бѣды на человѣка за грѣхи его приходятъ, а я ежедневно грѣшу. На свѣтѣ ничего постояннаго нѣтъ, а я посреди непостояннаго свѣта живу. Теперь я богатъ; а что мнѣ въ тѣ поры дѣлать, какъ въ убожество приду? Нынѣ я въ чести; а какъ мнѣ въ гоненїи да въ безчестьѣ отъ враговъ и отъ гонителей моихъ поступать? На сей часъ у меня всего довольно; а чтобы мнѣ въ тѣ поры дѣлать, когдабъ я ничего не имѣлъ? Такїя умныя разсужденїя творятъ человѣка осторожнымъ въ щастьѣ, а въ нещастїи его терпѣливость приносятъ. Эта осторожность обогащаетъ человѣка веселымъ нравомъ и безопасностью. Соломонъ тѣхъ людей щастливыми называетъ, кто съ разумомъ опасается. Блаженъ мужъ, иже убоится заговѣнїе, жестосердый же впадетъ въ злая.

И такïе случаи бываютъ, въ которыхъ никакая осторожность не помогаетъ. Они приходятъ по особливому смотренïю и по воли Всемогущаго Творца, на искушенïе, или въ наказанïе, а больше всего для исправленïя насъ. Ежели эти случаи божественное намѣренïе премудрѣйшаго и всеблагаго Бога исполняютъ, то мнимое наше нещастье намъ же въ крайнее благополучïе обратиться можетъ. Симъ же мудрымъ напередъ приготовленïемъ самое острѣйшее жало бѣдъ и напастей со временемъ притупляется. Предвидѣнная бѣда не такъ человѣка язвитъ, какъ нечаянная. Сенека того не зналъ, что ему въ банѣ кровью изойти; да то подлинно вѣдалъ, что онъ до злыхъ, лукавыхъ и до неблагодарныхъ людей дѣло имѣетъ. Ежели прïуготовленïе къ будущимъ бѣдамъ не съ разумомъ дѣлается, то лучше его оставить. Человѣку довольно настоящаго, а о томъ на что ему печалиться, чего еще нѣтъ, и можетъ статься, что никогда не будетъ. До будущаго надобно слегка, и то безъ печали касаться, а объ отвращенïи онаго безъ гнѣва и безъ надсады себѣ холоднымъ умомъ разсуждать. Не мучь же себя печальными и страшными размышленïями о будущемъ, да только при всякомъ случающемся тебѣ нещастьѣ самъ себя спроси. Развѣ это несносно? Тебѣ стыдно будетъ самому себѣ сказать, что нестерпимо. Притомъ еще вспомни, что ни прошлое, ни будущее, да одно настоящее человѣку скучно. И оно горесть свою въ тѣ поры потеряетъ, когда человѣкъ здраво разсудитъ, какъ кратко, и сколь маловременно это настоящее. Притомъ же сердцу своему сильной за то выговоръ здѣлаетъ, для чего оно такъ маловременнаго зла снести не можетъ. Страхъ съ невѣрïемъ всю печаль о будущемъ въ человѣкѣ причиняетъ. Иные люди такъ глупы, что о будущемъ щастьѣ своемъ у ворожей да у колдуновъ спрашиваютъ. Вы, благосклонный читатель, не ходя къ симъ плутамъ и обманщикамъ конечно щастливы будете, ежели спокойству учиться прилѣжно начнете. Мудрой Цесарь Маркъ Аврелïй противъ завтрашнихъ безпокойствъ такими словами на всякой день вооружался: Можетъ быть, что мнѣ сего дня до злаго, до неблагодарнаго, до лукаваго, до неправеднаго, до грубаго, или до завидливаго человѣка дѣло случится. Какою же мнѣ въ тѣ поры добродѣтелью порокамъ его попротивиться, и какою кротостью злость его побѣдить? Сïя мысль о будущемъ весьма полезна и разумна. Съ меня настоящаго довольно, а будущее все Богу поручаю.

Прит. сал. гл. 8.

39.

Печаль человѣку не пристойна.

Развѣ намъ умъ свой только такими вещами мучить, которыя гораздо хуже и подлѣе души человѣческой? Или душа желанїе свое тѣмъ скорѣе получитъ, когда о суетномъ да о тлѣнномъ больше всего печалиться станетъ? Приличноль это высотѣ ея, что душа верьховное свое благо забывши, о томъ печалиться начнетъ, что и малымъ добромъ едваль назвать можно? Для чего душа человѣка меньше тварей въ границахъ своихъ пребываетъ? Или ей одной какъ дражайшей части духа Божїя въ человѣкѣ то дозволено, чтобы сопротивленїемъ и мятежами самой себѣ посрамлять? Развѣ безсмертной духъ меньше травъ и хуже камней это знаетъ, что, и въ чемъ подлинная должность его? Развѣ образу и подобїю безсмертнаго Бога позволено, рабомъ и невольникомъ у скотскихъ страстей быть? Развѣ свѣту разума туманомъ чувствъ и мечтанїя помрачаться надобно? Или разумному созданїю безумство съ заблужденїемъ, а обманъ съ прелестью лучше разума, съ мудростью, и выше истинны почитать надлежитъ? Какая намъ отъ того прибыль, что сами себя въ горестяхъ утопляючи, смерть разсуждающею печалью безпрестанно съѣдаемъ? Природа человѣку скорость мыслей на то даровала, чтобъ ему съ ними на пути сей многобѣдственной жизни не долго останавливаться, да эти бы помышленїя свои по состоянїю существа ихъ отъ земли на высоту къ безконечному житїю и блаженству своему за тѣмъ возводить, дабы душа наша отъ тягости суетъ свѣтскихъ скорѣе свободиться могла. Человѣкъ двѣ вещи общїя съ Богомъ имѣетъ: вопервыхъ то, что до души его ничто прикоснуться не можетъ; а второе то, что человѣкъ ко всякому благу природную волю и склонность имѣетъ. Ежели мы сїе отъ Бога и отъ разумной природы дарованное намъ право къ добру употребимъ, то на все земное власно какъ съ превысокой горы смотрѣть станемъ, а сами отъ него ни мало не повредимся. Аррїанъ пишетъ, три разсужденїя украшаютъ и успокоиваютъ человѣка: 1. что мы чада Божїя: 2. граждане всего свѣта; 3. а между собою братья. Когда мы чада Богу, то подлинно вѣдаемъ, и вѣрить должны, что Небесный Отецъ нашъ никогда зла намъ не учинитъ, и во вѣки не пожелаетъ; а сыновская должность наша неизбѣжно того требуетъ, чтобы мы святой волѣ Его усердно повиновались.

Еже-

Ежели мы граждане свѣтскіе, то общее благо въ непрестанной памяти имѣть должны, а состоянія свѣта сего корыстьми нашими утѣснять отнюдь намъ не надлежитъ. Когда всѣ мы между собою братья, то одному другаго любить надобно. Пороки ближняго великодушно сносить, или терпѣливо исправлять. Что мы о себѣ думаемъ? Богъ насъ на такую высоту поставилъ, откудабъ мы всѣмъ свѣтомъ править могли, а мы сію отъ Всемогущаго Творца данную намъ власть на безчестнѣйшее раболѣпство мѣнять хотимъ. Разумъ твой тѣмъ тебя безпокоитъ, что чувствамъ твоимъ угодно. Не приличнѣелибъ человѣку было, когдабъ мятежныя страсти и бунтующія чувства разуму его повиновались? Духъ твой упражняется въ тѣлесныхъ сластяхъ; а не сходнѣель бы съ разумною натурою было, когда бы тѣло духу покорялось? Ты стараешься о томъ, чтобы тебѣ природу свою переворотить, а въ томъ больше труда и множае страху находишь, дабы разумной природѣ своей и званію Творца твоего усердно послѣдовать. Богъ тебя надо всѣмъ тлѣннымъ властелиномъ поставилъ, а ты себя самъ маловременной суетѣ подвергаешь. Тѣмъ-то человѣкъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ себя ругаетъ, а на дѣлѣ искусясь увидитъ, что симъ же способомъ себя и безпокоитъ. Разумное созданіе (человѣкъ) допускаетъ тому собою обладать, что ему на службу сотворено. Человѣкъ и за тѣмъ безпокоенъ, что не совершенное совершеннаго удовольствовать не можетъ. Воспряни и подымись же въ ту сторону, гдѣ благіе духи живутъ; тамъ твой подлинной домъ и прямое отечество. Смотри на вѣчное его совершенство. Люби всѣмъ усердіемъ нетлѣнную его красоту. Потщись сей сколокъ разумной природы на тебѣ самомъ, какъ на истинномъ ея подобіи, чрезъ всю жизнь твою воображать. Тогда ты роду человѣчу полезенъ, а въ себѣ спокоенъ будешь. Не ругай же себя отъ сего времени. Имѣй отнынѣ почтеніе къ самому себѣ. Не давай воли тѣлеснымъ своимъ поощреніямъ. Не допускай ихъ до того, чтобъ онѣ тобою власно какъ комедіянты куклами по своей волѣ дѣйствовали. Прилѣпляйся къ тому, что съ разумною натурою сходно. Держись того, что природу твою не дѣлаетъ хуждшею, когда уже ее исправить не можетъ. Прежде и больше всего о томъ старайся, дабы жизнь твоя ни малаго замѣшательства въ себѣ не имѣла, а дѣла бы твои не уподобились на трудолюбіе похожей праздности. Для убѣжанія обоего возьми себѣ такое намѣреніе, которое бы съ разумною натурою сходствовало, а къ твоемубъ намѣренію благопоспѣшно было.

40.

Чтенїе полезныхъ книгъ.

Прилѣжанїе къ наукамъ, а потомъ изданїе полезныхъ книгъ и рачительное чтенїе оныхъ великое спокойство человѣку приноситъ. Славнѣйшїе на свѣтѣ люди во всякихъ до наукъ касающихся трудахъ главное спокойство, первое веселье и лучшее себѣ удовольство нашли. Какъ Марку Туллїю мятежныя дѣла свѣтскія въ Римѣ наскучили, то онъ безпокойнаго шуму ихъ въ близкую подлѣ города деревню свою Тускулумъ уѣзжалъ. Тамъ въ чтенїи книгъ и въ письмѣ довольное время проводя, прежнюю свою веселость получилъ. Богъ въ разсмотренїе правды и мудрости отъ начала вѣка особливую сладость вложилъ. Кто ее ни искалъ, всѣ тѣ люди въ достойное награжденїе полезнѣйшихъ трудовъ своихъ отъ божественной десницы превѣчной истинны душевное спокойство получили, чего и вамъ любезный читатель усердно желаю.

41.

Сколь не пристойна печаль умному, а особливо ученому человѣку, также чѣмъ ему себя отъ незаслуженнаго злополучїя исцѣливши утѣшить, сїе увидимъ изъ происшедшихъ у философа Ѳилиска съ Цицерономъ разговоровъ. Этотъ первой у Римлянъ Ораторъ и великой во своемъ времени человѣкъ, за безмѣрную любовь и вѣрность къ отечеству его изъ Рима будучи выгнанъ, добровольно въ ссылку поѣхалъ. Сїе разумное уступленїе страшному времени враговъ его безстыдными, а друзей такъ непостоянными учинило, что прїятели съ непрїятельми въ томъ согласились, чтобы неповиннаго Цицерона изъ отечества выгнать. По семъ изгнанїи конфискованные пожитки его проданы, домъ раззоренъ до основанїя, а самъ Цицеронъ безчестнымъ человѣкомъ обьявленъ. Онъ отъ сихъ бѣдъ и крайнихъ страховъ изъ Сицилїи въ Македонїю уѣхалъ, спознался тамъ со славнымъ философомъ Ѳилискомъ. Сей рачитель мудрости въ одно время къ Цицерону пришелъ, и въ великомъ изумленїи его увидя, сталъ ему говорить: Не пристойно тебѣ славной Цицеронъ такъ унывать и на подобїе женщины въ глубокую печаль вдаваться. Не думалъ бы я того, чтобъ такъ искусной и столь умной человѣкъ какъ ты, по ободренїи множества печальныхъ сердецъ самъ въ глубокое унынїе и въ опасную душѣ отчаянность пришелъ. Цицеронъ ему отвѣчалъ:

Великое вѣ томѣ (любезной филискѣ) различїе, чтобы человѣку печальныхѣ людей утѣшать, или самому себя вѣ своей печали утѣшить. Когда мы другихѣ людей разговариваемѣ, то кѣ сему дѣлу свободной разумѣ употребляемѣ. Утѣшенїе наше для того сильно, что ни какою внутреннею болѣзнью не пресѣкается. Кой часѣ сердце у человѣка заболѣвши опечалится, то оно туманомѣ окружась, всю природную силу свою такѣ потеряетѣ, что умѣ человѣческой и вздумать того не можетѣ, чѣмѣ бы ему печаль свою прогнать, а себя утѣшить. филискѣ на то сказалѣ: Ты очень изрядно и умно говоришь, только я никогда тому не вѣрилѣ, чтобы вѣ нравоученїи, во всякихѣ вѣдѣнїяхѣ, и вѣ самой практикѣ толь сильной человѣкѣ, какѣ вы Цицеронѣ, противѣ безщастныхѣ припадковѣ жизни своей ни чѣмѣ вооруженѣ не былѣ. Но когда уже ты отѣ нынѣшняго нещастья своего почти совсѣмѣ побѣжденѣ: то я отвѣдаю, не можноль мнѣ твое бремя облегчить, или на послѣднюю мѣру вѣ ношенїи онаго дружескую тебѣ помочь подать. Ты сїю добрую волю мою тѣмѣ благосклоннѣе примешь, когда уже славнѣйшїе лекари Ипократѣ и Демоцедѣ вѣ то время у другихѣ людей помочи искали, какѣ сами не могли. Ваше (дорогой мой филискѣ) представленїе всякой благодарности достойно, (сказалѣ Цицеронѣ.) Я все то сѣ терпѣливостью слушать готовѣ, что туманѣ печали мои прогнать, а сердце мое вѣ прежнюю его веселость привести можетѣ. Хотя я искусствомѣ своимѣ довольно себѣ славы получилѣ, однако еще такѣ мудрымѣ отнюдь себе не почитаю, чтобы мнѣ у васѣ многосовершеннѣйшему не научиться. филискѣ сталѣ говорить: посмотримѣ же сперва, подлинноель это зло, которое такѣ сильно тебя мучитѣ? А потомѣ уже разсудимѣ, чѣмѣ бы сей бѣдѣ помочь. По первому я вижу, что ты бодрѣ и совсѣмѣ здоровѣ, а сїе состоянїе всякому человѣку за первое себѣ благополучїе почитать должно. Потомѣ не вижу, чтобѣ у тебя кѣ содержанїю жизни надобныхѣ вещей не доставало. По сему ни голоду, ни жажды, ни наготы, ни стужи, ни зною, ни жару бояться тебѣ нѣчего. Цицеронѣ отвѣчалѣ: Все это (любезной филискѣ) самая истинна! Да чтожѣ во всѣхѣ сихѣ пользахѣ такому человѣку, которой самѣ вѣ себѣ такѣ неспокоенѣ, что внутренняя печаль больше ему тягости причиняетѣ, нежели тѣ вещи удовольства приносятѣ, о которыхѣ ты сказывалѣ? Меня здоровье мое за тѣмѣ не веселитѣ, что умѣ мой о потерянномѣ вѣ такую болѣзнь пришелѣ, которая ему оставшимся малымѣ имѣнїемѣ наслаждаться не допускаетѣ. А что-

Филискъ. чтобы ты въ тѣ поры сказалъ, или подумалъ, когдабъ тебѣ ни пить, ни ѣсть нѣчего было? Ты о такомъ излишествѣ печалишься, въ которомъ человѣку дальней нужды нѣтъ. Ты ни отъ дѣда, ни отъ своего отца ничего въ наслѣдство себѣ не получилъ; а что было велерѣчїемъ своимъ нажилъ, то опять своимъ же языкомъ потерялъ. Перестань же о лишенїи такого имѣнїя печалиться, которое тѣмъ же самымъ способомъ изъ рукъ твоихъ ушло, которымъ оно въ твои руки пришло. Корабельщики въ жестокую бурю излишней грузъ корабля своего съ великою охотою въ море бросаютъ, только бы симъ облегченїемъ весь корабль свой спасти, а морю то на жертву отдать, что отъ него получили. Полно объ этомъ говорить, я того человѣка много щастливымъ почитаю, у кого ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ недостатка нѣтъ, а напротивъ тому за всякимъ излишествомъ трудъ, попеченїе, неправда, обида, зависть, ненависть, гоненїе, а на конецъ и самая погибель богатому слѣдуетъ. Это я очень знаю, что тѣлесная благая до тѣхъ поръ человѣку не милы, пока сердце съ душею печальми отягчено. Душа съ тѣломъ такъ тѣсно соединена, что тѣлу безъ искушенїя духовнаго пробыть не возможно. Только думаю, что душевныя болѣзни легче исцѣлить, нежели тѣлесныя, для того что тѣло наше изъ плоти, изъ крови, изъ жилъ, да еще изъ костей составлено; а слѣдственно изъ такихъ различныхъ вещей сложено, которыя тѣлесному пользованїю больше препятствуютъ, нежели душевному. Отъ Бога происшедшая душа есть духовное и простое существо. Когда уже ты душею болѣзнуешь, то должно намъ теперь того посмотрѣть, какое ты благо по нраву и по сердцу своему имѣешь? Какою пользою по душѣ своей одаренъ, и какимъ зломъ душа твоя отягчена? Я это вѣдаю, какъ многихъ людей ты своею мудростїю превышаешь. Ты не только Римскому Сенату и народу всегда полезное совѣтовалъ, да многимъ, а особливо добродѣтельнымъ людямъ всѣмъ усердїемъ помогалъ. Я твоей справедливости и отмѣнному великодушїю такїе подлинные опыты знаю, что ты не только отечество и друзей своихъ мужественно защищалъ, да страшнымъ врагамъ твоимъ противиться героичною душею не боялся. По сему всей твоей нынѣшней печали ничто другое причиною, какъ одно твое праведное постоянство въ добродѣтеляхъ, а притомъ безмѣрная любовь и непоколебимая вѣрность къ общему всѣхъ Римлянъ добру, также къ полезнѣйшему всей отчизнѣ вашей храненїю государственныхъ законовъ. Вся твоя жизнь доказываетъ воздержанїе твое.

Учи-

учиненныя тобою славныя дѣла въ самой полдень о томъ свидѣтельствуютъ, что ты темную ночь роскошей мужески побѣдилъ. Изо всѣхъ розговоровъ твоихъ видно хвалы достойно мужество и великодушие твое. Легко статься можетъ, что нещастие нѣкоторую часть силъ у тебя отнявши, изъ такой крѣпости тебя выгнало, которую ты обратно взять можешь. Я вижу, что ты тѣломъ здоровъ, а душею бодръ; по этому не нахожу, какую бы ты великую причину въ толь глубокой печали имѣлъ? развѣ тебѣ этотъ стыдъ малъ кажется, что я изъ отечества выгнанъ, и безчестнымъ объявленъ? Дому, жены, дѣтей, сродниковъ и друзей за неволю лишившись, по чужой землѣ ссылочнымъ скитаюсь. Непріятелямъ своимъ радостью и посмѣшищемъ здѣлался, а у друзей моихъ въ мерзость и въ напрасное поношеніе пришелъ. Все это (по самой истиннѣ) кажется мнѣ великое зло и крайнее нещастье? Цицеронъ.

Филискъ. А я во всемъ этомъ ни малаго зла не признаваю. Человѣкъ сложенъ изъ души да еще изъ тѣла. Какъ тѣло, такъ и душа доброе свое отъ природы имѣетъ. Ежели одного изъ нихъ не достаетъ, то подлинной человѣку вредъ и совершенной стыдъ; а когда оба цѣлы, то человѣкъ совсѣмъ хорошъ. Въ этомъ состояніи тебя сей часъ я вижу. Что касается до страму и до стыда, то оба эти порока по одному только мнѣнію, а не въ самомъ дѣлѣ злы, и слѣдовательно ни души, ни тѣла повредить не могутъ. Чье бы тѣло отъ того одного когда нибудь разболѣлось, или умерло, или чья бы душа правду и науку свою отъ того потеряла, что человѣкъ обруганъ и въ ссылку посланъ? Ты мнѣ ниодного такого человѣка показать не возможешь для того, что обѣ эти вещи таковы же сами себѣ не злы, какъ то въ самомъ себѣ не добро, чтобы человѣку отъ людей почтену быть, или въ своемъ отечествѣ умереть. Эти вещи таковы, что, и какъ человѣкъ объ нихъ думать станетъ. Ученые люди еще по сю пору о томъ согласиться не могли, что честь, и что безчестье. Одинъ то хвалитъ, что другой хулитъ. Третій то награждаетъ, за что четвертой наказываетъ. Пятые о имени чести да безчестья и слышать не хотятъ. Они въ томъ не очень еще и виноваты. До человѣка одно то касается, что къ его природѣ и къ существу принадлежитъ. Не смѣшноль было бы, здороваго человѣка въ тѣ поры больнымъ почитать, когда ему занемочь велятъ? И то сему же смѣху подобно, дабы человѣкъ для того безчестенъ былъ, что люди ему безчестнымъ быть приказываютъ. Все твое изгнаніе сему же подо-

добно. Оно ничто иное, какъ съ напраснымъ отъ народа руганіемъ соединенное путешествіе. Ежели ругательство само собою не зло, то и во изгнаніи твоемъ никакой худобы нѣтъ. Много такихъ людей, которыхъ вся жизнь самое путешествіе и всегдашнее странствованіе, а они сего ни за стыдъ, ни за вредъ себѣ не почитаютъ. Въ томъ все различіе, съ охотою, или съ роптаніемъ мы къ сему странствію готовимся. Которой бы умной человѣкъ не съ охотою то дѣлалъ, чего перемѣнить не льзя? Человѣку (по стародавнему правилу) не того желать, чего онъ хочетъ, да того хотѣть надобно, чему съ нами быть и здѣлаться должно. Жизнь наша со всѣми ея случаями не въ нашей силѣ и не въ человѣческой власти. Мы должны тѣмъ довольствоваться, какъ воля и судьба Божія дѣла наши учредитъ, а житье и пути всякаго человѣка управить изволитъ. Хотя мы сему и противимся, однако повиноваться принуждены. Ежели тебѣ худое воздаяніе за любовь и за вѣрность твою ко отечеству болѣзненнѣе изгнанія и чувствительнѣе стыда, такъ думай, что Божіей волѣ угодно было сіе терпѣніе на тебя положить. Притомъ за честь и за благополучіе себѣ почитай, что ты неповинно страждешь. Ты всегда и во всемъ правду дѣлалъ, а враги твои не праведно поступали. Для сей причины тебѣ должно радоваться, а имъ печальнымъ быть, ежели только ты отъ судьбы и отъ руки Божія возложенное на тебя бремя съ терпѣніемъ носить станешь. Буде на честь и на стыдъ смотришь, такъ это человѣку гораздо честнѣе, чтобы никакого зла не здѣлавъ изъ отечества удалиться, нежели въ отчизнѣ оставшись плутомъ и злодѣемъ быть. Не тому человѣку стыдъ, кто безвинно изгнанъ, да тѣмъ злымъ людямъ вѣчная срамота, кои его напрасно изгнали. Яжъ еще слыхалъ, что ты безъ неволи и безъ народнаго осужденія добровольно изъ Рима удалившись, съ такими злыми людьми жить не хотѣлъ, которыхъ тебѣ ни исправить, ни отъ погибели удержать совсѣмъ не возможно было. Ихъ-то по самой истиннѣ ссылочными, а не тебя изгнаннымъ называть должно, для того что они все доброе изъ сердецъ своихъ выгнали. Ты напротивъ того по той причинѣ передъ ними много честенъ, щастливъ и вѣчной славы достоинъ, что вездѣ и всегда за правду стоялъ, а и нынѣ за ту же истинну великодушно страждешь. Отнюдь тебѣ не надобно рабомъ воли и плѣнникомъ власти ихъ быть. Ты за сіе Богу много благодарить долженъ, что вседневной хлѣбъ и безбѣдное пропитаніе имѣешь. Не мѣсто человѣка щастливымъ творитъ, да человѣкъ мѣ-

мѣсто просвѣщая, вездѣ себѣ службу и благоденствїе промыслить можетъ. Это было извѣстнѣе славному у васъ Римлянъ полководцу Камиллу, которой не поскучилъ въ Ардеѣ жить, да другому вашемужъ Генералу Сципїону, когда онъ въ бѣдной своей деревенькѣ Литернѣ спокойную жизнь провождалъ. Я уже объ Аристидѣ да о Темистоклѣ и упоминать не хочу, которыхъ честь со славою неповиннымъ изгнанїемъ весьма умножалась. Аннїй да Солонъ цѣлую десять лѣтъ въ чужихъ краяхъ изъ доброй воли жили. По сему ничего за зло не признавай, что ни до души твоей, ни до тѣла твоего не касается, а на судьбу и волю Божїю отнюдь не ропщи. Сыщется ль на свѣтѣ такой человѣкъ, чтобы все по его волѣ и намѣренїямъ шло, и кто бы всесильной волѣ Творца противиться могъ? Ежели мы святымъ Создателя нашего судьбамъ терпѣливо и добрымъ произволенїемъ повинуемся, то отъ всѣхъ своихъ печалей и бѣдъ свободны. Когда же онымъ противиться начнемъ, то воля Божїя здѣлаетсяжъ, а человѣкъ за упрямство свое болѣзнь, печаль и наказанїе отъ Бога приметъ. Различїе безщастныхъ и щастливыхъ людей въ томъ, что первые волѣ Божїей добрымъ произволенїемъ повинуючись, въ награду сей покорности своей душевное спокойство получаютъ; а послѣднїе, то есть, безщастные люди нетерпѣливостью своею въ маловременной печали жестокую муку сами себѣ причиняютъ. Прошу васъ дорогой Цицеронъ, все это въ памяти своей прилѣжно содержать для облегченїя теперешней печали вашей. Не тужи и не сердись о томъ, когда услышись, что враги и гонители твои въ благоденствїи живутъ. Время нечестивыхъ такъ коротко, что назавтрѣе пришедши со изумленїемъ увидитъ, что и фундаментъ тѣхъ дворовъ изъ земли вырытъ, гдѣ беззаконники жили. Что больше человѣкъ на свѣтѣ благополучїя имѣетъ, толь скорѣе щастье его какъ безъ мѣры грузной корабль совсѣмъ опрокинется. Злая жизнь мятежниковъ подобна такимъ безстрашнымъ корабельщикамъ, кои въ жесточайшую бурю нарочно по морю ходятъ: но отъ свирѣпыхъ волнъ во мгновенїе ока поглощаются. Я тебѣ о Друзусѣ, о Сципїонѣ, о Тиверїи Грахѣ и говорить уже не хочу. Вспомни одно то, какою смертью славной вашъ Камиллъ свободя Капитолїю отъ рукъ Галловъ, толь бѣдно умеръ? Лучшель сего Аристиду да Темисклоту послѣ ссылки ихъ было, о томъ самъ ты лучше меня знаешь. По всѣмъ обстоятельствамъ надѣяться можно, что ты изъ нынѣшней бѣдности своей во отечество взятъ будешь; а это (какъ я думаю) черезъ тѣхъ же людей

здѣлается, которые къ твоему изгнанію больше другихъ помогали. Только я усердно того желаю, чтобы ты въ Римъ не ѣздилъ. Пожалуй, дружески меня послушавъ, купи себѣ деревеньку при морѣ. Тамъ экономію заведши и въ тихости живучи, по примѣру Ксенофона да Туцидида книги пиши. Въ этомъ премудрости посвященномъ убѣжищѣ постоянное удовольство безъ всякаго мятежа и безъ страху себѣ найдешь. Ежели равнаго съ ними безсмертія желаешь, то также живи и дѣлай какъ они. Пропитаніе у тебя довольное, а чести и чиновъ самъ не ищешь. Ты уже Консуломъ одиножды былъ, а теперь лучше тебѣ коснульство на вѣки забывши вовсе Цицерономъ остаться, нежели по Маріусову примѣру семь разъ безщастнымъ Консуломъ быть. О принятіи тобою высокаго чина самъ я по тому не надѣюсь, что ты даваннаго тебѣ знатнаго достоинства честно и великодушно не взялъ. Всѣ свѣтскіе чины одна только причина съ поводомъ къ зависти, къ оболганію и клеветамъ, къ ненависти и къ гоненію, а на конецъ къ неизбѣжной погибели носящему ихъ. Я это не въ указъ тебѣ говорю. Ты уже щастье и нещастье отвѣдавши, самъ разсудить можешь, что лучше. Жизнь наша кратка и бѣдами наполнена. Когда уже спокойство лучше мятежей, тишину выше волненія, волю паче неволи, а безопасность дороже страху всегда почитать надлежитъ: то самъ разсудя, выбирай себѣ лучшее, ежели достальные дни свои въ мирѣ проводить, а имя свое безсмертнымъ учинить желаешь Буде же къ возвращенію въ Римъ и къ дальней чести во отечествѣ твоемъ непреклонную охоту имѣешь, то хотя я тебѣ никакого зла прорекать не хочу, но когда безмѣрную невоздержность велерѣчиваго языка твоего съ необузданною силою соперниковъ и непріятелей твоихъ разсуждаю, то весьма боюсь того, чтобъ тебѣ не только въ другоредь изъ отечества выгнану не быть, но и безвременно бы смертью не погибнуть. Хотя Цицеронъ отъ сего съ филискомъ разговора и увѣщаніемъ его довольно успокоился, только по маломъ времени возвращенъ будучи въ Римъ, точно такою смертью погибъ, какъ ему филискъ за нѣсколько лѣтъ по мудрости своей напередъ сказалъ.

4 2.

Ничтожество и тлѣніе всего, что на свѣтѣ ни есть.

Надъ Цицерономъ власно то же здѣлалось, что почти со всѣми молодыми людьми бываетъ. Сколько бы ты имъ о суетѣ, о непостоянствѣ и о тлѣнности всего на свѣтѣ не говорилъ, только они

они лобъ наморщивши и словъ твоихъ не слушая все свое думаютъ. Такихъ благонравныхъ людей оченъ мало, которые бы добраго ученія охотну слушали, а отъ полезнаго имъ наставленія мудрыми учинились. Алхимисты суетной трудъ свой во мнимомъ дѣланіи золота тогда узнаваютъ, какъ всѣ свои червонцы черезъ кубики и скляницы на воздухъ перегнавши, въ достойное награжденіе безумныхъ и суетныхъ трудовъ своихъ, кромѣ уголья да золы ничего не получаютъ. Вся слава міра сего подобна летучему змѣю. Она весьма не то, чѣмъ человѣку ложно кажется. Я лѣтомъ по улицѣ идучи, увидѣлъ такой камень, которой блистаніемъ своимъ противъ солнечныхъ лучей золотымъ крупникамъ и мѣльчайшимъ алмазнымъ крошкамъ много уподоблялся; а какъ я поднявши его розломилъ, то съ крайнимъ изумленіемъ увидѣлъ, что это дресвяной камень былъ. Таковы власно всѣ прелести свѣта сего. Мы одну наружную корку вещей употребляемъ, а на гладкую поверьхность ихъ безъ памяти и безъ разсужденія заглядываемся. Всемудрѣйшій Творецъ человѣку два глаза для того даровалъ, дабы мы на все видимое пристально смотрѣли, а притомъ бы не забывали того, что у насъ еще другое зрѣніе есть. Тѣлесными глазами человѣкъ только наружную кору, или кожу у всякихъ вещей видитъ, а душевными очами здраваго ума и разсужденія надобно человѣку глубже проницать, дабы цѣну всякой вещи по ея тлѣнному достоинству подлинно знать. Славнѣйшій въ Персидскихъ Царяхъ Ксерксъ весьма не разсудно о томъ печалился, когда высокія его намѣренія тѣмъ уничтожились, что безчисленныя его войска отъ наступившей нечаянно стужи какъ мухи померли. Онъ было собралъ превеликую армію, вооружалъ ужасные флоты, наполнилъ Еллеспонтъ (морской проливъ въ Греціи) безчисленнымъ множествомъ кораблей, срылъ страшную гору Атосъ долой, и всю натуру переворотить задумавши, на сухомъ пути кораблями плавать, а по морю коесницами ѣздить намѣрился. Почто сей Монархъ такъ сильно трудится, и куда все намѣреніе неусыпныхъ трудовъ своихъ клонитъ? Почто онъ самаго себя и бѣдныхъ Грековъ мучитъ? Развѣ онъ всю палящую ярость гнѣва своего въ крови Аѳинейцовъ утолить желаетъ? Или уже за тѣмъ многіе годы вооружался, чтобы цѣлой милїонъ людей своихъ въ пять мѣсяцовъ (однимъ лѣтомъ) погубить? Достойной конецъ надмѣнной гордости и праведное наказаніе суетной злобѣ человѣческой! Какъ уже сильнѣйшій Монархъ на цѣломъ свѣтѣ дѣлъ человѣческихъ

 по

по своей волѣ управя въ дѣйство произвесть не можетъ, то мнѣ бѣдной твари на что о томъ печалиться, чего я перемѣнить не могу? Самъ я земля и пепелъ, а о прахѣ да о пыли печалью себя мучу? Пагубное самолюбїе такїя мечты въ мысль человѣческую приводитъ. Теперь-то уже я верьховнаго достоинства и крайняго благополучїя на свѣтѣ достигъ! Ни въ разумѣ, ни въ богатствѣ, ни въ чести, ни въ роскошахъ, ни въ забавахъ и ни въ чемъ недостатка не имѣю. Я людямъ прїятенъ, разуменъ, во всемъ искусенъ, ко всякимъ дѣламъ способенъ, многимъ людямъ помогаю, а они мнѣ служатъ. Все это изрядно и хвалы достойно. А долго ли ты другъ мой въ этомъ (по твоему суетному мнѣнїю) блистательномъ житьѣ своемъ пробыть и подержаться думаешь? Знаешь ли, какїя безчисленныя препятства на этомъ синемъ льду и на гладчайшемъ пути своемъ встрѣтишь? Соперники высокїе твои замыслы всякими способы унизятъ. Злоба да зависть лучшимъ дѣламъ твоимъ должнаго почтенїя и славы не дастъ. Собственное мечтанїе, или какая нибудь страсть твоя начнетъ тебя мучить, а не большая лихорадка всѣ твои забавы съ весельемъ уничтожитъ. Тѣми большими печальми и стращать тебя не хочу, когда голодъ, война, пожары, или разбойники изъ дому тебя выгонятъ. Клевета съ оболганїемъ тайныхъ или явныхъ непрїятелей твоихъ всю честь и славу твою помрачитъ. Жестокая болѣзнь всѣ члены тѣла твоего раздробитъ, а нечаянная смерть самую жизнь и всю твою славу въ землю втопчетъ. Видишь ли бѣдной человѣкъ, что намъ совершеннаго спокойства и благополучїя въ высочайшемъ мѣстѣ искать надобно? Человѣку отъ одного имени щастья или нещастїя пужаться не должно. Обѣ эти вещи перемѣнны и весьма непостоянны. Онѣ въ самомъ дѣлѣ не то, чѣмъ кажутся. Умному человѣку на сонъ свой надѣяться и ему много вѣрить отнюдь не надлежитъ. Вся наша жизнь самой сонъ и сущее привидѣнїе, а множайшїе люди подобны соннымъ. Имъ во снѣ грѣзится, а глазами ничего ни видятъ. Многое слышится, а прямыми ушми ничего не слышатъ. Симъ людямъ кажется, будто пьютъ и ѣдятъ, а во ртѣ у нихъ ничего не бывало. Все чувствуютъ, а ни чѣмъ не наслаждаются. Во снѣ своемъ работаютъ, ѣздятъ, говорятъ, смѣются, по воздуху летаютъ, дерутся, плачутъ и радуются, а сами на постелѣ своей лежа ни рукою, ни ногою тронуть не могутъ. Такъ власно мечтанїе не спящими людьми шутитъ. Жалости достойной человѣкъ, любитъ или ненавидитъ, желаетъ или боится, радуется или печа-

чалится о такихъ вещахъ, которыя и самаго мнѣнія легче. Одинъ о себѣ думаетъ, будто выше премногихъ почтенъ, а самъ къ презрѣнію и на ругательство бѣжитъ. Другой ложно думаетъ, будто веселится, а онъ себѣ печаль и болѣзнь заранѣе готовитъ. Третій пустымъ мнѣніемъ богатъ, а на дѣлѣ съ голоду умираетъ. Четвертому видится, будто изрядно живетъ, а онъ уже дѣйствительно умираетъ. Такъ-то суета слугъ своихъ прельщая очевидно слѣпитъ. Кому бы изъ насъ минувшее не показалось сномъ? Для чего намъ эти вещи вблизи не такъ ясны, каковы издали кажутся? Можетъ ли воля наша лучше разума объ нихъ разсуждать? Мы носимъ въ рукахъ своихъ ледъ. Что крѣпче человѣкъ жать его станетъ, то скорѣе ледъ въ рукѣ у насъ ростаетъ. Въ неудержимой тѣни минувшаго всякой человѣкъ истинное подобіе настоящей чести и славы своей такъ ясно какъ въ зеркалѣ видитъ. Какъ скоро красота человѣческая родится, такъ уже и умирать начнетъ. Я этого понять не могу, для чего человѣкъ объявленныя предъ симъ вещи постояннѣйшими себя признаваетъ? Сколько честей и сокровищъ однимъ днемъ въ ничто обратилось? Спроси ты Сициліянскаго Тирана (владѣтеля) Діонисія, какъ онъ съ царскаго престола сошедши, школьнымъ учителемъ здѣлался? Спроси у богатѣйшаго всѣхъ Царей Креза, для чего онъ суеты и ничтожества сокровищъ своихъ до тѣхъ поръ не зналъ, какъ самого на костеръ дровъ къ сожженію взвели? Еще спроси славныхъ и сильнѣйшихъ народовъ, за чѣмъ они дѣлъ человѣческихъ постоянными и вѣчными учинить не могли? Не думай того, будто Египтяне покоривши себѣ многіе народы, сами напрасно въ подданство пришли. Почти цѣлаго свѣта побѣдители Римляне теперь другимъ работаютъ. Храбрые Персіяне отъ забавъ своихъ Парфянъ побѣждены. Сими-то уму нашему непостижимыми способы свѣтская суета безпрестанно вертится и въ такое смятеніе приходитъ, что человѣкъ вмѣстѣ съ нею вертѣться принужденъ, ежели на сію тѣнь крѣпко понадѣется. Настоящее одна перемѣна, минувшее въ море вѣчности ушло, а будущее темнота и самая неизвѣстность. Одинъ думаетъ, будто на высоту всходитъ, а онъ отъ другихъ пораженъ и на низъ катится. Другой тужитъ, будто совсѣмъ пропалъ, а онъ у всѣхъ выигралъ. Темнота закрываетъ будущее, а тлѣнность настоящаго ругается человѣческому попеченію о суетѣ и о ничтожествѣ, о тѣни, о вѣтрѣ и о такой пыли, которую на дорогѣ передъ глазами идущаго клубомъ и столбомъ вертитъ.

43.
общая бѣдность пременной жизни.

Маловременная жизнь человѣческая отъ самаго рожденїя по день смерти нашей ничто иное, какъ самая бѣдность, а именно, трудъ, болѣзнь, печаль, страхъ, надежда и с мая смерть. Всѣ эти обстоятельства природное наше добро. Ежелибъ мы общїя тягости жизни своей печалью отвратить или облегчить могли, тобъ на людей и пенять въ томъ нѣчего было, что они часто печалятся и много тужатъ. Когда уже мы съ природы своей очень бѣдны, то для чего намъ эти бѣды свои безполезно печалью и дряхлымъ туженїемъ напрасно умножать? Намъ должно было о томъ стараться, какъ бы общїя бѣды свои самовластнымъ терпѣнїемъ облегчать, а мы еще масло на огонь льючи о томъ трудимся, чтобы сносное чрезъ нетерпѣливость свою несноснымъ учинить. Мы это надъ собою и надъ другими людьми ежедневно видимъ, какимъ бѣдамъ весь родъ человѣческой подверженнъ. Безпамятство наше первая тому причина, что человѣкъ о невозможномъ печалится. Есть ли на свѣтѣ хотя одно совершенное благо? Мы еще и совершенства подлинно не знаемъ, а совершенно благополучными быть хотимъ. Люди то свѣтомъ называютъ, въ чемъ не много темноты. Здоровье наше нечувствительная болѣзнь, а и самая жизнь почти всегда тайная смерть. Развѣ мы того желаемъ, чтобъ припадки въ жизни нашей постояннѣе житья и совершеннѣе самихъ насъ были? Или постояннаго благополучїя на такой землѣ ищемъ, которая всегдашними перемѣнами содержится? Весьма безумно того желать, что бы глыба земли легче пера здѣлалась, вѣтеръ бы да воздухъ постояннымъ учинился, рѣчная бы вода всегда на одномъ мѣстѣ стояла, а огонь бы не жегся. Или упрямствомъ своимъ всю тварь одержавши, то здѣлать пожелаемъ, чтобы солнце подъ землю не за ходило, а день бы смерканїемъ не оканчивался. Премудрой Соломонъ для того все суетою назвалъ, что все на свѣтѣ тлѣнїе, непостоянство, дымъ, сонъ и провидѣнїе. Почто же мы на сїю мглу и пыль такъ твердо надѣемся? Все на свѣтѣ кругомъ ходитъ, и такъ скоро вертится, что одно наступя опять тудажъ уходитъ, откуда пришло. Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, огонь, воздухъ и вѣтеръ захожденїемъ своимъ поглощается, а восхожденїемъ вновь родится. Для сей причины Всемогущїй Богъ эти свѣтила на тверди небесной за тѣмъ поставилъ, чтобъ они свѣтящимся дви-

движенїемъ своимъ смотрящему на нихъ человѣку напоминали о непостоянствѣ всего, что въ свѣтѣ ни видитъ. Радость и печаль, плачъ и смѣхъ, жизнь и смерть имѣетъ свое время. Всемогущїй Творецъ сими перемѣнами человѣка научить и увеселить хотѣлъ. Кто такъ чужъ въ домѣ своемъ, какъ бѣдной человѣкъ? Онъ никогда того не помнитъ, что во временной жизни имѣетъ. Вся тварь подобна той землѣ, отъ которой человѣкъ взятъ. Земля безъ перемѣнъ года стоять не можетъ. Всегдашнее лѣто весьмабъ ей вредно было. Зимѣ должно притти для приданїя землѣ плодородительной силы. Такъ власно студеному вѣтру бѣдъ и печалей надобно все естество человѣческое къ произращенїю добродѣтелей способнымъ учинить. Жало и смертельной ядъ грѣха въ плоти нашей утолить, а сѣмя всякаго добра отъ тернїя внутренняго зла непостижимою силою очистить, дабы сїе доброе сѣмя къ содержанїю людей и всего свѣта благїе плоды произрастить могло. Премудрѣйшїй Создатель въ творенїи мїра сего видимой нами свѣтъ изъ тьмы произвелъ, а въ содержанїи всей твари доброму изъ видимаго нами зла происходить должно. Это къ содержанїю всей твари необходимо служитъ, дабы перемѣняющїяся между собою спорныя тѣла другъ друга порядочно смѣняли. О семъ говоритъ Елїусъ у Іова въ главѣ 34 сими словами: Мнитъ ли кто Господа зло творити, иже созда небо и землю? Кто же есть творяй поднебесную и сущее все, развѣ его? Аще бо хощетъ праву удержати, и духъ въ себѣ удержитъ. Умретъ же всяка плоть. Всякъ же человѣкъ въ землю пойдетъ, отнюду же созданъ бысть. Нетерпѣливая и малодушная жена Іовля сихъ высокихъ словъ не разумѣвши мужу своему сказала: Рцы глаголъ нѣкїй ко Господу и умри. Но смиренный и праведный Іовъ по благонравїю и по обычной кротости женѣ своей отвѣчалъ, что яко едина отъ безумныхъ женъ возглагола еси. Благая бо прїяхомъ отъ руки Господня, злыхъ ли не стерпимъ? Для чего намъ того пужаться, что всякому человѣку сродно и всѣмъ намъ свойственно? Человѣкъ по выходѣ отъ утробы матери своей крикомъ и слезами даетъ знать, что онъ не господинъ и не обладатель вселенной, да бѣдной рабъ грѣхамъ, болѣзнямъ, бѣдамъ, скорбямъ, и въ холопство смерти родился. Для чего мы не хочемъ въ теченїи жизни своей того стерпѣть, что человѣкъ еще отъ чрева матери по природѣ своей заранѣе узналъ? Славной въ практикѣ свѣтскаго житья Менандръ дѣйствительнымъ искусствомъ узналъ, что въ сладчайшей радости тайная печаль скрыта. Въ высочайшей чести трудъ и по-

попеченїе, у великаго богатства страхъ съ безсонницею, скупость съ немилосердїемъ, а всечасная боязнь съ ненасытствомъ на цѣпяхъ прикованы лежатъ. На сїе кромѣ ежедневнаго искусства никакихъ свидѣтелей и доказательствъ не надобно. Ни въ одномъ чинѣ и состоянїи житья свѣтскаго какъ старымъ, такъ молодымъ и среднихъ лѣтъ обоего пола людямъ безъ печалей пробыть не возможно. То всего удивительнѣе, когда уже язычники свѣтомъ природнаго разума сїе узнали, человѣку за грѣхи свои бѣды и нещастье терпѣть должно. Какъ Персидской Царь Дарїй о смерти супруги своей не утѣшно печалился, то Демокритъ къ сему Монарху пришедши обѣщалъ Царицу его оживить, ежели Дарїй прикажетъ на гробѣ ея имена такихъ трехъ человѣкъ написать, которые бы во всю жизнь свою никакой печали не имѣли. Умной Царь Дарїй скоро разсудилъ. Какъ по Демокритову требованїю здѣлать не возможно, такъ и тому статься не льзя, чтобы мертвую Царицу его оживить. Я сїе пишу, на показанїе печальнымъ людямъ того, какъ суетно сѣтованїе, и коль напрасно тужение ихъ. На что человѣку о томъ печалиться, что ему такъ сродно, какъ самая жизнь, а не обходимо такъ, какъ повседневной хлѣбъ. Когда я ни чѣмъ другихъ людей не лучше, то для чего мнѣ меньше ихъ бѣдъ и нещастья себѣ желать? Не всѣ ли мы такъ власно къ трудамъ, какъ птицы на летанїе родились? Дни житїя человѣческаго по самой истиннѣ маловременными и злыми названы. Грѣхи всѣхъ насъ отъ плоти рожденныхъ безчестными и нечистыми творятъ. Страсти безпокоятъ. Страхъ съ надеждою безпрестанно мучитъ. Желанїе съ прихотьми непрерывно человѣка терзаетъ. Любопытство внѣ себя выводитъ. Суета прельщаетъ, а заблужденїе помрачаетъ умъ. Работа съ трудами умаляетъ силы наши. Искушенїе поощряетъ насъ къ злому. Враги всякими способы на насъ нападаютъ. Нужда и бѣдность потемняетъ остроту разума. Всякой человѣкъ свой крестъ несетъ, а яснѣе сказать, у всякаго изъ насъ своя нужда и особливая печаль. Какъ многимъ страхамъ подвержена молодость? Какїя скуки, болѣзни и печали окружаютъ старость нашу? А и самая средина лѣтъ человѣческихъ трудами, попеченїемъ и великими опасностьми наполнена, съ такимъ только различїемъ, что у одного больше бѣдъ, нежели у другаго человѣка. Для чегожъ мнѣ къ сему общему воздуху не привыкать? За чѣмъ одному то страннымъ кажется, что ежедневно и надъ всякимъ человѣкомъ дѣлается? Развѣ я того не знаю, что свѣтъ сей одною перемѣ-

ною содержится? Для чегожъ такому терпѣнію меня озлоблять, которымъ будущая радость моя умножится? Или уже я различія тѣхъ голосовъ не помню, которые всю музыку пріятною тварямъ, темныя тѣни, живописную работу возвышаетъ; а я такую бѣду снести боюсь, безъ которой вся жизнь моя красна, а добродѣтель совершенна быть не можетъ. Кто бы про Гектора зналъ, ежелибъ Греки города Трои не разорили? Развѣ уже я природу свою такъ мало знаю, что такого случая пужаюсь, которой всѣмъ намъ отъ натуры вкорененъ? Ежели мы сего свѣта подлинно не знаемъ, то не только Христіянскіе учители, но языческіе философы насъ тому учатъ.

44.

Свѣтъ сей есть боевое поле, или битвенное мѣсто.

Различіе человѣческой бѣдности показываетъ намъ, что исполненіе должности разумнаго человѣка есть истинной способъ и единой путь къ спокойству душевному. Это одна суета и гордость стоическихъ философовъ была, что они ко всякой нуждѣ и къ болѣзни не только крѣпкими, но и нечувствительными себя казали. Сила добродѣтели не въ томъ, чтобы человѣку нужды и болѣзни своей не чувствовать, да въ томъ больше состоитъ, чтобы намъ къ нуждѣ да къ болѣзни своей терпѣливно привыкать, и оную великодушно нести. Изъ сего уже то утѣшеніе произойдетъ, что человѣкъ страданіи своими собственное нещастіе побѣждаетъ. Добродѣтель къ тому надобна, чтобы человѣка въ благополучіе привесть; а нещастіе съ бѣдами къ тому нужно, чтобы насъ чрезъ разныя практики добродѣтельными учинить. Горшая бѣдность происходитъ отъ злости человѣческой. Что больше мы ко умаленію зла помогаемъ, тѣмъ больше всеобщее благополучіе поспѣшествуемъ. Исполненіе добродѣтелей умножаетъ человѣческое благополучіе, а кто о худомъ времени жалуется, тотъ изъ сихъ злыхъ дней лучше усмотритъ, что ему къ своей и къ общей пользѣ дѣлать. Между щастьемъ и нещастьемъ такоежъ различіе, какъ между людьми. Свѣтъ сей содержится безпрестанною перемѣною. Самая нужда того требуетъ, чтобъ нѣкоторые люди въ свѣтѣ сильны и велики, другіе безсильны и малы, третіе убоги, четвертые богаты, пятые многомощны, а шестые худо-

сильны и безпомощны были. Ежели одному въ другомъ нужды не было, то кудабъ и весь порядокъ дѣвался? Кто бы могъ повелѣвать, и кто бы сталъ повиноваться? Когдабъ всѣ люди на свѣтѣ равны были, тобъ сїе опасное равенство между поврежденными съ природы людьми не сказанныя бѣды и страшные мятежи произвело. Но понеже не большое число сильныхъ всѣ части свѣта въ безпокойство приводтъ, то какой бы въ тѣ поры страхъ былъ, ежелибъ всѣ люди равное богатство имѣли? Со всѣми благими жизни нашей тожъ самое обстоятельство. Ежелибъ они равно богаты, тобъ другїе равно бѣдны были. Гдѣжъ бы красоту съ порядкомъ сего свѣта найти, ежелибъ ни господъ, ни рабовъ, ни ремесленыхъ людей, ни художниковъ, ни крестьянъ не было? Самое состоянїе жизни нашей того требуетъ, чтобъ одни убожѣе и подлѣе, а другїе люди богатѣе и честнѣе ихъ были. Для чего мнѣ одному безрасудно того желать, чтобы жеребей убожества меня обошедши другому достался? Мнѣ своимъ недостаткомъ къ общей пользѣ въ порядкѣ убогихъ тожъ можно здѣлать, что и другимъ въ классѣ богатыхъ. По чему это вѣдать, кто должность свою съ большею охотою, или съ меньшимъ помѣшательствомъ исполняетъ? Я житьемъ своимъ по тому доволенъ, что состоянїе свѣта того требуетъ, дабы множеству малыхъ людей одного человѣка великимъ учинить, а одному сильному великое число бѣдныхъ людей содержать.

4 5.

Гдѣ больше печали, нежели радости?

Ежели намъ еще прилѣжно подумать, то мы въ свѣтѣ больше печали, нежели радости найдемъ. Для чего же я тому и дивлюсь, что мнѣ тою монетою платятъ, которая въ свѣтѣ знакомѣе и больше другихъ денегъ ходитъ? Ежелибъ человѣкъ во всегдашнихъ роскошахъ и забавахъ жилъ, такъ тѣ же бы роскоши со всегдашнимъ весельемъ напослѣдокъ ему же въ муку, въ печаль и въ тоску обратились. Хотябъ забава человѣку такова же прїятна, какова Пророку Іонѣ тыква мила была, только на конецъ черви корень у нее подъѣдятъ. Земное веселїе съ забавами быстрѣе такой воды течетъ, которая тину печалей и скорбей съ собою тащитъ. Хотя золото, серебро, драгоцѣнное каменье, и все что свѣтъ сей высоко почитаетъ, съ мудростью сравниться не можетъ и не достойно, только человѣческая мудрость не совершен-

шенна и скукою наполнена. Люди ее великимъ трудомъ и многимъ страхомъ ищутъ; а когда получатъ, то о безумїи свѣтскомъ ежедневно печалятся. Ежелибъ у человѣка такїя изрядныя дѣти были, о которыхъ бы онъ великую надежду имѣть могъ, то хотя сїе и не малое щастье, однакожъ ничего совершеннаго въ себѣ не имѣетъ. Дѣти твои смерти подлежатъ; а ежели важную о себѣ надежду оказавши нечаянно помрутъ, то печаль твоя объ нихъ толь чувствительнѣе будетъ. Когда они испортившись злыми учинятся, то печаль твоя по близости крови весьма умножится. Прочїя на свѣтѣ вещи и дѣла власно таковыжъ. Подъ медомъ ихъ ядъ и жало, а въ сахарѣ желчь есть. Все свѣтское гораздо больше причины къ печали, нежели къ радости въ себѣ имѣетъ. Что больше человѣкъ свѣтскаго желаетъ, то больше случая къ печалямъ да къ безпокойству самъ себѣ ищетъ. Чѣмъ болѣе у человѣка друзей, тѣмъ больше ему причины къ жалѣнїю о нещастьѣ, о болѣзни, или о смерти ихъ будетъ. Доброй конь на бою, а прямой другъ въ нуждѣ да въ бѣдахъ познавается. Когда тебѣ сїе не удастся, въ тѣ поры узнаешь, каковы люди на свѣтѣ. Хотя у тебя богатства и много, однако ты при всемъ томъ не безъ страха и не безъ печали. Что больше имѣешь, то больше потерять и о томъ жесточае печалиться можешь. Имѣнїе главное въ свѣтѣ намѣренїе, и та самая мѣта, къ которой всѣ живущїе на земли однимъ устремленїемъ единодушно текутъ. Всякъ изъ насъ съ яблони лучше яблоко сорвать хочеть. Буде человѣкъ въ великой силѣ и въ чести, такъ у него такихъ тайныхъ ненавистниковъ и явныхъ гонителей много, которые день и ночь того смотрятъ, какъ бы его съ бархатнаго стула збросить. Что выше ты сидишь, тѣмъ больнѣе отъ сего паденїя ушибешься. Этотъ стыдъ весьма чувствителенъ, и толь виднѣе будетъ, что на бѣломъ платьѣ не только пятно, да волосъ не утаится. Что долѣ человѣкъ живетъ, то больше и чаще безщастенъ быть можетъ. Болѣзни, съ разныхъ сторонъ печали, гоненїе, стыдъ и многїя слабости тѣмъ чаще станутъ его мучить. Человѣкъ можетъ все благополучїе свое переживши подъ старость самому себѣ въ скуку и въ тягость быть. Буде у тебя всего много, такъ у другихъ ничего нѣтъ. Какъ великое число такихъ нужду терпящихъ людей сыщется, которые бы однимъ излишествомъ славнаго банкера весьма довольны были? Я о томъ не печалюсь, что у меня ничего чужаго нѣтъ; да о томъ радуюсь, что никого не обидѣлъ и не ограбилъ: а того отнюдь

нюдь не желаю, за чтобъ люди меня кляли. Пускай свѣтъ сей таковъ будетъ, каковъ онъ есть, а я постараюсь такимъ себя учинить, какову мнѣ быть должно, а именно: такому разумному человѣку, котораго сердце къ развращенному свѣту не прилипаетъ, и его перемѣнами также не безпокоится, какъ земледѣлецъ о томъ мало тужитъ, что послѣ одного вреднаго дня трое, или четверо сушки дождь идетъ.

46.

Не надѣяться на людей.

Человѣку гораздо меньше бѣдъ и напастей будетъ, ежели онъ на подверженныхъ смерти людей, также на перемѣнное и не постоянное щастье надѣяться не станетъ. Жизнь наша со всѣми роскоши и забавами такъ вертится, какъ колесо. Которая спица сей часъ внизу была, та во мгновенїе ока наверьху очутится. Которой человѣкъ на перемѣну понадѣется, тотъ съ симъ колесомъ и самъ завертясь стремглавъ упадетъ. Кто до тебя очень милостивъ, того нечаянная кончина, или паденїе и тебѣ смертью здѣлаться можетъ. Ежели ты на подлежащаго смерти человѣка всю свою надежду возложишь, то нечаянной отъ него гнѣвъ съ премѣнною милостїю, обѣщанїе или отказъ, надежда или страхъ, польза или убытокъ, жизнь или смерть безпрестанно тебя мучить станетъ. Это чувствованїе неумирающей клятвы отъ Бога за то на людей положено, что они на смертнаго человѣка то все совершенное упованїе возлагаютъ, которое Творцу и единому Господу нашему принадлежитъ. Царь и Пророкъ Давидъ по сему дѣлу въ самой практикѣ искусясь, одну половину безсильныхъ, а другую часть лживыхъ людей нашелъ. Какъ онъ ихъ вѣсами здраваго разума взвѣсилъ, то они ему легче самой суеты показались, для того что перемѣнной нравъ съ непостоянствомъ ихъ основатель о узналъ. Которые сего дня на его сторонѣ были, тѣ на другой день противъ его стояли. Саулъ и дочь его, а Давидова жена Царевна Мельхола, другъ за друга Давида любили и ненавидѣли; а искреннѣйшаго Давиду друга Царевича Iонафана смерть съ нимъ разлучила, о чемъ сей мудрый Царь и Богоотецъ въ сорокъ второмъ псалмѣ пѣсней своихъ пространнѣе пишетъ.

47.
Но на Бога.

Не лучшель и не безопаснѣе ли намъ подъ защищеніемъ крылъ Божіихъ жить, и Его святому провидѣнію себя предать? Покровъ божественной десницы Его тихое и безопасное прибѣжище всѣмъ въ бѣдахъ и въ печалѣхъ погруженнымъ душамъ, о чемъ въ другой части сей книги пространнѣе объявится. Язычникамъ отъ природнаго разума данныя утѣшенія Сенека и другіе философы въ книгахъ своихъ пространно описали; а нынѣ только сіе разсудимъ, что Царь Маркъ Аврелій сказалъ. Развѣ Богъ о людяхъ не попечется? А что значитъ ихъ молитва и жертвъ приношеніе? Ежели Богъ о насъ воистинну печется, какъ всѣ мы вѣримъ, и вѣрить должны: то Онъ о людяхъ своихъ ничего злаго не заключилъ. Какая бы то вещь была, которая бы святое, всеблагое и кроткое Существо ко учиненію вреда побудить могла? За чѣмъ я своею волею не довольствуюсь, когда подлинно знаю, что Богъ никакого зла, кромѣ пользы и кромѣ всѣхъ благъ воистинну мнѣ не пожелаетъ? Ежелибы человѣку самому себя всѣмъ снабдѣвая всечасное о себѣ попеченіе имѣть, тобъ онъ кромѣ того ничего не дѣлалъ, какъ только безпрестанно мучился, для того чтобъ ему объ отвращеніи такого зла всечасно думать надлежало, которое человѣка безпрестанно окружаетъ. Это суетное мнѣніе съ напраснымъ трудомъ по всякой бы день новую въ насъ печаль раждало живымъ представленіемъ того страха, которымъ все естество наше опутано. Въ какомъ бы непрерывномъ страхѣ безчисленныя причины къ смерти человѣка содержали? Для того намъ несравненно лучше всю свою печаль на Бога возложить, которой святымъ словомъ страшныя силы своея все движетъ, и непостижимо содержитъ. Кто въ несовершенныя силы природы очень глубоко запущается, тотъ необходимымъ ихъ теченіемъ связанъ будетъ. Египтяне и другіе народы разумно признали, что тотъ человѣкъ выше всѣхъ печалей, кто душу свою съ превѣчнымъ Богомъ соединяетъ.

48.
Не уповать на непостоянное щастіе.

Кто вмѣстѣ съ подлымъ народомъ о непостоянствѣ такъ называемаго щастья жалуется, тому я тожъ самое отвѣчаю, что Боэцій Ксантиппу сказалъ. Буде ты себя слѣпому щастію

вѣрилъ, то не жалуйся на коварства и на ухищренія его. Надъ тобою ничего новаго и страшнаго не дѣлается. Буде думаешь, что щастье къ одному тебѣ перемѣнилось, такъ весьма грѣшишь. Оно всегда и со всѣми людьми власно также поступаетъ, а надъ тобою хотѣло то показать, что щастье и въ тѣ поры таковожъ было, какъ на тебя ласкательнымъ лицомъ умильно взирало; каково оно тебѣ теперь кажется, когда косыми глазами изъ подлобья лукаво и свирѣпо на тебя смотритъ. Нынѣ можешь двойное лицо этой прелестной и ложной богини видѣть. Ты сей часъ то узналъ, чего многіе люди до сѣхъ поръ не вѣдаютъ. Привыкай же къ непостоянству фортуны безъ роптанія, а къ вѣтреному ея нраву безъ гнѣва, безъ жалобъ, безъ печали и безъ воздыханія. Буде тебѣ ложь и прелесть ея мерзска, то всѣ такія тлѣнности презирай, которыми щастіе человѣка обманываетъ. Тогда получишь свободу отъ печалей своихъ. Помни, что о семъ Горацій написалъ. Слѣпое щастье дѣйствуетъ по строгости своей, и обращаетъ лестную игру непостоянства свѣтскаго. Сего дня ко мнѣ, завтра къ тебѣ выше мѣры ласково, а послѣ завтра обманитъ обѣихъ насъ равно. Для того хвалю я щастье, пока оно пребываетъ. А какъ обернувшись начнетъ отмѣняться, и на лету своемъ перье легкое пускать, то его забывши, останусь я твердъ. Положусь во всемъ на Бога, и возмусь за добродѣтель, она мнѣ будетъ щастье въ нещастіи, а богатство въ убожествѣ моемъ. Не стыдноль это Христіянамъ, что язычникъ о перемѣнѣ прелестнаго щастія разумнѣе ихъ говоритъ и великодушнѣе насъ разсуждаетъ? Когда ты вѣдалъ, что на вѣтреное щастье никто положиться не можетъ, то за чѣмъ хоромы надежды своей на такомъ гниломъ фундаментѣ строилъ? Ты владѣтельницею себѣ избралъ непостоянную и верченую фортуну, а потомъ этою вѣтреницею предписываешь законы, долго ли ей стоять? Сѣвши въ корабль, не хочешь туда ѣхать, куда вѣтеръ тебя несетъ. Посѣявши сѣмя въ землю, не хочешь збирать того, что земля приноситъ. Не трудись напрасно, не оборотишь уже круглаго колеса непостояннаго щастья. Ежелибъ оно постоянно было, такъ бы не было фортуною. Я съ тобою вмѣсто этой ложной богини стану говорить. Не обвиняй меня другъ мой напрасно, я тебѣ никакого зла не здѣлала, и ничего у тебя не отняла. Буде ты это думаешь, такъ станемъ судиться. Все то богатство фортунино было, которое ты изъ рукъ уронивши потеряннымъ считаешь. Ты съ собою на свѣтъ ни одной нитки не вынесъ, а ме-

ня

ня тѣмъ клеплешь будто, я тебя ограбила. Ты моимъ жалованьемъ долго владѣлъ, а теперь я похотѣла свое у тебя взять. Не говорижъ о томъ, и не жалуйся, будто ты свое потерялъ. Честь и богатство не тебѣ, да мнѣ служатъ. Какъ я отъ тебя прочь пойду, то и слуги мои за мною итти должны. Ежелибъ то подлинно твое было, о чемъ ты плачешь, то какъ бы тебѣ его потерять? Не отнимай ты у меня моего права. Богу Небесному вольно самой свѣтлой день облаками и тучами помрачить. Кто можетъ твари его въ то время противиться, когда она травою и цвѣтами раскрашеную землю снѣгомъ и льдомъ покрываетъ? Кто запретитъ морю тихому быть, или волноваться? А человѣческой умъ хочетъ меня привесть къ тишинѣ, которая свойству и природѣ моей совсѣмъ противна. Позволь же мнѣ другъ мой обыкновенную игру мою по прежнему продолжать. У меня такой нравъ, что я верьхнее внизъ, а нижнее вверьхъ оборачиваю. Ежели ты сей день на верьхъ всходишь, такъ не отрекись же завтра на низъ сойти, когда игра моя того требуетъ. Ты самъ это знаешь, что я по натурѣ моей непостоянна. Будь доволенъ прежнею моею малою къ тебѣ милостью. Можетъ статься, что я впредь и большимъ тебя награжу, ежели ты разуменъ и терпѣливъ будешь.

49.

Человѣкъ своимъ бѣдамъ иногда самъ причиною бываетъ.

Мы нѣмое щастье велерѣчивымъ здѣлали. Ежелибъ страстьми помраченной человѣкъ глубочайшую премудрость Божія провидѣнія и непостижимость судебъ Его изслѣдовать могъ, тобъ о щастьѣ и о нещастьѣ поменьше говорилъ. Нечаянные случаи въ жизни человѣческой разумнѣйшимъ язычникамъ такъ трудны показались, что философы объ нихъ въ страхъ и въ трепетъ приходили. Но понеже эти мудрые люди причины сему узнать не могли, то они такія вещи и дѣла слѣпому щастью приписали, которыя отъ одного только человѣческаго сердца происходятъ. Христіяне тѣмъ щастливѣе язычниковъ и выше всей философіи ихъ, что отверстое слово Божіе предъ глазами имѣя, при семъ божественномъ свѣтильникѣ главныя причины печали нашей несравненно яснѣе язычниковъ видятъ. Тамъ открыто намъ истинное самаго себя познаніе и премудрѣйшее расположеніе святыхъ и непостижимыхъ судебъ Божіихъ. Ко успокоенію жалобъ своихъ въ священномъ

момъ писанїи находимъ, что человѣкъ почти всему тому самъ причиною, что его ни мучитъ. Какъ много такихъ бѣдъ и напастей, которымъ человѣческое безумїе или безпамятство первая и главнѣйшая причина. Для чегожъ мы о томъ жалуемся, что плоды трудовъ своихъ ѣдимъ? Надъ всѣми это здѣлалось, которые добраго совѣта слушать и по оному исполнять не хотѣли. Развѣ ты думаешь, что настоящїе припадки не подлинныя слѣдства прошлыхъ грѣховъ нашихъ? Всеконечно они! Катонъ сїе за не малую погрѣшность призналъ, что въ такое мѣсто водою ѣздилъ, куда сухимъ путемъ ѣхать могъ. А какъ въ кораблѣ заболѣлъ, то ни на море не пенялъ, ни на погоду не жаловался, да всю сїю немощь себѣ приписывалъ. Человѣкъ до тѣхъ поръ погрѣшенїя своего не видитъ, пока пользу отъ того имѣетъ. А какъ чужою злостью накажется, въ то время мудрость глаза ему открывши ясно покажетъ, какого наказанїя отъ Бога не извѣстной и не признанной грѣхъ нашъ достоинъ? Многїе люди для того насъ ругаютъ, облыгаютъ и расхищаютъ, чтобы мы чрезъ сїю обиду ихъ въ согрѣшенїяхъ своихъ чувствительнѣйшими того учинились, нежели въ то время были, когда безпамятствомъ своимъ, или наглостью въ молодыхъ лѣтахъ другихъ людей ругали и обидѣли. Щастливъ томъ человѣкъ, которой при всякихъ на него приходящихъ горестяхъ причины сему нещастью въ самомъ себѣ ищучи, и симъ чувствительнымъ напоминанїемъ самъ себя исправляя, отъ часу къ большему просвѣщенїю премудрости идетъ. За чѣмъ же я нетерпѣливъ въ такомъ нещастьѣ, которое мнѣ самому отъ себя пришло, и для чего о томъ ропщу, что на терновникѣ кислыя ягоды ростутъ? Собственныя самаго себя обвиненїя во грѣхахъ своихъ великое человѣку облегченїе въ печаляхъ его приносятъ. Хотя минувшаго возвратить и не льзя, однако великая въ томъ душѣ человѣческой польза, чтобы прошлыя погрѣшенїя свои признавая часто помнить. Эти мудрыя разсужденїя и Богу прїятныя мысли, вгоняя человѣка внутрь себя, кажутъ ему грѣхи и пороки; а чрезъ сїе поминанїе сердце и душу его тайнымъ наказанїемъ исправляючи, впредь разумнымъ и осторожнѣйшимъ творятъ. Божїя честь весьма тѣмъ поспѣшествуется, когда мы правосудїе Господне въ томъ признаваемъ, что Богъ всякому человѣку по дѣламъ его воздаетъ. Какъ великому того спокойству въ душѣ нашей быть должно, когда человѣкъ сїе чувствуетъ, что онъ въ себѣ часъ отъ часу исправляется? Сїе внутреннее испытанїе или разсмотренїе себя есть сѣмя кротости и сми-

смиренія, которое въ сердцѣ Христіянскомъ наилучшіе плоды принесть можетъ. О происходящемъ изъ сего смиренія душевномъ спокойствѣ во второй части этой книги пространнѣе обьявится.

50.

Кто лучше, тотъ псе безщастнѣе другихъ.

Терпѣніе непорочныхъ людей радованіемъ доброй совѣсти вездѣ и всегда оказывается. А понеже они въ сердцахъ своихъ нѣчто лучше суетныхъ утѣхъ чувствуютъ, то на свѣтское безумство очень мало смотрятъ. За сіе упадаетъ на нихъ ненависть безумныхъ, а рѣдкая ихъ добродѣтель востритъ на нихъ же зубы, злораднаго множества въ подломъ народѣ. По сему ни мало не дивно, что лучшіе и добродѣтельнѣйшіе люди горшія за то бѣды отъ свѣта сего терпятъ, что зборище злыхъ и лукавыхъ никакого блага снести, а добродѣтельныхъ людей передъ глазами у себя видѣть не можетъ. Это уже знакъ подлинной добродѣтели, ежели гурьба злыхъ людей одного человѣка ненавидя гонитъ. Перваго вѣка Христіяне жестокое на себя гоненіе Цесаря Нерона для того за честь себѣ почитали, что (по слову Тертуліянову) такіе мучители и безчеловѣчные уроды одну только чистую добродѣтель въ крайнемъ омерзѣніи имѣть долженствовали. Сократъ по изреченію Оракула отъ языческихъ боговъ премудрѣйшимъ человѣкомъ названъ. Въ домѣ бѣшеная жена его Ксантипа всякой часъ безпокоила, а внѣ двора напрасно ненавидящіе Аѳинцы сегожъ добродѣтельнаго мужа безвинно ругаючи, и на конецъ въ тюрьму посадя, ядомъ уморили. Мудрость съ безуміемъ отъ начала свѣта до нынѣ помириться не можетъ, и во вѣки у нихъ мира не будетъ. А понеже безуміе сильнѣе мудрости, то оно всегда ее утѣсняетъ. Неправедное гоненіе на многихъ въ древности добродѣтельми славныхъ мужей ясно кажетъ, чего подобные имъ въ добродѣтеляхъ люди отъ злостей лукаваго свѣта ждать имѣютъ? И нашихъ временъ злоба много добродѣтельныхъ людей по мытарствамъ водитъ: а это уже великое щастье, когда съ добродѣтельными при слѣдующихъ Эпиктетовыхъ словахъ останется. Желаешь ли быть мудрымъ? Готовся къ ругакію! Кто по слову Божію живетъ добродѣтельно, тотъ будетъ посмѣшищемъ коварнаго свѣта, которой добрыхъ ругая, межъ собою такъ говоритъ: Посмотрите на вра-

враля и строгаго книжника. Онъ - то глупымъ житьемъ и грубымъ ученьемъ своимъ мѣшаетъ нашему веселью, забавамъ и щастію. Какое мерзлякъ тебѣ до того дѣло, что я сію краткую жизнь свою въ забавахъ да въ роскошахъ окончать хочу? И самъ я не хуже тебя. Подижъ, лови себѣ мухъ, и враньемъ своимъ какъ хочешь забавляйся. Симъ - то комплиментомъ злой и неправедной свѣтъ сей добродѣтельныхъ встрѣчаетъ, а смѣхомъ и руганіемъ мудрыхъ провожаетъ. Ежели мудрой до конца не претерпитъ, то злые люди опять его въ томъ ругаютъ, что онъ молчитъ и будто уступаетъ, а особливо тамъ, гдѣ богатство да честь сильнѣе мудраго, и выше всѣхъ его законовъ. Концабъ тому не было, ежелибъ отъ крови праведнаго Авеля до неповинно пролитой крови новаго завѣта все то исчислять, что лучшіе въ добродѣтеляхъ люди напрасно претерпѣли. Святая вѣра Христова о происходящей изъ сихъ печалей пользѣ лучше всѣхъ языческихъ книгъ насъ учитъ. Здравой разумъ человѣку сказываетъ, что въ томъ гораздо больше пользы и внутренняго удовольствія, когда человѣкъ по такой дорогѣ пѣшъ идетъ, которая терніемъ бѣдъ и напастей усыпана, нежели въ золоченой каретѣ съ богатымъ экипажемъ ѣдетъ. Хотя сей пространной путь натуральному, то есть, плотскому человѣку безмѣрно пріятенъ, только очень прелестенъ и въ погибель ведетъ. Всякому человѣку отъ Бога на волю дано, пагубную ли онъ роскошь выбрать, или святую добродѣтель взять и ей вѣчно послѣдовать желаетъ. Роскошь безмѣрно человѣка слѣпитъ прелестнымъ и крайнѣ приманчивымъ весельемъ, а добродѣтель напередъ сказываетъ, что намъ за нее нѣсколько времени потерпѣть надобно. Ежели пристанешь къ злымъ, то ясно увидишь, что забавы ихъ съ печалью и крайнимъ въ душѣ смятеніемъ смѣшаны. А буде къ добрымъ людямъ присоединишься, то по краткой трудности за исполненіе всякой правды такое спокойство и радость въ душѣ почувствуешь, которая все превосходитъ, что въ свѣтѣ ни есть. Когда уже лучшіе и добродѣтельнѣйшіе люди въ жизни своей бѣды и напасти терпятъ, то о чемъ печалиться мнѣ такому человѣку, которой ни тысящной доли мудрости и добродѣтели ихъ не имѣетъ. Предвѣчная во образѣ Божіи человѣкомъ явившаяся правда и безсмертная добродѣтель (Христосъ Богъ нашъ) больше всѣхъ пострадалъ, а я червь и муха малаго снести отрицаюсь. Свѣтъ сей для меня никогда уже не перемѣнится, да таковъ же золъ и безуменъ останется, каковъ отъ созданія своего по се время былъ. Напрасножъ мнѣ того и ждать, чтобъ

у добродѣтели со грѣхомъ, а у добрыхъ людей со злыми дружба и любовь здѣлалась. Когда уже на свѣтѣ ни добра, ни зла безъ примѣсу нѣтъ, то великая человѣку отъ такого разсмотренія польза произойдетъ, въ безумствѣ ли истиннаго и постояннаго удовольствія больше, или въ мудрости? Хотя у безумія и больше слугъ, однако премудрость лучшихъ при себѣ служителей имѣетъ. Для чегожъ я за лучшими и за добродѣтельнѣйшими людьми въ слѣдъ нейду? Они больше меня добра здѣлали, а зла хотя и больше моего претерпѣли, только добродѣтель ихъ до скончанія вѣка въ безсмертной славѣ и памяти пребудетъ, а безумныхъ людей имя всегда смрадомъ пахнетъ, или уже вмѣстѣ съ ними вѣчно погибнетъ. Сколь много такихъ злыхъ людей на свѣтѣ было, которыхъ упрямство съ наглостью ослѣпивши такъ укрѣпило, что они великія бѣды и напасти за неправду свою терпѣли? Развѣ умъ человѣческой въ томъ одномъ силенъ, чтобы насъ къ упрямственному постоянству въ зломъ такъ сильно побуждать? При такомъ случаѣ человѣку терпѣніе Іовле, а премудрость Соломонова надобна, когда злость съ неправдою такъ насъ одолѣетъ, что злые люди добра въ дѣло ставить не станутъ. Хотя у добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ Израильтянъ Давида сердце часто о томъ сокрушалось, что Сауловы придворные мудраго сына Іессеова безумцомъ весьма не праведно звали, однако Давидовой добродѣтели власно какъ золоту симъ огнемъ клеветъ и ругательства искусясь, очиститься долженствовало. Разсуди безсильной человѣкъ немощь свою, и укрѣпись. Ты отваживаешься за добродѣтель умереть, а того еще стерпѣть не можешь, чтобы кто честь твою тронулъ. Смотри, и берегись того, дабы жизнь съ богатствомъ не крѣпче чести къ сердцу твоему приросла на такой случай, ежели кто за одно изъ нихъ хватится. Это весьма естественное дѣло, чтобъ у огня съ водою, а у разумнаго съ безумнымъ природной противности (Антипанія) быть. Развѣ ты еще сего не вѣдаешь, что безумной, а притомъ пороками распестреной упрямецъ добродѣтель за то бранитъ, что она пороки его обличаетъ? Для сего-то злые люди искренность разумныхъ грубостью зовутъ, а доброй и полезной совѣтъ ихъ безуміемъ величаютъ. Они того и смотрятъ, какъ бы имъ отъ скучнаго (по ихъ ложному слову и мнѣнію) дружества и обхожденія съ добрыми людьми скорѣе отлучиться. Для сей причины злой человѣкъ ложно думаетъ, будто добрые люди его не видятъ, или уже ложными пороками ихъ обвиняетъ. Буде доброй человѣкъ богобоязливъ, такъ злые люди ханжею и лице-

мѣромъ его зовутъ. Ежели добродѣтели свои скрываетъ, такъ атеистомъ величаютъ. Когда правду говоритъ, такъ грубіянъ и невѣжа. Буде молчаливъ, то обманщикъ. Ежели ласковъ, такъ льстецъ. Кто воздерженъ и постояненъ, того спесивымъ титулуютъ, или уже обыкновенно про него говорятъ, онъ умничаетъ. Кроткаго глупымъ, а великодушнаго бѣшенымъ именуютъ. Съ такимъ - то неразуміемъ злые люди о добрѣ говорятъ, и такъ объ немъ, какъ слѣпые о краскахъ разсуждаютъ. Но сіе уже несносно, когда они повелѣваютъ, чтобъ и тѣ люди разсужденія ихъ за праведныя почитали, кои лучше ихъ видя, знаютъ, что онѣ совсѣмъ не правые. Въ томъ - то все тиранство безумныхъ, что они не только мудрость побороть хотятъ, да такимъ образцомъ себя дѣлаютъ, по которому бы другимъ людямъ во всемъ поступить. Злой обычай свой за такое правило полагаютъ, которому бы всѣ люди неотмѣнно послѣдовали. Кто сіе за неправду признаетъ, или волю ихъ хотя въ маломъ чемъ оспоритъ, того человѣка титуломъ упрямца или враля немедлѣнно обложатъ. Пока эти люди во власти и въ силѣ своей, до тѣхъ поръ съ ними дѣлать и говорить нѣчего. Хотябы представленіе твое такъ праведно, и столь ясно учинилось, чтобы имъ устыдясь противъ тебя спорить не возможно было, только они правду твою оставя, а на предлагающаго оную жестокимъ стремленіемъ нападши, въ лицо ему скажутъ: Ты правду говоришь, а самъ не то дѣлаешь. Симъ коварнымъ способомъ только того ищутъ, чтобы пороки свои какъ можно скрыть. Хотя подлинно увидятъ, что ты правдою и добродѣтелью живешь, однако по злобѣ и по обыкновенному невѣрію своему такъ скажутъ: Все это обманъ и притворство. Кто на разсужденіе такихъ злостныхъ безумцовъ положится, тотъ никогда и никакого добра не получитъ. И ты въ томъ согрѣшишь, ежели правду только для того дѣлать станешь, чтобъ люди ее видѣли, а тебя хвалили. Когда уже всякое доброе само собою любленія и славы отъ рода человѣческаго достойно, такъ весьма несправедливо будетъ, ежели человѣкъ для одного себя и ради собственной славы добро дѣлать станетъ. Сему золоту надобно сквозь огнь неблагодарности, ругательства, гоненія и ненависти прошедши, симъ опытомъ и этою крѣпкою пробою отъ всякаго примѣра вреднаго самолюбія очиститься. Ежелибъ на добродѣтель много охотниковъ было, тобъ она подлымъ и надъ мѣру дешевымъ товаромъ здѣлалась. Но сіе всего на свѣтѣ честнѣйшее сокровище многіе годы въ слиткахъ забвенія до тѣхъ поръ лежитъ, пока одинъ пря-

прямой охотникъ и доброй знатокъ на него выищется. Для сей причины не сердись на такихъ людей, которые того не хвалятъ, чего сами не знаютъ. Они по темному разуму и по худому понятiю своему одно то любятъ и хвалятъ, что ихъ развращеннымъ мыслямъ мило, а слѣпымъ чувствамъ прiятно кажется. Между ими и тобою такое различiе, что ты истичное и вѣчное благо любишь; а имъ то прiятно, что ложной видъ не прямой доброты имѣетъ. Ты ихъ своею помощiю исправь, или уже въ прежнемъ невѣдѣнiи къ дальнему сихъ людей заблужденiю и въ неизбѣжной погибели безъ всякаго вреда оставь. Безъ сего бы труда не малое тиранство было, ежелибъ ты того потребовалъ, чтобы всѣ эти люди тебѣ во всемъ послѣдуючи, одного съ тобою мнѣнiя были. О слѣпомъ люди жалѣютъ, что онъ видѣть; а о храмомъ, что ходить не можетъ. Но сiе рѣдко кто здѣлаетъ, чтобъ слѣпаго за руку взявъ, а хромаго въ коляску къ себѣ посадя, въ домъ его, или въ то мѣсто отвезти, куда онъ пожелаетъ. Тебѣ вкусны щи, а другому каша смачнѣе кажется. Для чего ты хочешь такимъ людямъ насильно лекарство давать, которые о себѣ думаютъ, будто они совсѣмъ здоровы? Ежелибъ съ Ераклитомъ о безумiи всякаго человѣка плакать, то бы со слезъ ослѣпнуть надлежало. А буде бы кто о вредѣ и о погрѣшностяхъ другихъ людей съ Гемокритомъ смѣяться похотѣлъ, тотъ бы скоро со смѣху умеръ. Мстить ли имъ думаешь? Это женское дѣло. Ненавидѣть ли ихъ хочешь? Такъ это зло. Презирать ли ихъ станешь? Такъ въ гордость впадешь. Буде ругать ихъ начнешь, то обиду и безчестiе имъ здѣлаешь. Принуждать ли ты ихъ намѣренъ? Такъ это мученiе и тиранство будетъ. Лучше сихъ людей исправь, или уже сноси погрѣшности ихъ. Добродѣтель имѣетъ въ себѣ особливую красоту и чудную къ тому силу, чтобы человѣка у людей въ любовь привести. Кому она не вкусна, тѣ люди не мщенiя или ненависти, да сожалѣнiя достойны. Самое человѣколюбiе необходимо того требуетъ, чтобы заблуждающему прямую дорогу указавши, въ хожденiи по ней полную волю ему дать. Не завидуй же мнимому благополучiю на одинъ только видъ щастливыхъ людей, а ложнаго и суетнаго ихъ мнѣнiя отнюдь не перебивай. Они отъ сего только ту пользу имѣютъ, что бѣдность и печаль до тѣхъ поръ ихъ ждетъ, пока они отъ сего глубокаго сна пробудившись, о безумiи своемъ сердечно жалѣть начнутъ. Нынѣшнее твое объ нихъ жалѣнiе не такъ имъ горько, какъ та ихъ собственная особѣ печаль въ то время несносна имъ будетъ, какъ совѣсть возбудясь, непре-

станно мучить ихъ начнетъ. Иные коварные люди для того тебѣ зло дѣлаютъ, что ты за всякую обиду и за каждой нападокъ сердишься. Ежели ко всему чувствителенъ будешь, то нападчику своему способъ къ тому подашь, чтобы онъ тебя обидѣлъ; а злость его тому станетъ веселиться, что ты обо всемъ гнѣваешься. Тебѣ можно тотъ стыдъ про себя уберечь, дабы такихъ людей не порицать, за которыми только и дѣла, что во всю жизнь свою сами себя ругаютъ. Ежелибъ все ихъ обхожденіе не всегдашнее посмѣшище, или не сатирическое ругательство самихъ себя было, тобъ еще люди могли ихъ простить. По сему другаго тебѣ дѣлать нѣчего, какъ на оборону отъ сихъ во тьмѣ преходящихъ огненныхъ стрѣлъ и отъ мороваго душѣ твоей повѣтрія противнымъ ядомъ часто вооружаться. Императоръ Маркъ Аврелій отъ такихъ злостей всякое утро новыми разсужденіи боронился. Буде и ты того же опасаешься, то сими полезными мысльми самъ себя успокоивай. (1.) Какъ бы ты злыхъ людей ни любилъ, а имъ тебя до тѣхъ поръ ненавидѣть, покамѣстъ ты злостямъ ихъ противиться станешь. Развѣ тебѣ чужой порокъ помѣшаетъ добродѣтели исполнять? Или для того хочешь перестать любовнымъ, кроткимъ, долготерпѣливымъ, праведнымъ и разумнымъ быть, что другіе люди злы, ненавистники, завистливы, злобны, лукавы, неправедны и безумны? Развѣ думаешь, будто тебя такой человѣкъ повредить можетъ, отъ котораго ты никогда злѣйшимъ не здѣлаешься? Для чего злымъ нравамъ другихъ людей твой доброй нравъ повредить? Дай время злобѣ ихъ укипѣть. Они напослѣдокъ сами умякнутъ, или уже вовсе згорятъ. (2.) Не смѣшноль это? Тебѣ можно злость свою отмѣнить, а ты не только не препятствуешь, да еще потакаешь ей? Чужой злости помѣшать не можешь, а не хочешь ее на глазахъ у себя видѣть? Когда самъ ты себя всякими способы выкручаешь, такъ для чего другихъ людей извинить, или по крайней мѣрѣ имъ того дозволить не хочешь, чтобъ они себя сами оправдали. (3.) Сносижъ чужіе пороки, такъ и другіе люди твои погрѣшности сносить станутъ. На томъ уже свѣтъ стоитъ. Изъ противныхъ между собою вещей одному другое сносить надобно. Симъ противнымъ смѣшеніемъ цѣлой свѣтъ содержится. (4.) Какъ много и часто ты Бога грѣхами своими прогнѣвляешь, и Онъ тебя кающагося милосердо прощаетъ, а ты людей ни въ маломъ простить не хочешь. (5.) Не лучшель тебѣ неправду и обиду отъ людей терпѣть, а самому ихъ ни чѣмъ не обидѣть? (6.)

Злымъ

злымЪ людямЪ на свѣтѣ также быть надобно, какЪ черному подлѣ бѣлаго. Твоя добродѣтель ихЪ пороками оказаться должна. КакЪ бы ты терпѣнїю безЪ ихЪ супротивленїя, кротости, безЪ гнѣва сихЪ людей, а любви кЪ ближнему безЪ ненависти ихЪ научиться моГ? ИхЪ невоздержность учитЪ тебя цѣломудрїю. ИхЪ безчеловѣчїемЪ научаемся человѣколюбїю. ОтЪ ихЪ лжи долженЪ ты учиться правдѣ. ОтЪ вертопрашества ихЪ учась постоянству и вѣрности, а отЪ безумїя и своенравства чужаго должно намЪ навыкать употребленїю здраваго разума. Для чего ты жалуешься на такихЪ людей, которыхЪ безумство тебя разуму учитЪ? Они слѣпы, а ты хочешь, чтобы зрячи были! Буде они по своему обыкновенїю живутЪ, то ты своему нраву послѣдуй. ИмЪ такїя мнѣнїя надобны, которыми бы эти люди дѣла свои оправдать могли. Когда они о дѣлахЪ своихЪ жалѣть и раскаиваться начнутЪ, тогда умЪ ихЪ и самЪ исправится. Не упрямсяжЪ, и не требуй того, чтобы рысь не пестра была; чтобЪ терновникЪ не кололся; чтобЪ у змѣи яда не было, а тотЪ бы человѣкЪ добрЪ былЪ, кто золЪ родился и зло дѣлать сЪ малу привыкЪ! (8.) Кто отЪ человѣчества удалится, тому стыдно; а кто Бога прогнѣвалЪ, тотЪ безщастенЪ. Всемогущїй ТворецЪ фїалы гнѣва своего долготерпѣливоноситЪ, а ты не хочешь малаго стерпѣть? ИмрекЪ хочетЪ вЪ воду броситься. Кто его держитЪ? Тебѣ сЪ нимЪ другаго дѣлать нѣчего, какЪ только о безумствѣ сего человѣка жалѣть, а о спасенїи души его Бога молить. (9) * Аще оставиши безумна и нечестива, олядѣетЪ и травою поростетЪ весь. И будетЪ яко засыпанный кладезь оставленЪ, и оградя его каменнїи раскопаются. ЧтожЪ тебѣ дѣлать, дабы сей внутрь тебя живущїй колодезь всегда чистЪ, ни чѣмЪ неоскверненЪ и не засыпанЪ былЪ? Всегда о томЪ стараться, чтобы простосердечнымЪ, равнодушнымЪ, добрымЪ и честнымЪ человѣкомЪ быть. (10) Никто безЪ вины своей обруганЪ не бываетЪ. Честь добродѣтельнаго человѣка не вЪ чужой хвалѣ, и не вЪ людской славѣ, но весьма глубокое коренье имѣетЪ. Она ростетЪ вЪ сердцѣ, а распространяется вЪ потомкахЪ. (11.) Ежели ты самЪ вЪ себѣ добрЪ, то никогда худымЪ отЪ того не здѣлаешься, что люди тебя ругаютЪ и злословятЪ. Верьхи высочайшихЪ горЪ подЪ чистымЪ небомЪ такЪ безопасно стоятЪ, что ни молнїя, ни громЪ, ни дождь, ни градЪ, ниже вѣтры сЪ бурями ничего имЪ здѣлать не могутЪ. Великой на ХристїянЪ гонитель Римской Цесарь ДомитїянЪ изгнаннаго Аполлонїя спросилЪ: Кто тебѣ помощникЪ и защититель будетЪ? Аполлонїй

* Притч. Соломон. гла. 24.

ему отвѣчалъ, Духъ Божій, время и любленіе мудрости. Воистинну великіе помощники! Рѣчи ихъ сильнѣе крику ругателей, а слова сихъ защитниковъ такъ проницательны, что страданіе неповинной добродѣтели до скончанія вѣка славно, а роду человѣческому любезно пребудетъ. (12. Я знаю, ты разумно и праведно упрямъ будучи, кромѣ почитателей истинной добродѣтели ни отъ кого любимъ быть не хочешь. Изволь же готовиться къ ругательству нечестивыхъ и неповинную добродѣтель всегда гонящихъ людей; а такимъ отнюдь не угождай, кои сами собою не довольны. Буде желаешь злыхъ людей побѣдить, то душу твою терпѣніемъ скрѣпивши, войди внутрь себя. Въ этой казенной палатѣ Духа Божія столько дѣла найдешь, что о другихъ людяхъ и подумать не успѣешь; а сіе напомянутъ тебѣ слѣдующія строки. Хотя бы ты Геркулесову, или по Тезееву примѣру родъ человѣческой отъ змѣи, отъ монстровъ, или отъ пагубныхъ чудищь очистить могъ, однако выгони прежде изъ собственнаго сердца ту страшную змѣю, которая тебя печальми да роскошьми очень часто язвитъ. Какое до другихъ людей тебѣ дѣло? Гордой ругатель, взгляни на себя. Вошедши въ свое сердце, вымети изъ него весь соръ и нечистоту. Выбрось изъ себя суету и грязь злыхъ страстей, страхъ, печаль, скуку, злобу и ненависть, скупость, гордость, зависть и лакомство, а вмѣсто ихъ наполни сердце твое добродѣтельми. Не трогай сучка въ одномъ глазу ближняго, да вынь прежде по бревну изъ обѣихъ глазъ твоихъ. Буде то не пользуетъ, такъ молчи: Богъ все премудро и праведно дѣлаетъ. Онъ праведныхъ любитъ, а грѣшниковъ милуетъ. (13.) Развѣ еще ты въ добродѣтели не такъ крѣпокъ, чтобъ тебя люди однимъ противнымъ словомъ, или непріятнымъ взоромъ озлобить могли? Или уже ту честь безумцамъ уступить хочешь, чтобы имъ уподобиться? Пускай они подобное себѣ любятъ, а ты будь разуменъ и дѣлай правду. То самое Царское дѣло, чтобъ добро всегда дѣлать, а злословіе и ругательство великодушно терпѣть. (14. Ежели праведной къ нечестивому въ домъ пришедши разумно поступаетъ, то хозяина къ неправедной на себя злобѣ великою силою по тому неволитъ, что злые не только видѣть, но и слышать того не могутъ, что другіе люди добрыми становятся; а усмотрѣвши сіе, тогожъ часа огнемъ злобы загараются. Ненависть, злоба и зависть всякой добродѣтели такъ власно противится, какъ тьма свѣту. Въ злыхъ нравахъ то первое и самое ехидное свойство, чтобы добродѣтель ненавидя гнать, и какъ можно ей препятствовать. (15.)

По-

Послушай злорадной гонитель добродѣтели мудрыхъ словъ славнаго язычника, и постыдись о безумной злобѣ твоей. Злые люди (пишетъ Сенека о блаженной жизни) въ томъ пользу свою признаваютъ, чтобъ никого добрымъ, кроткимъ и праведнымъ не признавать. Они не напрасно думаютъ, что признанїе чужой добродѣтели всѣ ихъ пороки посрамитъ. Оставьте эту злую мысль! Добрые люди ни въ чемъ съ вами не равны. Они вопервыхъ не скупы; крови и корыстей не желаютъ, гордости, лжи и обидъ не знаютъ. Подобныхъ вамъ злыхъ людей не вредятъ, и ни чѣмъ до васъ не касаются, а вы имени ихъ слышать не хочете. Что же вы за люди, и кто таковы, что про одно имя добродѣтельныхъ помянуть вамъ не зьзя? За что вы все то страшнымъ злословїемъ ругаете, что безумїю вашему уподобляться не хочетъ? (16.) Какое вамъ до того дѣло, что добродѣтельные люди не все и не всегда по словамъ своимъ исполняютъ? Довольно того, что эти честные люди добрыя мысли и благое намѣренїе имѣютъ. Ежелибъ они все то дѣлали, что имъ добро и право кажется, тобъ не только добродѣтельные, но и во всемъ совершенные люди были. Для чего ты разумныя слова ихъ опровергать, а честное сихъ людей сердце за то ругать хочешь, что оно доброю волею и полезными намѣренїями преисполнено? Въ великихъ дѣлахъ не только самое дѣйство, но одно благое произволенїе со истиннымъ намѣренїемъ всякой похвалы достойно. Я свою смерть не обязненнымъ сердцемъ встрѣчу. Ни печаль, ни труды отъ того меня не удержатъ, чтобъ я тѣлу своему постояннымъ великодушїемъ помощи и укрѣпленїя не подалъ. Я твердо намѣрился, нынѣшнее свое богатство такъ презирать, какъ бы его никогда у меня не бывало. Ежели оно опять ко мнѣ въ руки придетъ, то никогда меня гордымъ не здѣлаетъ; а буде его не получу, то объ немъ во вѣки печалиться не стану. И щастїе таково же мнѣ равно. Придетъ ли оно ко мнѣ, или опять отъ меня уйдетъ, это мнѣ все едино. Вся земля общее мнѣ отечество. Я хочу такъ жить, какъ бы для людей родился. Имѣнїя моего ни скупостью умножать, ниже невоздержностью расточать отнюдь не хочу. Собственнымъ своимъ только то почитать стану, что я праведными способы и трудами рукъ своихъ нажилъ. Что я на добраго и достойнаго человѣка употреблю, тѣмъ никогда убыточенъ не буду, и его за скудость себѣ отнюдь не почту. Для суетной похвалы ничего не дѣлаю, но все по доброй совѣсти исправляю. Ѣства и питье у меня долженствуетъ быть по нуждѣ натуры моей. Съ друзьями

своими стану я любовно обходиться. Потщусь имъ прежде прозьбы ихъ служить; а до нужды и до бѣдности всею возможностью допускать ихъ не стану. Со врагами моими кротко и человѣколюбно поступлю. Хотя Сенека все сїе дѣйствительно исполнялъ, однако Цесарь Неронъ его ненавидѣлъ. Враги сего философа до тѣхъ поръ гнали, пока его уморили. Гонитель и гонимой оба должны умереть. О чемъ же мнѣ и печалиться?

51.

Постоянное терпѣнїе.

По что намъ Бога обвинять? Онъ лучше насъ вѣдаетъ, что намъ нужно и полезно. Для чего злыхъ людей проклинать? Они то ненавидятъ, что съ ними не сходно. Къ чему намъ нетерпѣливостью своею нещастїе наше отъ часу больше умножать? Оно еще намъ сносно. По что человѣку на свѣтъ сей жаловаться? Онъ по своему обычаю поступаетъ. Не дадимъ же себя собственному нашему мнѣнїю въ обманъ. Человѣкъ одно только тлѣнїе теряетъ. Повинемся воли и провидѣнїю Всемогущаго. Терпѣнїе всякую печаль облегчаетъ. Все то съ радостью претерпимъ, что мы терпѣть должны, или грѣхами своими праведно заслужили. Это уже извѣстное дѣло, что противу рожна прать не возможно. Примемъ всякую печаль съ великодушїемъ, дабы намъ не здѣлаться такимъ судномъ, которое отъ малаго прикосновенїя къ камню немедлѣнно объ него разбивается. Вспомни Каланово постоянство, а Сократову смерть, о чемъ Горацїй слѣдующее пишетъ: Которое нещастье злыхъ людей сердца сокрушаетъ, то спокойства душъ добрыхъ отнюдь не трогаетъ. Сей покой избираетъ доброе, а лучшаго на свѣтѣ всею крѣпостью держится. Хотя народное ругательство и гордыхъ тирановъ мученїе на покой нашъ, какъ на злѣйшаго врага наступаетъ, только онъ ни грозъ, ни мукъ, ни лютѣйшей смерти не боится. Сими Горацїевыми словами Корнелїй Витъ въ мученїи своемъ укрѣплялся, и претерпѣвая раны, эти стихи безпрестанно говорилъ. Намъ отъ самаго искусства познавши, сему научиться можно было, что не случай и не припадокъ, да одна упорная нетерпѣливость насъ мучитъ. Она - то нещастью наиболѣе противится, а безпокойный нравъ нашъ, желчь и полынной сокъ въ случаѣ жизни человѣческой мѣшаетъ. Болѣзнь въ то время больше умножается, когда мы ее убѣ-

убѣгаемъ. Для чего мнѣ съ такою долею бороться, которая гораздо сильнѣе меня? По что мнѣ чрезъ нетерпѣливость свою сносное нещастье тяжчайшимъ игомъ дѣлать? Для чего я роптанiемъ моимъ Всеблагаго, а во обѣтованiяхъ своихъ паче всѣхъ человѣкъ вѣрнѣйшаго Бога прогнѣвляю? Какая мнѣ отъ сего помочь, когда я того не терплю, что терпѣть долженъ? Я несумнѣнно вѣрую, что мнѣ безъ воли милосердаго Бога никакой худобы здѣлаться не можетъ; а того понять отрицаюсь, что сiя печаль къ лучшему мнѣ клонится? Моихъ дѣтей за непослушанiе наказываю, а своимъ нетерпѣливымъ противленiемъ лозу Всеправеднѣйшаго Отца Небеснаго отъ себя отвратить думаю? Не лучшель мнѣ печаль свою такими разсужденiями облегчить, отъ которыхъ происходитъ терпѣнiе? Сталъ ли бы тѣсной башмакъ ногу мою давить, ежелибъ я его своими руками на ногу себѣ не втянулъ? Сильной вѣтръ за тѣмъ тростника не ломаетъ, что тростникъ нагибаючись къ землѣ клонится. И я бы въ себѣ гораздо спокойнѣе былъ, ежелибъ жестокимъ бурямъ нещастiя уступилъ, а отъ гоненiя бы разумно уклонялся. Упрямой робенокъ часто о томъ плачетъ, что ему воли не даютъ. Что болѣе мать его тѣшитъ, то больше блажной робенокъ кричитъ и надсѣдается. А какъ скоро отецъ на сей вопль пришедши, крикуна своего плѣтью или лозою хорошенько высѣчетъ, то дурное дѣтище его и ревѣть престанетъ. Всѣ такiе люди этому своенравному робенку подобны, которые въ нещастьѣ своемъ безмѣрно плачутъ и безразсудно крушатся. Что ты себѣ слезами пособишь? Ничего, только что наказанiе свое умножу. Своевольная природа до тѣхъ поръ успокоиться не можетъ, пока ее больше не побьютъ. Для сего-то на роптательную нетерпѣливость больше нужды и бѣды накладывать должно. Къ отвращенiю сего постараюсь я о томъ, чтобы мнѣ всѣ душевныя силы свои собравши, всякими способы про себя утѣшать. Уподобляюсь я такимъ художникамъ, которые изо всякаго дерева то дѣлаютъ, что изъ него здѣлать можно. Во время сильной бури и темной тучи стану уповать дражайшаго ведра, прiятной тишины и солнечнаго сiянiя. Изъ горькихъ травъ терпѣнiя моего чистительное лекарство про себя здѣлавши, самъ я себѣ скажу: этотъ порошокъ отъ такой, а эта мазь отъ другой болѣзни. При семъ еще то вспомню, что послѣ сей горести и малѣйшее удовольствiе печальному человѣку выше мѣры прiятно бываетъ. Симъ способомъ душу свою успокоивши, въ добродѣтель терпѣнiя облеку. Сiе послушанiе Всемогущему угоднѣе жертвъ и все-

всесожженія будетъ. Онъ терпѣнія учитель на труды мои съ милосердіемъ призритъ. Ты, блаженное терпѣніе! Учини меня господиномъ и обладателемъ страстей моихъ, дабы онѣ не подали мнѣ новаго случая къ печалямъ. Вѣйте около меня скорбей и печалей жестокіе вѣтры. Шумъ вашъ не погубитъ и не устрашитъ меня. Я нашелъ себѣ такой вертепъ, гдѣ вы меня ни поколебать, ни озлобить не возможете. Сего дня вы шумите и свищите, а завтра повелѣніемъ Всемогущаго Творца всѣ утихните. Что безпокойной свѣтъ спокойному духу здѣлаетъ? Ежели я внутри себя спокоенъ; что мнѣ наружное щастье здѣлать можетъ? Терпѣніе утѣшаетъ меня истиннымъ любленіемъ добродѣтели, великодушіемъ и доброю совѣстью. Эти важнѣйшія пользы всякую печаль превышаютъ. И то еще статься можетъ, что горесть болѣзней тѣлесныхъ душевное исцѣленіе производитъ. Мнѣ свое время гораздо на лучшія вещи, нежели на суетную печаль употребить можно. Такихъ людей на свѣтѣ премногія тысячи, кои несравненно бѣднѣе меня. Въ свѣтѣ ничего чрезвычайнаго и необыкновеннаго нѣтъ. Всякой человѣкъ свою печаль и ежедневную заботу имѣетъ. Лучшіе на свѣтѣ люди худшее воздаяніе имѣютъ. Легко статься можетъ, что я гораздо больше того нещастья достоинъ, которое нынѣ терплю. Мнѣ кромѣ необходимой нужды никакія излишества не надобны. По что же намъ ненужнаго желать? Человѣку безъ великаго богатства гораздо безопаснѣе. Безъ высокаго чина въ сотеро свободнѣе, а безъ великой тягости несравненно легче того, какъ безмѣрное бремя печалей и суетъ на плечахъ своихъ нести. Мнѣ случилось на рыбака смотрѣть, которой сѣти свои многажды закидывалъ, только кромѣ снятковъ и мелузги ни одной крупной рыбы не поймалъ. Я на него смотря скучилъ, а ему въ безплодной ловлѣ своей ни малой скуки не было. Не все вдругъ удается. Человѣку надобно ждать и смотрѣть времени. Гдѣбъ мы ни были, и что бы ни дѣлали, только причины бѣдъ нашихъ вездѣ и всегда съ нами. Для того должно намъ въ оборону отъ нетерпѣливости какъ отъ главы всѣмъ симъ причинамъ укрѣпить себя твердымъ намѣреніемъ къ терпѣливому сношенію того, чего перемѣнить не льзя. Какъ бы мы отъ бѣдъ ни бѣгали, только никуда отъ нихъ не уйдемъ, по объявленію тогожъ Горація въ слѣдующихъ строкахъ. Каковыбъ твои стѣны крѣпки ни были, только печаль и сквозь камень пройдетъ. Она проползаетъ въ высокія палаты, разбиваетъ шлемы и стальныя латы. Не уйдешь отъ нее въ крѣпость, не запрешься и въ башню. Хотя бы

ты до ѣ себѣ на морѣ построилъ, такъ горе да печаль и тамъ тебя сыщетъ. Горе отъ человѣка нигдѣ не отстанетъ, хотя бы ты пѣшъ шелъ, верьхомъ или моремъ ѣхалъ. Мѣшаетъ намъ спать на мягкихъ перинахъ, сыщетъ и въ каютѣ посреди Океана. До тѣхъ поръ за тобою гоняется, пока изъ ума выложишь всю свою печаль, а горе забудешь. Положась на Бога, предайся терпѣнїю. Съ тебя и того времени довольно, которое сей день и сей часъ носишь. На что тебѣ печалиться о неизвѣстномъ утрѣ! Пускай оно собою и о своемъ печется, а тебѣ полно будетъ сегоднишней тягости. Перестань мое сердце печалью съѣдаться. Укрѣпись терпѣнїемъ, веселись ты надеждою. Ничего на семъ свѣтѣ совершеннаго нѣтъ. Непогода ли грозитъ съ бурею жестокою? Терпи, и уповай солнечнаго сїянїя.

52.

Надежда.

Всѣ нещастїя въ жизни нашей таковы, что человѣка скоро погубляютъ, или надеждою лучшаго времени веселятъ. Предвѣчная Божїя мудрость сей твердой якорь душѣ человѣческой на то даровала, дабы мы въ жестокихъ буряхъ бѣдъ своихъ онымъ укрѣплялись. Надежда вседневная пища всѣмъ страждущимъ, а отъ жизни нашей ни чѣмъ не раздѣльна. Мы въ лотерею много денегъ кладемъ съ такою надеждою, что въ сотеро больше того выиграемъ. Бѣднѣйшїй человѣкъ въ такой надеждѣ горести свои терпитъ, а восьлибо печаль его минувши въ радость обратится. Иной для того себя мыслью и мнѣнїемъ обманываетъ, чтобъ ему одну надежду чувствовать. Нѣкоторой человѣкъ просилъ Министра о сумнительномъ дѣлѣ. Но увидя, что едва ли сему здѣлаться, на конецъ Вельможѣ сказалъ: Пожалуйте, милостивой государь, меня только увѣрьте, я и тѣмъ доволенъ буду. Хотя бы надежда подлинно насъ обманула, однако человѣкъ со всѣмъ тѣмъ ее любитъ. Хотябъ она тысячу разъ ему солгала, только человѣкъ обыкновенно говоритъ: еще надежда есть. Видимъ, какъ упованїе въ глазахъ насъ прельщаетъ, но сладкая его надежда глаза намъ закрываетъ. Она тому причиною, что бергманъ (рудокопъ) въ глубочайшей ямѣ, а каторжной на цѣпи сидя веселится и пѣсни поетъ. Якорь ея премногїя тысячи тѣхъ бѣдныхъ людей между свирѣпѣйшихъ волнъ трудной жизни толь твердо

держитъ, что хотя они волнами и оборачиваются, однако не тонутъ, но безпрестанно спокойнаго дня и тихой погоды ждутъ. Когда надежда (чрезъ сей способъ) въ щастiи болѣе мученiемъ, а въ нещастiи утѣшенiемъ человѣку бываетъ, то для чего намъ сiю благую склонность къ облегченiю собственной природы въ настоящихъ бѣдахъ и въ напастяхъ своихъ не употреблять? Хотябъ мы въ чемъ и обманулись, такъ пускай этотъ обманъ лучше отъ надежды облегчающей бѣдность нашу, нежели отъ того ложнаго мнѣнiя и жаромъ кипящаго мечтанiя произойдетъ, которое человѣческiя печали и напасти умножаетъ. Христiянство въ этомъ случаѣ вторичную и всякъ умъ превосходящую пользу намъ приноситъ. Оно человѣческую печаль не только твердою надеждою, но крѣпко вѣрою и всегдашнимъ прибѣжищемъ къ щедротѣ Господни, также несумнѣннымъ упованiемъ на милость и на всесильную помощь Всемогущаго Бога неизреченно облегчаетъ. Весьма человѣку не пристойно, на малую суету великую надежду возлагать. Къ этой росписи вся земная слава принадлежитъ. Кто праведно уповать желаетъ, тому надежду свою не на безсильную тварь, но на Всемощнаго Творца возложить должно. Сiя надежда по тому разумнымъ упованiемъ начаться имѣетъ, что она утверждается на природной склонности къ содержанiю себя. Кто желаетъ разумно содержаться, тому не надобно самаго себя безумно любить. Ежели иначе поступитъ, то отъ сего худаго лекарства сердце у человѣка заболитъ, а особливо тогда, какъ онъ якорь надежды своей въ сыпучемъ пескѣ утвердитъ. Въ этомъ намѣренiи древнiе Евреи надежду и безумiе однимъ именемъ называли, для того что безумство отъ суетной и глупой надежды родится, а особливо тогда, какъ человѣкъ отъ мудрости удалѣетъ. На послѣднюю мѣру терпѣнiе наше сильною помощiю надежды прiятную перемѣну получаетъ, а человѣкъ упованiемъ время выигриваетъ. Сiе всего дражайшее время, производитъ облегченiе въ бѣдахъ и въ злостраданiяхъ нашихъ.

53.

Таже надежда.

Ежели бремя великихъ печалей человѣку не сносно, то привыканiе къ нимъ конечно ихъ облегчитъ. За обыкновенiе всѣмъ, страждущимъ въ бѣдахъ и въ напастяхъ ихъ, великая помочь; а

сему привыканію самая нетерпѣливость человѣка учитъ. Какъ человѣкъ по долговременномъ самому себѣ супротилени отъ безпокойства умучится, то непослушаніе такъ ему скучитъ, что онъ отъ жару печалей какъ воскъ растаетъ, или уже какъ глина отъ огня окрѣпчаетъ. Оба эти состоянія такъ опасны кажутся, что со временемъ въ окаменѣніе, или уже въ отчаяніе обратиться могутъ. Тогдабъ леченіе хуже болѣзни было. А изъ сего пользованія человѣческая задеревенѣлость, или уже конечная пагуба произойти можетъ. Я о такомъ обыкновеніи говорю, которое человѣка тому учитъ, дабы по времени и по обстоятельствамъ смотря, разумно поступать. Время свое помалу и легкимъ трудомъ до тѣхъ поръ въ движеніе приводить, пока человѣкъ въ состояніе придетъ, сію ношу поднявши, самъ себѣ на плеча положить. Какъ Гишпанскіе Министры о приключившемся Королю своему Филиппу второму двойномъ нещастьѣ стали сожалѣть, то великодушной Монархъ симъ жалѣтелямъ отвѣчалъ: Хотя ко мнѣ двѣ бѣды въ гости пришли, только и насъ противъ ихъ двое. Я, да время. Время носитъ привычку на плечахъ, а обычай бѣшеную лошадь уздою да временемъ къ смиренству приводитъ. Время съ обычаемъ львовъ усмиряетъ, слоновъ и медьвѣдей помалу укрощаетъ; камни разбиваетъ, а человѣка тому учитъ, какъ печаль свою забывать, или уже терпѣливо нести. Какъ душа со временемъ узнаетъ, что прошлая мнимая забава не прямое сердцу веселье, то мнѣнія своего о бѣдности по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ очень много убавитъ, подлинно у видя, что это больше мнимая, нежели прямая печаль. Сіе облегченіе получаетъ душа отъ обычая. Цицеронъ къ брату своему Квинту пишетъ. Мнѣ это утѣшеніе очень велико, когда наглость злыхъ людей такъ меня укрѣпила, что нынѣ уже то и не очень противно мнѣ кажется, о чемъ бы я прежде сего сильно злобиться, или безмѣрною печалью самъ себя мучить могъ. Природа человѣческая понятна, уклончива, и ко всему привыкаетъ. Сія уклончивость съ пріобыкновеніемъ есть особливой даръ, которымъ милосердое провидѣніе Божіе ко многимъ бѣдамъ и горестямъ рожденнаго человѣка такъ предуготовить хотѣло, чтобы онъ къ ношенію всего привыкнуть могъ. Роскошной можетъ воздержаться; а пьяница со временемъ вытрезвиться. И такихъ людей не мало, которые въ нещастьѣ да въ убожествѣ ласковѣе, смирнѣе и гораздо порядочнѣе, нежели во благоденствіи своемъ бываютъ. Понтской Царь Митридатъ особливымъ искусствомъ къ скорому глотанію отравы

вы и яда привыкъ. Другіе люди къ тяжелой работѣ, а третіе къ суровой ѣствѣ со временемъ привыкаютъ. Натура симъ помалу происходящимъ облегченіемъ всему роду человѣческому великую пользу приноситъ. Какъ человѣкъ искусившись со временемъ увидитъ, что иная печаль ему полезна, или по маловременномъ безпокойствѣ надежду къ щастью ему оставляетъ, то врожденное намъ самолюбіе пріучитъ человѣка къ ношенію такихъ бѣдъ, которыя его не умерщвляютъ. Божія сила и премудрость повелѣла землѣ на всякую болѣзнь особливыя травы и цѣлительныя вещи произносить. Точно такимъ же способомъ и всякая печаль особливое въ себѣ утѣшеніе имѣетъ. Какъ нѣкотораго человѣка воры покрали, то онъ потуживши печалиться пересталъ. Сосѣдъ на утѣшеніе къ нему пришедши, въ разговорахъ ему сказалъ: Ежелибъ это нещастье твое надо мною зделалось, такъ бы я съ горести не зналъ куда дѣваться. А какъ сего утѣшителя самаго обокрали, то онъ разговаривающимъ его отвѣчалъ: Теперь уже и я искусившись въ самомъ дѣлѣ вижу, что печали да напасти всякому человѣку неизбѣжны. Этотъ случай слава Богу еще сносенъ! Дай Господи, что бы горше бѣды на меня не пришло! Весь родъ человѣческой къ бѣдности прикованъ. Одинъ золотою, другой серебреною, а третій желѣзною цѣпью. Станемъ же тому учиться, какъ эту всѣмъ неизбѣжно общую печаль Христіянски терпѣть, а о нещастіи своемъ какъ можно не жаловаться. Потщимся того вожделѣннаго дня терпѣливно ожидать, которой нечаянно пришедъ, и печальми утѣсненныя души наша изъ темницы тѣла сего свободя, въ блаженную свободу и въ вѣчную радость преселитъ.

54.

Время и обычай.

Всякъ легко разсудитъ, что сіе о крайнемъ концѣ жизни нашей, то есть, о смерти говорено. Какъ мнѣ о такомъ важномъ утѣшеніи не упомянуть, которымъ во всѣхъ минувшихъ вѣкахъ бывшіе разумные люди ободрялись, и въ печаляхъ своихъ сами себя великодушно утѣшали. Мнѣ не до такихъ развращенныхъ людей дѣло, которые отъ малѣйшаго нещастія скучивши, по злобѣ, или съ нетерпѣливости своей смерти себѣ съ великою охотою желаютъ, но отъ приходу ея трясутся и трепещутъ. Эти люди не подлинно умереть, да одну свою волю исполнить желаютъ.

Бу-

буде къ тому надежда есть, что они естественную смерть за горшаго себѣ врага для того признаютъ, что она ихъ всѣхъ роскошей и забавъ лишить можетъ. Напротивъ того разумные люди смерть въ щастьѣ своемъ за обыкновенное и по естеству за неизбѣжное дѣло почитаютъ, а въ нещастьѣ за убѣжище отъ всѣхъ бѣдъ и отъ печалей своихъ праведно признаваютъ. Дѣти боятся страшной хари, а дѣтскаго нрава люди смерти за тѣмъ пужаются, что не на одно неизбѣжное разрѣшенїе души съ тѣломъ, да еще на оставленїе всего прїятнаго въ свѣтѣ черезъ мѣру торопливыми глазами смотрятъ, а о безконечной жизни будущаго вѣка никогда не подумаютъ. Въ такомъ мнѣнїи и славнѣйшїй Аристотель смерть всего ужаснаго страшнѣйшимъ называетъ. Но сїе представленїе есть не праведная мысль плотскихъ и такихъ безумныхъ людей, которые бы по упрямству и по развращенному своенравїю всю тварь и уставы естества переворотить желали, ежели бы только могли. Эти буйственныя головы хотятъ на семъ свѣтѣ безконечные вѣки жить, а того не разсудятъ, чтобъ они сами себя проклинать стали, ежелибъ сей временной жизни конца не было. Мы смотря на умирающихъ, должны за то природѣ своей много благодарить, что одинъ другому мѣсто очищая, отшествїемъ своимъ отъ временной жизни ко умаленїю той бѣдности много способствуетъ, которая бы въ тысячу мѣръ несноснѣе была, ежелибъ грѣшнымъ и отъ природы своей злымъ людямъ на свѣтѣ безконечные вѣки жить. Человѣку о смерти своей безъ всякой чувствительности разсуждать, и также на нее безъ страха смотрѣть не должно, какъ животинѣ на тотъ ножъ, которымъ ее со временемъ колоть и рѣзать станутъ. Какъ отъ сего вѣстника разставанїю души нашей съ тѣломъ слабой плоти и боязливой крови человѣческой не испужаться? Намъ то больше всего помнить должно, какъ разрѣшенїемъ своимъ всякїя вещи очищаются, а изъ видимой кончины ихъ новая и чистѣйшая жизнь происходитъ, такъ власно и духъ нашъ въ то время прямо жить начинаетъ, когда отъ тѣлесной нечистоты смертью разрѣшась, совершенно очистится. Смерть прямое исправленїе существу и всему естеству нашему. Она конецъ той войнѣ, которую умъ нашъ со страстьми, а разумъ съ чувствами имѣетъ. Смерть успокоенїе тѣмъ противнымъ движенїямъ, которыя въ человѣкѣ отъ страстей возбуждаются. Они праздникъ и день покоя всѣмъ печалямъ духа и попеченїя человѣческаго о тѣлѣ своемъ. Смерть разрѣшенїе того состава, которой изъ безчисленнаго множества ма-

малѣйшихъ частицъ отъ природы сложенъ. Смерть есть разсыпанïе ослабѣвшихъ элементовъ, (стихïй) дабы онѣ другое и новое тѣло произвесть могли; а душа какъ божественное и неконччаемое существо къ безсмертному и превѣчному началу, то есть, къ Богу своему, въ духовное отечество возвращается. Ежели дѣтское мнѣнïе отъ смерти отнять, что она такое чистое дѣло природы и необходимое дѣло естества, которое къ человѣческому исправленïю и ко обновленïю цѣлаго свѣта служитъ, а слѣдственно ничего страшнаго и злаго въ себѣ не имѣетъ. Ежели умной человѣкъ часто о семъ помнить станетъ, то смерть ему утѣхою и даромъ природы покажется, а безразсудному человѣку преужаснымъ страшилищемъ себя являетъ. Императоръ Маркъ Аврелïй пишетъ: Вспомни, какъ давно ты сихъ разсужденïй не имѣлъ, и сколь часто тѣми случаями не пользовался, которые самъ Богъ въ руки тебѣ подавалъ? Нынѣ уже время тебѣ о томъ подумать, къ которому ты свѣту принадлежишь? Еще помяни, что ты отъ того духа произошелъ, которой всѣмъ свѣтомъ владѣетъ. Не забудь же и того, что жизни твоей предѣлъ положенъ. Ежели ты сей жизни на успокоенïе себя употреблять не станешь, то вѣдай себѣ, что время во мгновенïе ока улетитъ, тебя съ собою унесетъ, а назадъ во вѣки не возвратится. Частое напоминанïе о смерти за прямую дорогу къ истинному благополучïю для того почитать должно, что оно всякому человѣку сущую о томъ правду сказываетъ, чего, и какихъ пользъ ему отъ злаго, отъ прелестнаго и отъ суетнаго свѣта его ждать? Мы это ежедневно видимъ, что на свѣтѣ все одно, и все по прежнему дѣлается. Для сего-то намъ видимая суета не только скоро скучна, но по маломъ времени омерзѣвши, когда становится. Долго ли мнѣ не здоровыми ѣствами насыщаться? Долголь намъ на одно безумство и на ту же злость непостоянныхъ людей смотрѣть? Человѣку совершенно скучится, ежели на одну комедïю трожды посмотритъ. Это отъ начала свѣта прямое мнѣнïе лучшихъ и разумнѣйшихъ людей было. Которые изъ нихъ безщастнѣйшïе были, тѣ уже заблаговременно радовались, когда только кончину всякой плоти, (смерть) какъ безопаснѣйшее себѣ убѣжище естественно почувствовали, или издалече увидѣли. Всѣ мы на свѣтѣ странные и пришельцы. По что людямъ на скуку и на печаль маловременнаго странствованïя своего смотрѣть? Путешествующимъ въ корчму пришедъ, или на по-

постоялой дворъ пріѣхавши, надобно тѣмъ довольнымъ быть, что у хозяина сыщется. Мы въ тѣ поры довольны и совершенно спокойны будемъ, когда домой пріѣдемъ. Человѣку въ маловременной жизни своей никакой печали близько къ сердцу допускать не надобно, да по примѣру комедіянтовъ поступать надлежитъ. Они свою персону свободно и безъ всякаго пристрастія представляютъ. Плачутъ, а не печалятся. Купятъ и продаютъ, а у самихъ ничего нѣтъ. Повелѣваютъ безъ власти и безъ любоначалія. Сердятся безъ гнѣва, а наказываютъ безъ злобы и безъ мщенія. На конецъ персону свою вмѣстѣ съ платьемъ скинувши, безъ всякой печали и безъ всякой жалобы весело низполагаютъ. Щастливыбъ мы были, ежелибъ по примѣру странныхъ и пришельцовъ поступая, безъ алчбы и безъ жажды душѣ нашей пагубнаго богатства съ однимъ искреннимъ желаніемъ скораго прибытія въ прямое отечество наше добродѣтельно продолжали. Свѣтъ сей подобенъ театру, а всякой человѣкъ за семъ театрѣ комедіянтъ, то есть, игрокъ. Тебѣ совѣтую я лучше смотрителемъ, нежели дѣйствующимъ человѣкомъ (актеромъ) быть. Смерть карты сего свѣта такъ чудно мѣшаетъ, что хлопца подлѣ Короля, а шестерку сверьхъ туза кладетъ. Ежелибъ Богъ мнѣ опредѣлилъ бѣдну и безщастну быть, такъ я въ этомъ скучномъ состояніи до тѣхъ поръ стану жить, пока Творцу моему угодно явится. Буде же частымъ напоминаніемъ кончины моей заранѣе здѣлаю себя мертвымъ, то чрезъ сей душѣ моей полезный способъ избавляюсь всякой печали о скоро - приходящей суетѣ и о бѣгущей стѣни. Весь видимой нами свѣтъ ни что иное, какъ всегдашнее погребеніе времени. Настоящій день и часъ похороны минувшему дню и часу. Быстрое теченіе времени меня, жизнь мою и всѣ мои труды нечувствительно уноситъ. Есмь, и нѣсмь, что я видѣлъ, то прошло; а что слышалъ, то былъ сонъ и самое привидѣніе. Въ старые годы была Троя, Карѳагена, Ниневія, Вавилонъ, Персеполь, да Іерусалимъ; а нынѣ всѣ эти города раззорены. Нѣкогда процвѣталъ Коринѳъ, Спарта и Аѳины; а теперь всѣ эти мѣста опустѣли. Древній Римъ давно уже исчезъ, а въ нынѣшнемъ новомъ Римѣ едва сыщешь ли то мѣсто, на которомъ Неронова золотая палата, и гдѣ бѣдная хижина убогаго Эпиктета стояла. По чтожъ мнѣ о свѣтской перемѣнѣ печалиться? Ни внутри, ни около насъ ничего постояннаго нѣтъ. Настоящее упадаетъ въ будущее, какъ въ такую глубочайшую бездну или пучину, которая человѣка со всѣми его бѣдами нечаянно пожираетъ. Гдѣ теперь тѣ люди, которые

передъ нѣсколько тысячами лѣтъ велики и малы, богаты или убоги, веселы и печальны, побѣдители и побѣжденные были? Нѣтъ ихъ! А куда дѣвались? Всѣ померли. Для чегожъ ты смерть жестокимъ и страшнымъ дѣломъ почитаешь? По что о такой бѣдности жалуешься, которую смерть прекращаетъ? Это не малое къ намъ благодѣяніе Божіе, что Онъ маловременную жизнь человѣческую многими болѣзньми и печальми для того наполнилъ, дабы чрезъ сей спасительной способъ душу и мысль нашу отъ земли къ небеси обратить. По сему-то я въ темнотѣ жизни нашей, въ этой навозной кучѣ суеты, въ семъ шумѣ премногихъ тысячь языкахъ людей, въ этой быстрой рѣкѣ минутами, какъ крыльемъ летящаго времени и въ непрестанномъ его движеніи ничего такого не нахожу, чтобъ почтенія, или попеченія моего достойно было. Но о томъ только искренно радуюсь, что мнѣ въ этой поганой лужѣ не вѣкъ жить. Ты отъ пеленъ, да изъ колыбели своей власно какъ изъ лодки вышедши, во страну живыхъ пришелъ. А какъ въ этой землѣ о суетѣ и о тлѣнности свѣтской много печалиться сталъ, то про тебя ту лодку дѣлать начали, въ которой тебѣ на тотъ свѣтъ ѣхать. Не отягчай же души своей такими вещьми, о которыхъ ты и самъ не знаешь, когда, и какъ скоро принужденъ будешь ихъ оставить, да о той землѣ больше помни, куда тебя вѣрная дорога ведетъ. Тамъ ты не суету съ тлѣніемъ, но безмертіе съ превѣчнымъ Богомъ найдешь. Тамъ встрѣтитъ тебя съ небеси сошедшая истинная, и паки на небо взошедшая правда, (Христосъ Богъ нашъ) въ которую ты всѣмъ сердцемъ вѣровалъ. А на конецъ тотъ умы наши превосходящій міръ съ божественною утѣхою тебя обыметъ, котораго ты въ тлѣнныхъ вещахъ суетнаго свѣта весьма напрасно искалъ. Сіе-то есть оное божественное житіе, которое тебѣ добрая совѣсть и жизнь твоя въ чашу спасенія нальетъ, а небесной приставъ (Ангелъ Хранитель) введетъ тебя въ бесѣду и общество тѣхъ безсмертныхъ и благихъ духовъ, которые въ безпокойной радости власно какъ въ непрестанно цвѣтущихъ, а никогда неувядающихъ садахъ на безконечные вѣки вселятся. Возрадуйся же о томъ, что ты со злою компаніею разлучась, въ честнѣйшее собраніе тѣхъ блаженныхъ душъ преселенъ будешь, которыя на лонѣ Авраамли посреди многихъ обителей Отца Небеснаго въ некончаемой радости, въ любви и въ вѣчномъ мирѣ пребываютъ.

55.

Смерть.

Хотя бы смерть конечное разрушенїе всего естества моего была, тобъ она мнѣ и въ тѣ поры для того полезна быть долженствовала, что меня бездыханнымъ и безчувственнымъ учинитъ. До тѣхъ поръ слышу, что въ тлѣнной хораминѣ бреннаго тѣла моего безсмертная душа съ такимъ высокимъ духомъ живетъ, которому весь свѣтъ малъ и тѣсенъ. Сей же во мнѣ живущїй духъ на безконечную вѣчность созданъ. Сему нетлѣнному и безсмертному духу никакая тлѣнность вутренняго удовольствїя принесть не можетъ. Сего божественнаго духа высокое размышленїе, глубокое разсмотренїе правды съ причинами всѣмъ вещамъ, различенїе настоящаго, понятїе будущаго, чувствованїе правды, наказанїе съ отверженїемъ лжи и неправды, разумѣнїе добра и зла, познанїе Бога и безсмертїя, обрѣтенїе умомъ многожитїя и вѣчнаго блаженства. Неудовольствїе въ тлѣнныхъ, а наслажденїе со удовольствомъ въ нетлѣнныхъ вещахъ, воля и склонность къ почитанїю Творца, старанїе о достиженїи совершенства Божїя, всѣ эти высокїя свойства и доброты живущаго во мнѣ безсмертнаго духа суть истинные знаки, слѣды, образы и подобїя той вѣчности, которую премудрѣйшїй Творецъ во мнѣ разумныя созданїя къ своем прославленїю, а въ ихъ блаженству на безконечные вѣки и роды влїялъ. Я еще нѣчто такое въ себѣ чувствую, чего ни въ какой твари нѣтъ. Всѣ твари движутся чувствами и мечтанїемъ, а меня разумъ и мудрость водитъ. Хотя глаза мои того не видятъ, а уши не слышатъ, что есть правда, или что неправда, что зло, или что добро; однако такая сила во мнѣ есть, которая сама собою наполнившись, неизмѣримую глубину вѣчности постигаетъ. Сїе высокое понятїе также конца не имѣетъ, какъ самая вѣчность. Человѣкъ съ природы своей того желаетъ, чтобъ ему щастливо и въ покоѣ живучи не тлѣннаго искать. Только на семъ свѣтѣ ничего вѣчнаго не находя, весьма умно и праведно разсуждаетъ, что послѣ сего маловременнаго и суетнаго житья совсѣмъ иной и столь отмѣнной жизни быть надобно, гдѣ душа наша участницею совершеннаго спокойства быть можетъ. Хотя она совершенства на семъ свѣтѣ

усердно ищетъ, только нигдѣ и никогда его не найдетъ. Разумная природа истинное желанїе спокойства и благополучїя не даромъ въ душу человѣческую влїяла. Сїе-то есть подлинной знакъ врожденнаго душамъ нашимъ усердїя къ Богу и къ вѣчному благу. Моей душѣ за тѣмъ вѣчной быть должно, что она вѣчнаго ищетъ, а безсмертнаго желаетъ.

56.

Безсмертїе души.

Отъ самаго Творца въ души наши влїянной образъ превѣчнаго Божества его ни прейти, ни истлѣть не можетъ. Я въ себѣ такую часть сего образа и подобїя Божїя ношу, которая меня тогда укрѣпляетъ, когда тѣло мое не только въ болѣзняхъ страждетъ, но и самую смерть слышитъ. Только сїя крѣпительная въ страданїяхъ сила не человѣческая, но Божїя; не плотская, но духовная, не отъ сего видимаго и временнаго мїра, но отъ невидимаго и вѣчнаго свѣта. По сему душа моя весьма чудными вещьми укрѣпляется. Она отнюдь не тѣмъ, чѣмъ тѣло содержится. Отъ пищи и питья ничего не умножается. Воля человѣческая ни богатствомъ, ни честью, ни роскошью, ни забавами совершеннаго себѣ удовольствїя не получаетъ, и получить не можетъ. Она успокоивается воздержанїемъ страстей, возвышается отверженїемъ свѣтской суеты, прославляется правдою и мудростїю, а справедливостью, умѣренностью и разумною любовїю совершенно украшается. Когда всѣ эти душевныя свойства съ добродѣтельми вѣчны и нетлѣнны, то и питающейся ими душѣ безсмертной быть должно. Для чегожъ мнѣ о томъ печалиться, что душѣ моей больше вреда, нежели пользы и всякаго блага приноситъ? Душа моя къ некончаемой жеизни сотворена. За тѣмъ ее печальми о настоящемъ безъ мѣры отягчать не надобно. Разумному созданїю гораздо лучше всѣ эти пользы къ своему спокойству употребить, а о потерянїи тлѣнностей немного печалиться. Онѣ съ моимъ духомъ не равны, и ему отнюдь не свойственны. Умному человѣку полезнѣе смотрѣть на такихъ людей, которые на сей свѣтъ безъ ума и безъ памяти заглядѣвшись, о будущей жиз-

ни очень мало думаютъ. Лисимахъ, Птоломей, Иродъ, Теверїй, Неронъ и Дїонисїй за тѣмъ съ великою прискорбностью померли, что отъ блаженной жизни, отъ Бога и отъ человѣческихъ должностей удалились. Напротивъ того Каланъ, Сократъ, Тераменъ, Іеронъ, Сенека, Фокїонъ, Маркъ Аврелїй, и другїе добродѣтельми своими въ древности славные мужи, при самой смерти своей для того радостны и веселы были, что во всю на семъ свѣтѣ жизнь свою Богомъ да правдою веселились. Они это заблаговременно видѣли, что смерти подлежащему человѣку и живущему въ немъ безсмертному духу весьма не пристойно о тлѣнномъ печалиться, а о скоро-преходящемъ плакать. Для того эти великїе люди во всякихъ припадкахъ жизни своей всегда равнодушны, а при смерти добры и великодушны были. Нынѣ въ такое мѣсто преселились, гдѣ (можетъ быть) маловременное терпѣнїе свое въ безконечной радости все позабыли. И со мною власно то же будетъ. Душа моя на конецъ, какъ запертая птица, изъ темной клѣтки тѣла своего вылетѣвъ и во отечество чистыхъ духовъ преселясь, всю нечистоту земныхъ печалей и болѣзней забудетъ. Сїя блаженная страна издалече меня веселитъ подлинною о томъ извѣстностью, что никакая болѣзнь ни печаль съ воздыханїемъ до границъ райскаго селенїя достигнуть не можетъ. Какъ я умру, то тѣло мое землѣ предадутъ, а духъ мой на небо ко Творцу и Богу своему возвратится. Въ этомъ святомъ жилищѣ врагъ меня не утѣснитъ, другъ меня не оставитъ, убожество не опечалитъ, богатство въ свирѣпость не приведетъ, честь не возгордитъ, ругательство не обезпокоитъ болѣзнь не замучитъ, роскошь не побѣдитъ, суета ко грѣху не приведетъ, а ложное мнѣнїе съ мечтою никогда не ослѣпитъ. Оставайтесь же всѣ печали назади, а за мною далѣ постели моей не гонитесь. Сей одръ самое подобїе гроба моего. Въ этомъ я къ вѣчности опредѣленномъ домѣ моемъ всѣ болѣзни, печали, бѣды и напасти свои схоронивъ, а попеченїе о временной жизни съ платьемъ скинувши, сладко спать стану. Не будитежъ меня, не пресѣкайте сладкаго сна и драгаго покоя моего. Лучше мнѣ васъ житейскїя попеченїя заранѣе оставить, нежели съ вами до тѣхъ поръ таскаться, пока уже смерть сама человѣку скажетъ: Напрасно ты другъ мой о суетномъ и тлѣнномъ печалился. Оставляй теперь все; ступайка со мною, пора тебѣ домой. Развѣ мнѣ о томъ попеченїе и трудъ приложить, чтобы во всемъ должность разумнаго человѣка

испол-

исполнить? Отъ сего произойдетъ ближнему моему польза. Мнѣ самому будетъ душевной миръ и духовная радость, а Творцу моему честь и слава во вѣки. Дурному вечная память. Аминь. А нам на здоровье.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

